

Ю. А. Петросян • Турецкая публицистика эпохи реформ

Ю. А. Петросян

Турецкая
публицистика
эпохи реформ
в Османской
империи

(конец XVIII-
начало XX в.)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. А. Петросян

**Турецкая
публицистика
эпохи реформ
в Османской
империи**

**(конец XVIII-
начало XX в.)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1985

Ответственный редактор
академик А. Н. КОНОНОВ

Первое в отечественной историографии исследование истории возникновения и развития жанра политической публицистики в Османской империи на фоне развития турецких реформаторских движений эпохи нового времени. История турецкой публицистики написана на основе анализа оригинальных турецких первоисточников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Исследование представляет интерес не только в плане изучения истории реформ и идеологии реформаторов, но и существенно расширяет знания специалистов в области общественно-политической мысли Турции и ее литературы в указанное время.

П 0202000000-023 2-85
013(02)-85

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1985.

Введение

Зарождение турецкого книгопечатания и постепенное развитие на его основе книгоиздательского и газетного дела внесло в жизнь Османской империи XVIII—XIX вв. новый важный элемент общественного развития. История турецкой печати в XVIII — начале XX в. весьма полно представлена в монографии А. Д. Желтякова¹. В рамках истории турецкой печати особое место занимает публицистика, выполнявшая функции стимулятора общественного и культурного прогресса. Изучение турецкой публицистики XVIII — начала XX в. позволяет увидеть жизнь Османской империи эпохи реформ нового времени глазами современников и участников событий, ощутить реальность перемен в общественном сознании, понять характер движущих сил реформаторского движения, силу и слабость его идеологов.

Публицистика, так же как и печать, частью которой она является, относится, по словам К. Маркса, «к условиям жизни народа как *разум*, но не в меньшей степени и как *чувство* (выделено Марксом.— Ю. П.). Она говорит поэтому не только разумным языком критики, которая существующие отношения видит со своей высоты, но и полным страсти языком самой жизни... Свободная печать, наконец, несет народную нужду в ее непосредственной форме, не преломленной через какую бы то ни было бюрократическую среду, к ступеням трона, доносит ее до государственной власти...»². Эта характеристика общественной значимости и роли печати в полной мере относится и к истории турецкой публицистической литературы.

Турецкая публицистика является одновременно и порождением эпохи реформ в Османской империи, и важнейшим конструктивным фактором развития реформаторского движения. Ее истоки относятся к периоду, когда были сделаны первые робкие попытки преобразований в области государственных дел и культуры (первая половина XVIII в.), а черты зрелости она приобре-

тает лишь в годы первого в истории Турции конституционного движения. В период же младотурецкого движения конца XIX — начала XX в. публицистика становится важнейшим орудием политической борьбы, заметным фактором общественно-политической жизни страны.

Изучение турецкой публицистики находится на стыке историографии и литературоведения. Анализ проблематики публицистических сочинений, их политической направленности требует точного определения исторического контекста произведения. Литературно-стилистические и языковые особенности публицистических работ могут быть оценены только в русле новых тенденций в турецкой литературе нового времени. Вместе с тем материалы публицистики представляют сами по себе ценный источник для изучения истории общественно-политической мысли и литературы Турции. Наконец, турецкая публицистика XIX в. дает в руки исследователей ценный материал для изучения истории турецкого литературного языка, ибо публицистам той поры принадлежит значительный вклад в модернизацию языка и стиля турецкой литературы.

Сказанным выше определяется, на наш взгляд, задача специального изучения истории турецкой публицистики в XVIII — начале XX в. — от первых попыток реформ в первой трети XVIII в. до младотурецкой революции 1908 г., в идейной подготовке которой публицистика сыграла весьма заметную роль.

Турецкая публицистика рассматриваемого периода не была до настоящего времени предметом специального изучения историков или литературоведов. Сведения о ней разбросаны по многочисленным работам современников, отдельные произведения упоминаются и иногда кратко анализируются в ряде работ современных советских и зарубежных туркологов. Истоки публицистики как литературного жанра прослежены на материалах XVIII в. в ряде содержательных и важных в оценочном плане статей Е. И. Маштаковой³, которая проанализировала черты публицистики в памфлетах и сепаретнаме (посольских книгах).

Наиболее значительный вклад в изучение турецкой публицистики рассматриваемого периода в историческом плане сделан А. Д. Желтяковым в упомянутой выше работе. Особенно ценен содержащийся в ней анализ тех материалов турецкой периодической печати, на страницах которой с начала 60-х годов XIX в. турецкая

политическая публицистика заняла весьма заметное место. Из работ турецких авторов, затрагивавших вопросы, связанные с публицистикой, следует выделить насыщенные ценным фактическим материалом оригинальные исследования Шерифа Мардина⁴, в которых содержится анализ ряда публицистических произведений «новых османов» и младотурок.

Представленная в библиографии настоящей работы советская и зарубежная литература не только помогла автору в отборе и анализе основных источников данного исследования, но и облегчила во многом непростой поиск публицистических произведений, выходявших отдельными изданиями и давно ставших библиографической редкостью в самой Турции. Этот поиск автор вел на протяжении двух десятилетий как в отечественных, так и в зарубежных хранилищах (Турция, Болгария, Румыния, Югославия). Публицистика второй половины XIX — начала XX в. в большей части была плодом деятельности турецкой политической эмиграции в Европе или в Каире; в самой Турции публицистические произведения распространялись тайно. Поэтому далеко не все произведения той поры сохранились в фондах библиотек, а некоторые и вовсе не дошли до наших дней либо хранятся в частных библиотеках, часто в неизвестности.

Так, в 1961 г. автору удалось познакомиться в доме Ибрагима Темо в Меджидийе (Румыния) с рядом очень редких турецких публицистических произведений, которые передала ему для изучения вдова этого крупного деятеля младотурецкого движения⁵. Весьма ценные и редкие произведения турецких политических публицистов XIX в. содержат ленинградские книгохранилища, особенно библиотеки ЛО ИВ АН СССР и Восточного факультета ЛГУ.

Источниками для настоящей работы явились все оказавшиеся доступными автору произведения турецкой публицистики, опубликованные отдельными изданиями. Выбор такого круга источников был продиктован несколькими обстоятельствами. Турецкая книжная публицистика представляет собой самостоятельную часть публицистической литературы страны. До 60-х годов XIX в. — времени зарождения турецкой частной прессы — жанр публицистики развивается исключительно в форме книги. Уже поэтому изучение истории турецкой книжной публицистики является самостоятельной научной задачей.

Книжная публицистика явилась почвой для появления публицистики газетной, интенсивно развивавшейся в Турции с середины 60-х годов XIX в. Газетная политическая публицистика достаточно подробно освещена А. Д. Желтяковым в контексте общей истории турецкой печати, а потому автор имел возможность опереться на анализ и материал его исследования в рамках целей и задач настоящей работы. Политическая же публицистика, представленная отдельными изданиями в виде книг и брошюр, в монографии А. Д. Желтякова специально не исследуется.

Во второй половине XIX — начале XX в. турецкая книжная и газетная публицистика развивались взаимосвязанно, имея общие общественно-политические задачи. Газетная публицистика получила свое развитие в период, когда публицистический жанр на турецкой почве уже почти сложился. Вобрав в себя весь опыт книжной публицистики, турецкая пресса, в свою очередь, оказала немалое влияние на последующее развитие всего жанра. Вместе с тем оба вида публицистики, имея общие задачи, обладали разными литературными и публицистическими приемами. Так, книги и брошюры гораздо полнее, чем газетная статья, разрабатывали одну или несколько связанных между собой тем. Кроме того, форма книжной публицистики имела в условиях Османской империи того времени особое значение: почти вся турецкая публицистика второй половины XIX — начала XX в. была нелегальной и распространение небольших брошюр было делом более легким. Книги и брошюры чаще, чем газеты, сохранялись в личных библиотеках, и в результате их публицистическая роль оказывалась более долговечной.

Книжная турецкая публицистика конца XVIII — начала XX в. представлена сравнительно небольшим числом произведений, написанных на турецком, а иногда и на французском языке. Многие из них относятся сегодня к числу редких изданий. Среди произведений XVIII в., представлявших собой своеобразную предысторию жанра, есть сочинения ряда известных деятелей турецкой истории. Это видный сановник и дипломат Мехмед Челеби — автор известного «Сефаретнаме» (1721 г.), турецкий первопечатник Ибрагим Мутеферрика, перу которого принадлежал трактат «Основы мудрости в устроении народов» (1732 г.), и крупный сановник и дипломат Ахмед Ресми, создавший интереснейший

памфлет «Сок достопримечательного» (см. Библиографию).

На рубеже столетия появились сочинения, написанные лицами из окружения первых султанов-реформаторов Селима III и Махмуда II. Труд Махмуда Раифа «Картина нового устройства Османской империи» (1798 г.) и «Памфлет инженера Сеида Мустафы о современном состоянии военного искусства, инженерного дела и наук в Константинополе» (1803 г.), хотя и опубликованные на французском языке, явились свидетельством зарождения турецкой политической публицистики. Свой вклад в становление жанра внес и историограф Мехмед Эсад своим сочинением «Основа победы» (1828 г.), в котором он поддерживал идею реформ Махмуда II.

Эпоха Танзимата отмечена появлением нескольких произведений, в которых черты жанра политической публицистики выглядят более определенными. Это сочинения активных участников танзиматских реформ — «Очерк Европы» крупного государственного деятеля Мустафы Сами (1840 г.), а также «Очерк о положении Европы» и «О реформах в Османской империи», написанные крупным сановником и дипломатом Садыком Рифатом (1837—1839 гг.).

Черты зрелости жанра проявляются в произведениях участников конституционного движения 60—70-х годов. Среди них — «Письмо из Парижа» видного сановника Мустафы Фазыла (1867 г.), «Реформы, необходимые для государств мусульманских» — сочинение известного государственного деятеля Тунуслу Хайреддина (1868 г.), а также известная брошюра творца первой турецкой конституции Ахмеда Мидхата «Турция. Ее прошлое ее будущее» (1878 г.). Яркие публицистические произведения принадлежат перу наиболее видных идеологов движения «новых османов». «Сон» и «Магосские письма» известного писателя и поэта Намыка Кемалья (1873—1876 гг.), «Прошение» и «Сон» видного литератора Абдулхамида Зии (1867—1869 гг.) и ряд других сочинений этого периода оказали большое влияние на развитие политической публицистики Османской империи.

Младотурецкая публицистика конца XIX — начала XX в., опираясь на накопленный опыт своих предшественников, создала значительное число произведений весьма разнообразных по тематике, но в целом направленных на борьбу с абсолютизмом, на установление ре-

жима конституционной монархии. Это сочинения лидеров движения Ахмеда Ризы, принца Сабахеддина, видных младотурецких публицистов Ахмеда Саиба, Туналы Хильми, Исмаила Хаккы, ряд важных по содержанию анонимных брошюр, в которых также пропагандировались идейные воззрения младотурок.

Анализ названных сочинений позволяет составить сравнительно полное представление о процессе зарождения и развития жанра турецкой политической публицистики, его общественной значимости и роли в политической и культурной жизни страны. Подобный анализ, естественно, опирается на достижения советской и зарубежной туркологии в области изучения средневековой и новой истории Турции.

Автор учитывал положения и выводы общих работ по истории Турции, созданных А. Ф. Миллером (1947 г.) и А. Д. Новичевым (1967 г.), многотомного труда А. Д. Новичева по истории Турции (т. I—IV, 1963—1978 гг.), а также коллективного труда советских историков-туркологов «Очерки истории Турции» (1983 г.). Полезными для данного исследования были труды туркологов-литературоведов, в том числе работы Л. О. Алькаевой и Х. Кямилева, а также отмеченные выше исследования Е. И. Маштаковой, В. Стамбулова.

Значительный фактический материал почерпнут из работ турецких (Н. Беркес, Э. З. Карал, М. Дж. Кунтай, А. Б. Куран, Т. З. Туная, Ш. Мардин) и западноевропейских (Р. Дэвисон, Б. Льюис) авторов. Содержание их исследований позволило анализировать собранный из источников материал в необходимом историческом контексте, а также получить дополнительные сведения о судьбе различных сочинений и их авторов.

История турецкой политической публицистики самым тесным образом связана с основными процессами общественно-политической и культурной жизни страны. Поэтому автор счел необходимым предварить свое исследование разделом, специально посвященным тем аспектам движения за реформы в Османской империи, которые определяли развитие турецкой публицистики и, в свою очередь, подвергались ее идейному влиянию.

Глава I

Движение за реформы в Османской империи и его идеология

Противоборству старого и нового в социально-политической и культурной жизни Османской империи, начавшемуся на рубеже XVIII—XIX вв., предшествовал длительный, занявший почти век, период осознания необходимости реформ, определения их направленности, робких поисков средств их осуществления. Идеи улучшения положения страны, выдвигавшиеся рядом турецких государственных деятелей на протяжении XVIII в., связывают первые попытки преобразований в начале века с получившими известность реформами Селима III в конце XVIII в. Более того, можно утверждать, что в ходе идейной борьбы за реформы весь XVIII в. явился по существу преддверием эпохи реформ.

Эпоха нового времени в истории Турции открывается реформами султанов Селима III¹ и Махмуда II² и охватывает весьма значительный исторический период, завершившийся полным крушением Османской империи в результате военных и политических авантур младотурок. Определяющей чертой этой эпохи было медленное вызревание капиталистических отношений и соответствующих им норм жизни общества в рамках прежней социально-политической системы Османской империи. Другой отличительной чертой ее, уже в первой половине XIX в. оказывавшей значительное воздействие на все стороны жизни страны, стала постоянно возрастающая экономическая и политическая зависимость Османской империи от крупнейших капиталистических держав Европы. В последней четверти XIX в. этот процесс привел к превращению Турции в полуконию империалистических держав. Третьей характерной чертой было неуклонное развитие процессов на-

ционально-освободительной борьбы нетурецких народов империи, которая все более расшатывала государственное здание и социальные устои страны. В этих условиях определяющей чертой социальных и политических мер правящих кругов было стремление сохранить и укрепить империю с помощью «европеизации» ее государственного устройства, экономической, политической и культурной жизни.

Весьма примечательно, что процесс обновления государственного механизма империи начался (и долгое время оставался) главным образом как процесс преобразования военной машины Османского государства. Когда военные поражения XVIII в., которые одно за другим империя терпела от стран Европы, со всей очевидностью продемонстрировали крайнюю степень ее военно-политической и экономической слабости, перед правящими кругами страны остро встал вопрос о неотложной необходимости проведения реформ. При этом главное внимание султанов и их окружения было направлено на военную реорганизацию империи в целях восстановления ее военно-политического могущества.

Позднее постепенное осознание правящими кругами необходимости более широких преобразований привело к реформам Танзимата 40—70-х годов³, в процессе которых произошли значительные сдвиги в социально-экономической области, в частности в системе землевладения и землепользования, в политико-административной сфере, что выразилось в переустройстве на европейский лад основных государственных и правовых институтов, а также в некотором насаждении и укреплении позиций новой светской культуры и образования. Наконец, конституционное движение 60—70-х годов, завершившееся первой в истории Турции конституцией⁴, и младотурецкое движение конца XIX—начала XX в.⁵, подготовившее первую турецкую буржуазную революцию 1908 г., привели к значительным переменам в социально-политической жизни Османской империи. Новые социальные силы и группы (уже достаточно сильная нетурецкая и молодая растущая турецкая торговая и отчасти промышленная буржуазия, прогрессивно настроенная часть османской бюрократии, сформировавшаяся в период реформ, разночинная молодая турецкая интеллигенция) сумели возглавить борьбу за прогресс. Их усилиями эпоха нового времени стала важнейшим этапом в борьбе за превращение средневековой теокра-

тической монархии в конституционно-монархическое государство, в котором буржуазные государственные институты и нормы правопорядка стали оказывать большое влияние на жизнь страны.

В культуре турецкого общества этой поры также произошли значительные сдвиги, значение которых можно верно оценить, только если учитывать огромную силу клерикальной реакции, противодействовавшей любым новшествам в сфере культуры. Пожалуй, можно сказать, что именно в области культуры борьба между старым и новым была особенно ожесточенной. И именно первые достижения на этом пути смогли обеспечить формирование новой турецкой интеллигенции, которая сыграла исключительно важную роль не только в культурной, но и в общественно-политической жизни Османской империи.

Эпоха нового времени, вместе с новой системой образования и освоением культурных богатств европейских народов, принесла много нового в турецкую культуру, в развитие общественно-политической мысли. Новые литературные тенденции также были непосредственно связаны с движениями за реформы и их идеологией. В этом историческом контексте родилась и получила свое развитие и турецкая публицистика.

* * *

Для правильного понимания процесса развития турецкой публицистики конца XVIII — начала XX в. особое значение имеет вопрос о движущих силах⁶ и идеологии реформаторского и конституционного движения⁷, ибо именно в их русле, под влиянием их идеологов и руководителей развивалась и крепла турецкая публицистика. Будучи порождением сторонников реформ разных мастей, отражая их идейные воззрения, эта публицистика, в свою очередь, оказывала значительное воздействие на реформаторов и их деятельность.

С момента зарождения первых реформаторских идей в XVIII в. и до конституционного движения 60—70-х годов XIX в. решающую роль в борьбе за реформы государственных социальных, политических и культурных институтов с целью обновления и «европеизации» обветшавшей государственной машины империи играла новая по умонастроениям прослойка в высшей османской бюрократии. Ее первые единичные представители были в числе тех, кто самоотверженно поддержал Се-

лима III в его борьбе с весьма могущественными тогда реакционерами. Уже десятки крупных представителей бюрократии были опорой другого султана-реформатора, Махмуда II. На протяжении полувека — от знаменитого уничтожения янычарской вольницы в 1826 г. и до провозглашения конституции 1876 г. — уже сотни по-новому, в том числе по-европейски, образованных чиновников составляли главную социальную опору и важнейший инструмент осуществления планов идеологов реформ Танзимата — Решид-паши, Али-паши и Фуад-паши. Новая по духу прослойка в османской бюрократии поддерживала и проводила в жизнь те идеи лидеров реформаторского движения первой половины XIX в., которые были направлены на установление новых государственно-правовых, социальных и культурных институтов при обязательном условии сохранения неограниченной власти султана, опирающегося на верхушку духовенства, а также при обеспечении целостности империи и власти султана над нетурецкими народами.

В процессах зарождения и развития новых социальных сил, которые стали опорой реформаторов и стимулятором движения за реформы, особенно большую роль сыграли те перемены в области образования и просвещения, которые XIX в. принес Османской империи⁸. Новая светская школа, новые веяния в сфере образования создали условия для формирования новой прослойки чиновничества, сознательно воспринимавшей и поддерживавшей комплекс реформаторских мероприятий, опиравшихся на европейский опыт. Это были, как правило, люди, которых ломка традиционного для османских государственных деятелей представления о превосходстве Востока над Западом привела к убеждению, что «европеизация» — путь к прогрессу Османской империи⁹. Преодолев в своем сознании вековую убежденность в преимуществе всех мусульманских государственных, социальных и культурных институтов, эти представители новой бюрократии составили в период Танзимата реальную политическую силу, которая противостояла мощному лагерю феодально-клерикальной реакции, постоянно тормозившему дело реформ.

Круг сторонников реформ значительно расширился и в процессе функционирования новых центральных органов государственного аппарата. В канцеляриях учрежденных новых министерств сотни чиновников втягивались в работу, построенную на европейских принципах. В про-

цессе подготовки многих новых законодательных актов эпохи Танзимата эта бюрократия знакомилась с законодательством и нормами буржуазного правопорядка европейских стран. Разумеется, все это не следует переоценивать, имея в виду относительную узость круга таких людей в сравнении с массой чиновничества, особенно провинциального, не затронутого этим процессом. Но наличие достаточно заметной в политической жизни страны группы в османской бюрократии, на сознание и умонастроение которой наложили отпечаток идеи «европеизации», стало существенным фактором общественно-политической жизни Османской империи в эпоху реформ. Современный американский исследователь Р. Чемберс пишет, говоря об этом времени: «Турецкая гражданская бюрократия была одновременно объектом и агентом политической модернизации. Она являлась объектом, поскольку политическая модернизация потребовала новой практики ее комплектования и обучения, переориентации ее целей и ценностей... она же была агентом политической модернизации в силу того, что гражданские чиновники сами были в числе турецких модернизаторов»¹⁰.

Реформаторские идеи в рамках курса на «европеизацию» активно поддерживали и многие представители новой турецкой дипломатии, появившейся в результате образования в 30-е годы XIX в. турецких посольств в европейских столицах¹¹. Это открыло еще один путь для формирования прогрессивно настроенного османского чиновничества нового типа, когда к идее реформ турецкие чиновники высшего и среднего звена приходили через непосредственное знакомство с государственной практикой, общественной жизнью и культурой европейских стран.

Все эти факторы — новая светская школа, определенная «европеизация» системы государственного управления, расширение контактов с европейскими странами — повлияли не только на появление новой прослойки в чиновничестве. К середине XIX в. все более определенно вырисовывается другая новая важная социальная прослойка, которой суждено было сыграть исключительную роль в деле борьбы за реформы. Молодая турецкая интеллигенция — продукт эпохи Танзимата — с 60-х годов XIX в. становится наиболее важной социальной опорой реформаторов и первых турецких конституционалистов. При этом важно отметить, что если

появление бюрократии нового типа представляло собой важный сдвиг в одном из традиционных слоев отсталого османского общества, то выход на общественную арену молодой турецкой интеллигенции был явлением другого, совершенно особого характера. Впервые в политической и культурной жизни Османской империи появилась сила, стремившаяся влиять на общественно-политическую жизнь вне рамок государственных институтов, формировать общественное мнение и воздействовать на него.

До периода борьбы за первую турецкую конституцию 1876 г. руководство движением за реформы было в руках бюрократии нового типа. Ее лидеры не имели четко сформулированной идейной платформы, хотя у Решида, Али и Фуада была своя определенная система воззрений на методы и пути осуществления реформ. Общую их идею достаточно определенно выразил Фуад-паша, заявлявший о необходимости «изменить все наши институты — как политические, так и гражданские»¹². Таким образом, лидеры Танзимата сознавали необходимость коренных реформ социальной и политической структуры страны. Но при оценке глубины и последовательности реформаторских устремлений новой бюрократии следует принимать во внимание, что реформаторы из этой социальной среды видели в реформе главным образом средство для ликвидации значительного отставания Османской империи от наиболее развитых стран Запада и хотели обеспечить такую политическую модернизацию страны, при которой ее основные социальные институты и власть султана над покоренными народами оставались бы неизменными.

Значительно дальше распространялись реформаторские намерения молодой турецкой интеллигенции, которая в 60-х годах XIX в. возглавила борьбу за превращение империи в конституционно-монархическое государство. К этому моменту эта новая социальная прослойка окрепла — ее кадры составляли сотни учителей новой светской школы, врачей, получивших специальное «европейское» образование, значительная группа по-европейски образованных офицеров, главным образом инженеров разных специальностей, литераторы и журналисты. Появление в 60-х годах турецкой частной прессы стало особенно значительным событием в истории движения за реформы, ибо проблема вышла благодаря ей за пределы круга просвещенной бюрократии, став

достоянием значительно более широкого круга людей и способствуя зарождению в турецкой среде общественно-го мнения. Последнее обстоятельство сыграло значительную роль в дальнейшем развитии движения за реформы. Молодая турецкая интеллигенция начала с 60-х годов выполнять важную функцию общественного пропагандиста реформы, сумела значительно расширить круг сторонников реформаторских идей.

Особенно важной чертой представителей этой интеллигенции было их ярко выраженное стремление к общественно-политической деятельности, что особенно проявилось в создании в стране в 1865 г. первой тайной политической организации, известной как «Общество новых османов»¹³. Деятельность этой организации стала отправной точкой конституционного движения в Османской империи.

Примечателен состав членов Общества новых османов. Большинство членов его, а также сторонников складывалось в основном из офицеров, моряков, медиков, литераторов и издателей. Ядро организации и ее руководство составляли представители молодой интеллигенции, причем для биографий большинства руководителей Общества было характерно сочетание литературной или журналистской деятельности с государственной службой. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что среди руководителей и активных деятелей общества было немало юношей из семей богатых чиновников, а также некоторые крупные османские военные и гражданские сановники. Так в политической жизни страны впервые соединились два потока сторонников реформы, возникшие в результате преобразований первой половины столетия,— бюрократия нового типа и молодая интеллигенция. При этом социально-политические устремления этих разных социальных группировок не были однозначными: планы молодой интеллигенции шли значительно дальше. Ее лидеры не только выдвинули на страницах эмигрантской прессы «новых османов» требование о провозглашении конституции, но и смогли дать теоретическое обоснование новым для турецкого общества идеям.

Соединение двух различных общественных сил в конституционном движении 60—70-х годов особенно проявилось в деятельности лидера конституционалистов Мидхат-паши. Этот крупный представитель бюрократии нового типа оказался одним из первых деятелей эпохи

Танзимата, выступивших в поддержку конституционных идей «новых османов»¹⁴.

Вопрос о форме государственного устройства, о прерогативах высшей законодательной и исполнительной власти, впервые сделанный предметом общественного обсуждения молодой интеллигенцией, нашел определенный отклик в среде той части бюрократии, которая была движущей силой реформ. Идея конституционного ограничения власти султана и установления парламентарного режима рассматривалась этой бюрократией как основа проведения дальнейших реформ.

Расширение социальной базы движения за реформы наряду с рядом внешних факторов создало условия для провозглашения первой турецкой конституции в 1876 г. Однако ни конституция, ни парламент не оправдали возлагавшихся на них надежд. В этот период особенно очевидной стала сохранившаяся абсолютной властью султана, которая, защищая свои права, породила особо тяжелую форму деспотизма — режим «зулюма» Абдул Хамида II (см. гл. V).

После поражения конституционного движения и разгона султаном парламента бюрократия нового типа утратила свое значение в качестве ведущей силы реформ, что было обусловлено ее социальной и политической ограниченностью. В этих условиях резко повысилось значение молодой интеллигенции, кадры которой составили в конце века политическое ядро и движущую силу младотурецкого движения.

То обстоятельство, что реформы XIX в. носили весьма ограниченный характер, а конституционное движение столь быстро потерпело поражение, было в немалой степени обусловлено узостью социальной базы сторонников реформ, представлявших те социальные силы, которые по своему происхождению и характеру сохраняли довольно тесную связь с элитой османского феодального государства. Этим обстоятельством была предопределена и ограниченность идейных воззрений реформаторов. И тем не менее идеология «новых османов» — младотурок стала самой яркой страницей в истории реформаторских идей в Османской империи.

* * *

Если в конце XVIII — первой половине XIX в. движение за реформы основывалось на самых общих идеях «европеизации» страны с целью экономического и куль-

турного прогресса, то во второй половине столетия оно обладало уже определенным комплексом социально-политических и идейных воззрений. Конституционалисты 60—70-х годов, а позднее младотурки стали подлинными идеологами реформаторского движения второй половины XIX в. И поскольку турецкая публицистика на протяжении полувека была связана с этими общественно-политическими движениями, представляется целесообразным предварить рассмотрение истории ее краткой характеристикой идеологии младотурок на двух этапах — конституционного движения 60—70-х годов и оппозиционной борьбы в конце XIX — начале XX в.

Во взглядах большинства идеологов конституционного движения переплетались религиозные и светские представления, догматы ислама и различные европейские, главным образом просветительские, теории происхождения государства и права. Они не создали сколько-нибудь самостоятельной теории государства и права, но их попытки перенести на турецкую почву идеи французских просветителей об общественном договоре были качественно новым шагом в истории общественной и политической мысли Турции. Важное теоретическое значение для формирования политической программы конституционалистов имело положение о неотчуждаемости верховной власти, впервые в Турции обоснованное в работах Намыка Кемаля. Он утверждал, что существование государства должно основываться на согласии его граждан, которые от природы наделены определенными правами, а функция государства — обеспечение этих прав.

Одной из черт идеологии первых конституционалистов было стремление согласовать либеральный реформизм с нормами ислама. К. Маркс был глубоко прав, когда писал Ф. Энгельсу 25 мая 1876 г.: «Ты помнишь, что недавно, когда мы говорили о Турции, я указал тебе на возможность возникновения среди турок пуританской партии (опирающейся на Коран). Это теперь осуществилось»¹⁵.

В идеологии турецких конституционалистов были некоторые черты, перекликающиеся с идеями мусульманской реформации. Во всяком случае, в их взглядах, как и в воззрениях идеологов реформации в Египте, налицо было стремление доказать, что ислам вполне пригоден в качестве идейной основы для управления государством в складывающихся новых социальных условиях.

Лидеры конституционного движения 60—70-х годов находились под заметным влиянием идей европейских просветителей. Намык Кемаль прямо называл в своих работах книги тех европейских мыслителей, которые оказали влияние на его взгляды: «Дух законов» Монтескье, трактат Руссо «Об общественном договоре», исторические сочинения Вольнея. Именно из трудов французских просветителей идеологи турецкого конституционного движения заимствовали положения о неотчуждаемости верховной власти и разделении законодательной и исполнительной власти. Следуя принципам европейских просветителей XVIII в., они рассматривали просвещение народа как основной инструмент социального, политического и культурного прогресса человечества.

Турецкие конституционалисты считали, что основными внутренними причинами тяжелого экономического положения страны были непосильные налоги и методы их взимания, ростовщичество и произвол администраторов. Их аграрная программа не шла дальше отмены откупной системы, ограничения ростовщичества и использования достижений сельскохозяйственной науки.

Отражая интересы нарождавшейся национальной буржуазии, идеологи конституционалистов ставили вопрос о ликвидации капитуляционных привилегий иностранцев, о пересмотре неравноправных торговых договоров Османской империи с европейскими капиталистическими державами. Они также резко выступали против политики внешних займов.

Основным политическим средством, которое могло бы обеспечить экономический и культурный прогресс Османской империи, «новые османы» считали превращение ее в парламентарную конституционную монархию. Однако конкретное содержание проектов конституции и системы будущего парламентарного строя различными деятелями движения определялись по-разному. Диапазон их воззрений в этом плане достаточно широк — от убежденного, но мирного конституционного реформизма Намыка Кемалья до открытого бунтарства другого известного лидера конституционалистов, Али Суави, с его довольно туманной программой борьбы за идеалы всеобщего равенства и свободы. Главной причиной идейных разногласий было то, что молодая турецкая интеллигенция, составлявшая ядро движения, сама была многими узами связана с феодальным строем, осо-

бенно с его бюрократией. Это определяло непоследовательность, а подчас и противоречивость идейных позиций лидеров конституционалистов. Постоянная борьба светского и духовного начал, определявшая двойственность мышления лидеров движения, также была одной из причин этой непоследовательности.

В идейных воззрениях конституционалистов впервые в Турции зазвучали патриотические настроения, свидетельствовавшие о пробуждении национального самосознания турецкого народа, которые, в свою очередь, способствовали его дальнейшему усилению. Значительную роль в этом процессе сыграла борьба «новых османов» за близость литературного языка к народному, за простоту стиля и освобождение турецкой литературы от арабо-персидского влияния.

Важнейшей проблемой Османской империи в рассматриваемый период был национальный вопрос. К его решению первые турецкие конституционалисты подходили с явно реакционных, великодержавных позиций. Их лидеры требовали сохранения турецкого господства над славянами Балкан, греками, армянами, арабами, курдами и другими народами империи. Они пытались даже теоретически обосновать «историческую нецелесообразность» национально-освободительного движения нетурецких народов империи. Именно с этой целью идеологами движения была сформулирована доктрина османизма, которая стала важнейшей идейно-политической концепцией молодого турецкого либерально-конституционного движения. Ее основное содержание было определено его лидерами как идея «равенства и единства» всех народов многонациональной турецкой державы в пределах «общей родины» — Османской империи. Практически же эта позиция означала сохранение турецкого господства над всеми народами империи. Она ослабляла позиции турецких конституционалистов в борьбе с феодальным абсолютизмом, так как мешала их союзу с нетурецкой буржуазией империи.

«Новые османы» видели в конституции основное средство против усиливающегося с каждым годом подчинения Османской империи крупным европейским державам. Вместе с тем, выступая с требованиями полной независимости, они ориентировались во внешней политике на Англию, которая, боясь усиления влияния России на Балканах, проводила в отношении Османской империи так называемую политику «статус-кво».

Борьбу первых турецких конституционалистов против феодального абсолютизма продолжали в условиях окончательного превращения Османской империи в полуколонию младотурки. Их лидеры и идеологи развивали положение о неотчуждаемости верховной власти; они утверждали в своих работах, что монарх является лицом, ответственным перед народом, что верховная власть принадлежит всему обществу и от его лица передается верховному правителю и т. п.

Опираясь на опыт применения конституции 1876 г. и первого турецкого парламента, младотурки вели свою политическую деятельность под общим для всех группировок и лидеров движения лозунгом восстановления этой конституции. В теоретических работах их идеологов значительное место уделялось обоснованию преимуществ конституционного управления перед абсолютизмом. Выступая в целом под лозунгом борьбы за восстановление конституции 1876 г., идеологи младотурок по-разному оценивали смысл и значение конституционных реформ. Часть из них, прямо следуя идеям «новых османов», считала, что конституция и парламент сами по себе являются средством экономического и культурного прогресса (Ахмед Риза и его группа). Другие же (Сабахеддин и его сторонники) утверждали, что установление парламентарного режима может стать отправной точкой прогресса лишь при условии изменений не только в государственной системе, но и в общественной жизни.

Младотурки придавали большое значение согласованию буржуазно-либерального реформизма с нормами и принципами ислама. Их руководители постоянно заботились о том, чтобы идея о соответствии конституционных принципов нормам ислама пропагандировалась среди широких масс мусульманского населения империи.

В системе идейных воззрений младотурок центральное место занимала доктрина османизма. Младотурки в своем подавляющем большинстве были сторонниками централистского османизма. В большинстве их теоретических работ при изложении доктрины османизма главный упор делался на обосновании возможности слияния всех народов империи в «османскую нацию». Несколько иначе подходил к османизму Сабахеддин, который связывал идеи османизма с децентрализацией управления, считая, что единение должно быть обеспечено предоставлением нетурецким народам определен-

ной возможности дифференцированного участия в местном самоуправлении.

Доктрина османизма, призванная по мысли идеологов младотурецкого движения стать основным идейным оружием в борьбе за объединение всех народов империи, на деле препятствовала созданию подлинного союза всех революционных сил, выступавших против феодального абсолютизма. Идеологи младотурок явно не учитывали тот исторический факт, что социальное и национальное развитие неумолимо вело нетурецкие народы Османской империи к борьбе за национальную независимость. Османизм не имел реальной исторической перспективы. Его появление и использование в практике политической борьбы молодой турецкой национальной буржуазии определялось главным образом поисками путей сохранения целостности Османской империи.

Младотурки выступали против привилегий иностранцам, системы кабальных займов и концессий, иностранного вмешательства во внутренние дела страны. Но они проявляли явное непонимание подлинных причин и характера полуколониального положения Османской империи. Они обвиняли во всем режим Абдул Хамида II, наивно полагая, что при другом султানে Турция могла избежать такой зависимости от империалистических держав. Подобная политическая близорукость младотурок была следствием их социальной и политической незрелости.

Младотурки были очень далеки от понимания социальной природы общества, которое стремились реформировать. Идеалистическое восприятие исторического процесса, непонимание социально-экономической подоплеку общественных явлений, естественно, вело к тому, что идеологи младотурок анализировали главным образом явления надстроечного характера, не касаясь коренных вопросов социально-экономического развития.

Идеологи младотурецкого движения длительное время оставались на позициях умеренного буржуазно-либерального реформизма. Только накануне революции 1908 г. он уступил место буржуазно-революционным идеям и настроениям.

Все особенности идеологии первых конституционалистов и младотурецкого движения нашли свое непосредственное отражение в молодой турецкой публицистике, которая, по сути дела, с начала 60-х годов XIX в. развивалась под непосредственным воздействием этих ре-

форматорских общественно-политических движений, причем их лидеры, как правило, были крупными публицистами. Можно сказать, что во второй половине XIX — начале XX в. публицистика в такой же мере стимулировала прогрессивные движения и идеи реформ, в какой сама она развивалась и крепла благодаря им. На протяжении всего периода нового времени турецкая публицистика была важным инструментом общественного развития. Особенно существенную роль она сыграла в борьбе за реформы.

Глава II

У истоков турецкой публицистики

Эпоха, в которую сложились предпосылки формирования турецкой публицистики как литературного и общественно-политического явления, была во многом преддверием нового в жизни страны и общества, что было связано с рядом внутри- и внешнеполитических факторов. Уже в XVIII в. ясно обнаружилась растущая экономическая и политическая зависимость Османской империи от развитых европейских держав. Военная мощь империи все более уходила в прошлое, все чаще войны приносили Османской империи поражения и как следствие их потери территорий. С середины XVIII в. в порядок дня европейской политики ставится восточный вопрос — судьбы нетурецких районов Османской империи превращаются в объект международных отношений. Решение важнейших экономических и политических проблем страны все более и более оказывается связанным с соперничеством европейских держав в борьбе за влияние в Османской империи.

В таких условиях экономическое, политическое и культурное отставание страны от передовых для того времени капиталистических государств Европы стали осознавать даже представители правящих кругов империи. Новые для турецкого общества взгляды на необходимость улучшения положения с помощью реформ, в особенности в области военной, проявились уже в первые десятилетия XVIII в. Тогда же стал расти интерес к общественно-политическим институтам и научно-техническим достижениям Европы. Наконец, что было главным результатом новых взглядов, в 1729 г. в стране начато книгопечатание на турецком языке — событие, сыгравшее огромную роль в истории и культуре Турции.

В этот период предпринимались и иные, менее зна-

чительные, попытки использовать европейский научный и технический опыт, например, учреждались казенные ткацкие и бумажные мануфактуры, переводились на турецкий труды европейских и восточных авторов по различным отраслям научного знания. Делались и отдельные попытки реформы в административном управлении, финансах, армии. И хотя они в целом не выходили за пределы традиционных представлений османских сановников о государстве, такие попытки также свидетельствовали о проникновении в высшую чиновничью элиту империи идеи необходимости перемен. «Однако вплоть до конца XVIII столетия османское общество еще не находило в себе силы для радикальных перемен. Кризисные явления этого периода вписывались в рамки господствующего в стране феодального способа производства...»¹.

Таким образом, XVIII век в истории Османской империи отмечен первыми поисками выхода из глубокого социального и политического кризиса, первыми робкими попытками реформ в области административного управления, военного дела, культуры. Сюда же следует отнести и появление сочинений, авторы которых рассматривали причины различных неудач и расстройств в государстве и способы их устранения. В этих сочинениях особенно отчетливо отразилось осознание передовыми представителями турецкого общества той поры факта отставания Османской империи от передовых стран Европы. Авторы их, положившие, на наш взгляд, начало длительному процессу развития турецкой политической публицистики, отражали стремление к реформам «сверху», к преобразованиям, которые должны были бы осуществляться высшей администрацией империи.

Первым произведением такого рода стало сочинение турецкого первопечатника Ибрагима Мутеферрика под названием «Основы мудрости в устройстве народов», изданное в 1732 г. на турецком языке в количестве 500 экземпляров (тираж для той поры огромный: ведь количество экземпляров популярного сочинения в списках редко превышало несколько десятков). Содержание этого известного сочинения² свидетельствует о том, что оно обладало рядом черт памфлета — страстным призывом автора к осознанию недостатков в управлении государством и пропагандой им своих представлений о том, как искоренить недостатки. Не случаен был большой успех труда Ибрагима Мутеферрика среди образованной ча-

сти турецкого общества. Примечателен и факт перевода этого сочинения на ряд европейских языков, в частности на русский³.

Конечно, книга Ибрагима Мутеферрика по своему содержанию как бы продолжает линию средневековых социальнo-дидактических трактатов, в которых тоже рассматривалось положение страны и предлагались меры по его улучшению⁴. Но трактат Мутеферрика принципиально отличался от этих сочинений — прежде всего тем, что он не призывал к возврату к временам, когда еще соблюдались законы первых султанов, и не искал причины всех бед лишь в нарушении этих законов, касавшихся как области управления государством, так и образа жизни различных слоев населения. Вместо этого Мутеферрика утверждал мысль о необходимости управления на основе разума и правопорядка, «отказа от слепого следования традициям, от религиозной нетерпимости и культурной ограниченности»⁵. Его сочинение пронизывает мысль о необходимости широких реформ на основе европейского опыта, развития науки и культуры с учетом достижений европейских стран.

Хотя сочинение Ибрагима Мутеферрика по средневековой традиции было адресовано формально особе султана, оно было на деле обращено к образованной части турецкого общества той поры. Оно стало одним из первых в Османской империи произведений на турецком языке, пропагандировавших новые идеи и способствовавших зарождению в стране общественного мнения.

Со страниц своей книги Ибрагим Мутеферрика пропагандировал мысль о том, что жизнь общества должна регулироваться справедливыми законами, «являющимися стержнем политики», а правители стран и народов должны быть знакомы с сутью науки философии, которая, по мнению автора, должна быть опорой тех, кто устраняет споры и смуты среди людей⁶. В его сочинении впервые в турецкой литературе кратко описывались различные способы управления государством, в том числе демократический, при котором действует система выборов лиц, которым доверяется это управление⁷.

Посвятив свой труд доказательству первейшей необходимости военной реформы на основе опыта европейских держав, Ибрагим Мутеферрика показывал значение ее для общего прогресса страны. Он был убежден, что «отсутствие хорошего устройства и нужной организации» в армии любого государя приводит к резкому

оскудению казны, следствием чего становится «опустошение страны»⁸. Ибрагим Мутеферрика обладал, как видно, способностью видеть военные, социальные и культурные проблемы страны в их взаимосвязанности.

Автор предстает перед читателем как убежденный сторонник идеи просвещенной монархии. Явно сатирически описывает он беспорядки и несправедливость, свойственные абсолютистским режимам, обличает зло кровопролитных войн, возвышает роль научных знаний в жизни общества. Е. И. Маштакова высказала обоснованное предположение о том, что эти идеи Ибрагима Мутеферрика созвучны «Персидским письмам» одного из великих французских просветителей — Шарля Монтескье (1689—1755).

Как видно, сочинение Ибрагима Мутеферрика не только по задаче и содержанию, но и по форме свидетельствует о том, что истоки турецкой политической публицистики следует отнести к середине XVIII в. Справедливо, на наш взгляд, считать его одним из выдающихся произведений турецкой общественной мысли и литературы, созданных «в рамках определенных публицистических жанров»⁹.

Вместе с тем, оценивая новые для тогдашней турецкой среды идеи автора, нельзя не видеть его убежденности в высоких достоинствах ислама, открытого утверждения им превосходства мусульманского вероучения над вероучением христианским. Ибрагим Мутеферрика прямо писал, говоря о мусульманах, что «этот избранный народ человечества стал исключительным и превзошел все народы благодаря божественным предписаниям и заповедям шарната, достаточным для вопросов управления до конца света при решении по справедливости повседневных происшествий, которые могут произойти во всех делах, и с помощью которых можно различить правду и ложь»¹⁰. Военные неудачи Османской империи автор объяснял, в частности, «небрежным выполнением заповедей шарната»¹¹.

Итак, признавая значение европейского опыта и ратуя за его использование, Ибрагим Мутеферрика утверждал, что нормы и институты ислама вполне пригодны для обеспечения прогресса и в условиях XVIII в. Таким образом, он сформулировал весьма важное положение, которое в дальнейшем отстаивали практически все турецкие реформаторы и публицисты нового времени.

Е. И. Маштакова правомерно, по нашему мнению,

относит к числу произведений, имевших определенное публицистическое звучание, и памфлет известного турецкого дипломата второй половины XVIII в. Гиритли Ахмеда Ресми-эфенди «Сок достопримечательного»¹². Автор, человек весьма для своего времени образованный, занимал ряд высших постов, в частности пост секретаря великого везира. И. Х. Узунчаршылы называет Ахмеда Ресми-эфенди «государственным сановником» и отмечает, что его произведение интересно не только описанием событий русско-турецкой войны 1768—1774 гг., но и тем, что в нем «изображается главным образом умонастроение населения Стамбула в это время (накануне войны.— Ю. П.)»¹³. Действительно, в тексте сочинения Ахмеда Ресми-эфенди¹⁴ мы находим довольно резкое осуждение турецких государственных деятелей за то, что они втянули страну в войну с Россией, не взвесив политические и военные обстоятельства, возникавшие в связи с таким поворотом политики Османской империи. Говоря о султанских сановниках, Ахмед Ресми-эфенди восклицал: «То ли дело наши государственные мудрецы! Не дал им Аллах ни ума, ни опытности — чтение истории не их занятие...» Он прямо заявлял, что именно бахвальство, — невежество и пустословие этих людей, «не умеющих соображать никаких последствий», привело страну к войне с Россией¹⁵.

Ахмед Ресми-эфенди неоднократно возвращается к мысли о том, что войны приносят народам огромные бедствия, а потому государства должны стремиться к мирным отношениям. Так, он писал, что «люди умные и опытные, твердо изучавшие историю, во все века знали также, что в то же время благоденствие и прочность государств зависит от умения в нужном случае жить с неприятелем в мире и дружеских отношениях»¹⁶. В приложении к своему сочинению он еще обстоятельнее рассмотрел эту тему, утверждая, что «с точки зрения шариата и разума стремление к миру есть [дело] желанное»¹⁷.

В остросатирической форме, свойственной всему тексту памфлета, Ахмед Ресми-эфенди упрекал свое правительство за покровительство группе польских эмигрантов, которое не принесло ничего, кроме огромных трат денег из казны. Так же остро критиковал он Порту за поддержку воинственных настроений крымских ханов, тогда как те не могли даже собрать сколько-нибудь пригодное войско¹⁸.

Автор на основе личных впечатлений приводит вопиющие примеры безответственности сановников при подготовке армии к боевым действиям, гололотапства и казнокрадства в деле ее снаряжения и снабжения¹⁹. Описывая назначение нового великого везира Гамза-паши, Ахмед Ресми-эфенди предельно саркастически живописует, как этот новый фаворит султана «в тот же день расположился в присутственной зале Дивана и, бросая без толку деньги, хватая взятки, продавая места, вместо решения дел, представляемых докладчиками и просителями, стал им декламировать персидские любовные стихи...»²⁰. Едко высмеивает он и карьеру высших сановников, когда слепой случай часто определяет даже назначение на высшие посты империи²¹. Во многих неудачах Османской империи в войне с Россией в 1768—1774 гг. автор винит высших сановников и военачальников, чья некомпетентность и безответственность в описываемых им как свидетелем эпизодах войны не могла не внушить читателю мысль о серьезном расстройстве военно-административной системы страны. Вновь и вновь возвращаясь к мысли о мире, Ахмед Ресми-эфенди пишет в связи с русско-турецкими мирными переговорами в 1770 г.: «Мир, и по закону веры, и по логике, есть дело похвальное и нравственное; не только побежденные, но даже и после самой блистательной победы правительства обязаны не упускать случаев к восстановлению согласия и дружбы с соседними народами, и опыт постоянно доказывает, что примирение в первое удобное время никогда не вредит делам государства; напротив, доставляет ему бесценные выгоды и огромные преимущества. Надобно видеть, что такое поход и война — сколько в это время несут потерь жители всех состояний, как сгоняется подъемный скот для армии, как тащат тяжести и гибнут под ними лошади и верблюды, как пустуют и разрушаются дома в селах и городах! Ничего этого не видали и не знают наши стамбульские политики...»²². Нельзя не отметить, что этот призыв к голосу разума и ответственности за судьбы народов свидетельствует о государственной дальновидности автора.

«Великолепным политическим памфлетом» назвал сочинение Ахмеда Ресми-эфенди такой знаток турецкой средневековой литературы, как В. Д. Смирнов, хотя оно еще не было опубликовано при его жизни²³, а распространялось в рукописных списках, и поэтому круг чита-

телей его был, естественно, невелик. О. И. Сенковский писал, что сочинение Ахмеда Ресми-эфенди — «откровенный «Рассказ» турецкого министра, написанный им для стамбульских друзей своих...»²⁴.

Будучи дважды издано на турецком языке уже во второй половине XIX в., произведение Ахмеда Ресми-эфенди со временем смогло реализовать свою явную публицистическую направленность и стать весьма популярным благодаря тому, что его основные идеи были созвучны и эпохе реформ в Османской империи. Но и в конце XVIII в. эти идеи так или иначе становились известны образованной турецкой публике, ибо распространение знаний и идей с помощью рукописной книги было делом привычным. Да и списков было, видимо, немало. Даже в ленинградских рукописных собраниях сегодня имеется три списка этого интересного сочинения²⁵.

Хотя в работах Ибрагима Мутеферрика и Ресми-эфенди налицо критика положения в государственных делах империи, в частности в армии, Ахмеда Ресми-эфенди отличает от его предшественника отсутствие призывов к использованию европейского опыта. Если Ибрагим Мутеферрика настойчиво рекомендует изучать этот опыт и учиться на примере Европы, то в рассуждениях Ресми-эфенди сквозит уверенность в том, что турки-мусульмане могут решить свои проблемы на основе собственного опыта и традиций. Его практические намерения можно свести к расширению знаний и повышению уровня компетентности и ответственности гражданских и военных должностных лиц. Отсюда видно, таким образом, что предыстория турецкой политической публицистики отличалась определенным разнообразием подхода к решению одних и тех же проблем.

В становлении турецкой политической публицистики в XVIII в. определенное место занимает и «Сефаметнаме» («Книга о посольстве») видного сановника, главы турецкого посольства во Францию в 1720—1721 гг. Йирмисекиза Челеби Мехмед-эфенди²⁶. Интерес к этому сочинению, долгое время остававшемуся в списках, был велик и в XIX в. Об этом свидетельствуют несколько изданий на турецком языке — в Париже в 1841 и 1872 г. и в Стамбуле в 1866/67 и 1888/89 г.²⁷. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что издание в 1872 г. было осуществлено одним из лидеров «новых османов» в эмиграции Али Суави, который снабдил текст своими комментариями. Кроме того, он

предпослал изданию предисловие, в котором высоко оценивал результаты посольства Мехмед-эфенди, отмечая, что именно его результатом было возникновение книгопечатания в Османской империи²⁸.

Это предисловие интересно и сведениями, относящимися к истории публикации сочинения Мехмед-эфенди. Так, Али Суави писал, что «это докладная записка, представленная автором в великий везират, была тогда же напечатана»²⁹. Е. И. Маштакова и А. В. Витол, специально изучавшие «Сефаретнаме» Мехмед-эфенди, не упоминают об издании его в Турции в XVIII в.³⁰. Али Суави тоже прямо не пишет о том, что его сочинение было издано непосредственно в Турции, хотя, конечно, именно оно могло быть среди первых турецких книг, изданных в 30—40-х годах XIX в. Но сведений об этом в известной нам литературе нет. Между тем А. Х. Рафиков упоминает об изданиях «Сефаретнаме» на французском языке в Париже — сокращенный перевод 1721 г. и полный перевод 1757 г.³¹. Али Суави писал, что экземпляр упоминаемого им издания из его библиотеки сверен с подлинником, «который представлял собой список, сделанный переводчиком с автографа упомянутого [Мехмед-эфенди]».

В конце текста «Сефаретнаме» (Али Суави в своем издании называет книгу «Такриром») помещено «Напоминание об издании», в котором вновь подчеркивается, что издание подготовлено по тексту оригинала и не нарушает правописание и стиль автора³². Вероятно, Али Суави имел в виду в своем предисловии парижское издание 1841 или стамбульское 1866/67 г. Хотя Али Суави именуется себя не переводчиком³³, а издателем, автором примечаний и комментариев, именно их характер, а также упомянутая выше фраза в предисловии позволяют считать этот текст переводом, подготовленным Али Суави по одному из более ранних изданий, сверенному и уточненному им по копии с оригинала. Все это важно не только в плане истории популяризации самого сочинения, но и как показатель близости его идей одному из лидеров «новых османов».

Это сочинение сыграло значительную роль в зарождении идеи «европеизации» в среде турецкой феодально-бюрократической элиты, дало толчок и некоторым преобразованиям в культуре и быту. Оно было популярно и при дворе, где его прочитали публично в присутствии султана, а его рукописные копии ходили по рукам сре-

ди придворных. «Сефаретнаме» стало не только источником сведений для тех, кого интересовали поиски путей реформы османского государства, но и просто любопытной книгой для чтения. Эти черты сочинения и определили устойчивый интерес к «Сефаретнаме», вызвавший несколько переизданий книги в XIX в. К этому сочинению вполне применима общая характеристика, данная Е. И. Маштаковой сефаретнаме как в известной мере новой для турецкой литературы жанровой формы, «в которой соединяются качества деловой прозы и публицистики, мемуаров и дневников путешествий»³⁴.

В сочинении Мехмед-эфенди турецкая политическая публицистика приобрела один из первых опытов показа достижений европейской науки и культуры с явной целью поучения и распространения их результатов в Османской империи. Али Суави отмечал, что в устной инструкции, которую Мехмед-эфенди как посол в Париже получил от великого везира Ибрагима Невшехирли, ему поручалось ознакомиться с фортификационными сооружениями, фабриками и культурными учреждениями Франции. Сцены «Сефаретнаме», описывавшие смотр французских войск, знакомство автора с фортификационными макетами, его посещение королевской Академии наук, оперы, Ботанического сада, королевских мануфактур, Парижской обсерватории и т. д., а также быт французов,— все это сопровождалось, как правило, личным и детальным описанием виденного, вплоть до приборов обсерватории, конкретно и образно внушало читателю мысль о значимости достижений западной науки и культуры и о пользе их применения в Османской империи. Примечательно, что сын Мехмед-эфенди Мехмед Саид-эфенди, участвовавший в посольстве во Францию в 1720 г., стал ближайшим соратником турецкого первопечатника Ибрагима Мутеферрика.

Публицистический пафос сочинения Мехмед-эфенди состоял не только в распространении информации о передовой для того времени науке и культуре Франции. Своим рассказом автор как бы подводил читателя к таким сравнениям с жизнью Османской империи, которые сами собой наводили на мысль о необходимости реформ в различных областях ее жизни — в военном деле, промышленном производстве, науке и культуре. Пожалуй, именно эта сторона сочинения Мехмед-эфенди более века делала его популярным — в период Танзимата и борьбы за первую конституцию — в тех общественно-по-

литических кругах, в которых горячо обсуждались идеи реформы. И все же, оценивая этот труд в контексте истории зарождения турецкой политической публицистики, не следует и переоценивать его значение: прямой публицистической направленности он, конечно, не имел. Но живое, свободное изложение виденного, эмоциональность авторского отношения к описываемому приближали «Сефаретнаме» к произведениям публицистики, в определенной мере позволили ему выполнять публицистическую задачу.

В целом сочинения Ибрагима Мутеферрика, Ахмеда Ресми и Мехмед-эфенди следует рассматривать как первые шаги на пути зарождения турецкой политической публицистики. Черты этого жанра в названных произведениях только вырисовываются, заслоняемые подчас формой средневекового дидактического трактата, докладной записки султану или великому везиру, описания посольств и т. д. Но общественно-политическое звучание их позволяет говорить о том, что формирование жанра началось именно с них. Е. И. Маштакова приходит к выводу о заметном развитии публицистики в XVIII в., отмечая при этом, что оно связано с возникновением новых взглядов на пути развития страны и в значительной степени складывалось под влиянием критического отношения к действительности³⁵. Главной идеей упомянутых авторов, стремившихся к обновлению государства и восстановлению его былой мощи, было пропагандирование изучения и использования в условиях Османской империи научных и культурных достижений европейских государств. Эти, по сути дела первые, турецкие публицисты были выразителями наиболее прогрессивных для своего времени и среды идей, важных для дальнейшего развития страны, и не случайно их сочинения сохраняли свое публицистическое звучание и в период реформ в Османской империи эпохи нового времени.

Глава III

Становление жанра. Реформы конца XVIII— первой половины XIX в. и публицистика

На рубеже XVIII и XIX вв. были сделаны первые серьезные попытки преодолеть кризис Османской империи с помощью реформ. Царствование султанов Селима III (1789—1807) и Махмуда II (1808—1839) было отмечено противоборством старого и нового во всех областях социальной и политической жизни страны. Оно привело к первым серьезным успехам реформаторов — созданию по-европейски обученного и организованного армейского контингента, а несколько позже и к ликвидации янычарского корпуса — оплота феодально-клерикальной реакции. Потребность в радикальной реформе администрации все более возрастала в связи с подъемом национально-освободительной борьбы балканских народов империи. Новая османская бюрократия видела в ней путь к спасению и сохранению Османской империи. Именно она провела многие реформы государственно-правовых институтов на основе европейских традиций, приняла ряд аграрных законов, касавшихся прав владения и наследования, начала создавать светскую систему народного образования. В этих важных для будущего страны процессах определенную роль сыграла и молодая турецкая публицистика.

Конец XVIII — начало XIX в. отмечены появлением в Турции двух произведений, в которых также можно выявить некоторые публицистические черты¹, в частности стремление способствовать возникновению общественного мнения и стимулировать практическую деятельность, направленную на осуществление реформ. К их числу мы относим те сочинения, которые обосновывали

и пропагандировали как перед турецкой, так и перед европейской читательской аудиторией реформы султана Селима III, в основе которых лежали идеи, изложенные Ибрагимом Мутеферрика более чем полвека назад. Речь идет о «Памфлете инженера Сеида Мустафы о современном состоянии военного искусства, инженерного дела и науки в Константинополе» (опубликован в Стамбуле в 1803 г.²), а также о книге Махмуда Раифа «Картина нового устройства Оттоманской империи» (1798)³. Оба автора принадлежали к числу сподвижников султана-реформатора Селима III и погибли во время реакционного мятежа в мае 1807 г. Но не только личная трагическая судьба ставит Мустафу и Махмуда Раифа в ряд тех, чьими усилиями закладывались традиции турецкой политической публицистики. Их произведения, написанные на французском языке, видимо, преследовали цель пропагандировать проводимые в империи реформы в первую очередь в Европе. Но даже то небольшое число турок, которые знали французский и могли ознакомиться с сочинениями Мустафы и Махмуда Раифа, были важным каналом пропаганды идеи реформы в самой Турции: среди возможных десятков турецких читателей этих книг большинство составляли сановники, чиновники высоких рангов, дипломаты и т. п. Конечно, не все из них соглашались с прочитанным и тем более готовы были бороться за реформы, но само распространение новых идей таким способом не могло не затронуть и более широкий слой турецкой образованной публики. А ведь эти произведения были своего рода идейным обоснованием и защитой тех реформ Селима III, которые вскоре, после реакционного мятежа 1807 г., были официально объявлены «неслыханными новшествами», введенными с целью «подражания неверным»⁴. И действительно, реакционные сановники и улемы, боявшиеся любых новшеств, ощущали опасность для них перемен, которые порождало заимствование европейского опыта. Как писал один из исследователей истории турецкой науки, памфлет Мустафы отразил то возбуждение, которое охватило умы молодых турок, когда в их страну начали проникать современные научные знания⁵.

Что касается содержания книги Махмуда Раифа, то оно представляет интерес не только подробным рассмотрением реформ Селима III, но и оценкой их автором. В предисловии к книге Махмуд Раиф предстает перед

читателем как человек, интересующийся в первую очередь политикой. Он пишет о своем стремлении к знакомству с Европой и изучению европейских языков. В 1793 г. он был направлен в Лондон в составе первого постоянного турецкого посольства. Махмуд Раиф изучал французский язык, историю и географию, политику и право, интересовался многими сторонами государственной жизни европейских стран — финансами, вооруженными силами, вообще, как он писал, «всеми сторонами их системы государственного управления»⁶. Махмуд Раиф писал также, что стремление выпустить книгу о современном положении своей страны было продиктовано, в частности, и тем, что Европа не знает ее истинного состояния и нет книг, содержащих верные сведения о нем. Автор отмечал, что свое произведение он создал «под покровительством» султана Селима III, имея в виду показать всей Европе «неутомимое стремление» монарха к процветанию страны⁷.

Примечательно, что характеристику преобразований Селима III автор начинает с финансово-экономических мер, в частности с описания характера и статуса «кассы новых доходов» — нового органа, который был призван финансировать мероприятия, связанные с реформами, в первую очередь армии. В этом разделе сочинения Махмуда Раифа содержатся сведения о мерах правительства, направленных на упрочение системы тимаров и увеличение доходов казны, а также характеризуются новые налоги, установленные со специальной целью пополнения «кассы новых доходов»⁸. Автор излагает также меры правительства по улучшению продовольственного снабжения армии и столицы империи, в частности решение Селима III об отмене твердых цен на зерно и закупке его государственными органами по рыночным ценам. Об этом важном мероприятии, которое было распространено на всю страну, Махмуд Раиф писал как о реформе султана, направленной на защиту интересов земледельцев⁹.

Последующие разделы сочинения Махмуда Раифа полностью посвящены военным мероприятиям султана, в первую очередь наведению порядка и укреплению корпуса янычар, других старых подразделений армии и флота. Но в этой части книги особенно важен раздел, характеризующий новые, по-европейски организованные и обученные воинские подразделения — их численность, организацию, форму¹⁰. Не случайно автор заканчивает

свое сочинение рассказом именно об этих войсках, в которых он видел реальное воплощение того нового в системе государственного устройства и управления, дорогу которому пробивали реформы Селима III и служившее им публицистическое перо Махмуда Раифа. Его сочинение пронизывает вера в исключительные качества Селима III, «мудрость» которого он превозносит в конце своей книги¹¹.

Оценивая сочинение Махмуда Раифа, нужно отметить, что он сумел осознать первостепенное значение финансово-экономических преобразований для успеха дела реформ. Не случайно именно им он уделил особое внимание в своем труде, с них начал рассказ о реформах Селима III, хотя для многих современников и последующих историков эти реформы были прежде всего военными. Махмуд Раиф принадлежал к тем немногим реформаторам эпохи царствования Селима III, которые осознали несоответствие системы землевладения и землепользования, финансов, налогов и торговли потребностям страны. В его изложении реформы Селима III выглядят комплексом мероприятий, направленных не только на обеспечение задуманной султаном реформы армии, но и на улучшение общего экономического положения страны. И хотя труд Махмуда Раифа, изданный на французском языке, прежде всего был обращен к европейской читательской публике, он находил читателя и в небольшом слое образованного на европейский лад турецкого общества. Ведь он был впервые издан в Стамбуле, где уже 20—30 лет спустя появились многие десятки молодых турок, владевших французским. Читали его и представители других национальностей империи, в среде которых раньше и больше было распространено знание европейских языков. Между тем многие из задач реформ Селима III решались позднее — в 40—50-х годах, в эпоху Танзимата. Таким образом, публицистическая направленность этого сочинения также оказалась реализованной. Что касается европейской аудитории, то эта цель издания была достигнута еще раньше. Так, в 1802 г. книга Махмуда Раифа была переиздана на немецком языке в Берлине и на французском в Париже и Страсбурге.

«Памфлет инженера Сеида Мустафы» — очень любопытный образец зарождавшейся турецкой политической публицистики. Как и Мажмуд Раиф, автор страстно отстаивает правомочность и своевременность военных

реформ Селима III. Но характер изложения здесь более эмоционален, аргументы и суждения образны. Он не столько описывает реформы, сколько стремится передать читателю свои ощущения по поводу реформ, свое понимание их значимости.

Не случайно он начал свой труд с рассказа о том, как он сам постигал математику и другие нужные инженеру науки, подчеркивая при этом, что все они пришли из Европы. Именно это обстоятельство, по словам автора, побудило его к основательному изучению французского языка. Европейских ученых, работы которых открыли ему путь в науку, Сеид Мустафа называет своими учителями¹². С гордостью говорит он и о первых успехах Математической школы, созданной по европейскому образцу Селимом III в Стамбуле. На примере полезности этой школы, которая готовила военных инженеров, автор явно подводит читателя к мысли о закономерности и целесообразности использования турками европейских знаний и опыта. При этом он подчеркивает, что разные народы в разные времена учились друг у друга¹³.

Так автор подготавливает читателя к дальнейшим рассуждениям о военных реформах Селима III, целиком опиравшихся на европейский опыт. Он образно описывает бурное развитие военного дела и военной науки в европейских странах, где наряду с совершенствованием оружия развивалось инженерное дело, в основе которого были все достижения математики¹⁴. Мустафа сетует по поводу того пренебрежения военной наукой, которое долгое время было свойственно туркам, уповавшим лишь на силу и храбрость и пренебрегавшим вопросами военной тактики. Он с иронией и горечью говорит о «группе глупцов и суеверных людей», которые смогли внушить наиболее простодушным людям, что подражание другим народам — якобы преступление, восставших против «лучших умов, мечтавших о реформе»¹⁵.

Кратко перечисляя военные, экономические и финансовые реформы Селима III, Мустафа обращает внимание на взаимосвязанность всех их. Подчеркивая значение личности султана-реформатора для дела преобразований, он пишет, что многочисленная критика, всегда беспочвенная, иногда неблагоприятная, а порой и неопытная, породила тысячи препятствий на пути реформаторов, но не могла сломить решимости Селима III и его окружения¹⁶.

Характерно, что, рассказывая о мерах Селима III по организации нового регулярного войска, автор особо выделяет щедрость султана, которую он проявил при строительстве новой типографии в Ускюдаре, где, кстати сказать, был отпечатан и сам памфлет Мустафы. Это мероприятие Селима III автор связывает с желанием султана-реформатора содействовать распространению наук, полезных его империи¹⁷.

Что касается собственно военных реформ Селима III, то автор, явно склонный к переоценке личности султана и результатов его деятельности, готов был в интересе зрителей к военным упражнениям солдат новых формирований видеть признаки общей поддержки дела реформаторов¹⁸. Он стремился оценить первые успехи регулярной армии, подразделения которой были использованы для пресечения бандитизма в одной из провинций, не только как показатель успеха военной реформы Селима III, но и как средство, с помощью которого удалось повсеместно внушить веру в «новый порядок вещей»¹⁹.

В сочинении Мустафы подчеркиваются такие мероприятия султана-реформатора, которые содействовали общему прогрессу культуры и образования на базе достижений европейской науки и техники. Автор, в частности, специально останавливается на устройстве в Стамбуле новой типографии с арабским и европейским шрифтами, а также на мерах султана по организации подготовки инженеров для армии и флота в учебных заведениях, созданных по европейскому образцу²⁰. Судьба самого автора, который всего через четыре года стал жертвой мятежа, ликвидировавшего все результаты реформ Селима III, оказалась печальным доказательством переоценки им значения этих реформ. В 1810 г., уже после его гибели, книга Мустафы была переиздана в Париже.

К сочинениям Махмуда Раифа и Сеида Мустафы близко по духу и произведение одного из сановников Селима III, активного участника его реформ Челеби Мустафа-эфенди. В 1804 г. он написал по поручению султана сочинение в защиту реформ²¹. Опубликовано оно было в 1821 г. в Париже на французском языке в качестве приложения к одной из книг, посвященных Молдове и Валахии²². Турецкий текст имел хождение, вероятно, в ограниченном числе списков. Судя по содержанию, труд Челеби Мустафы имел целью доказать необ-

ходимость навести порядок в янычарском корпусе. Он писал о том, что янычары превратились в недисциплинированную толпу, которая не в состоянии вести боевые действия в условиях современной войны и все силы прилагает лишь к участию в различных видах торговли. Яркими красками автор рисует неумение янычар владеть оружием, их склонность к панике и бегству, грабежам и бесчинствам. Челеби Мустафа пишет о необходимости овладения военным искусством, организации военного обучения на европейский лад²³. Мысль эта, по его словам, овладела даже янычарскими начальниками, которые, собравшись однажды у великого везира, якобы обратились к султану с просьбой организовать изучение в корпусе европейского военного искусства²⁴.

Трудно, правда, признать достоверным это сообщение, зная положение вещей в корпусе янычар. А. Ф. Миллер считал, что оно придумано самим Челеби Мустафой, чтобы оправдать военную реформу в глазах янычар²⁵. Впрочем, нельзя полностью исключить, что кто-то из янычарских начальников выступил с такой идеей, желая отвести от корпуса угрозу надвигающейся ликвидации или полной потери влияния в делах государства. Во всяком случае, сочинение Челеби Мустафы пропагандировало идею реформ, укрепляло позиции реформаторов. В нем, как и в сочинениях Махмуда Раифа и инженера Мустафы, слово автора становилось оружием политической борьбы.

Спустя два десятилетия (в 1828 г.) в Стамбуле было издано на турецком языке сочинение Мехмеда Эсада «Основа победы»²⁶, в котором рассказывалось о потрясшем империю уничтожении янычарского корпуса, ставшем отправной точкой реформ последующих нескольких десятилетий. Мехмед Эсад, будучи официальным историографом, отразил в нем политические события, страсти вокруг которых еще были очень свежи. Не случайно его книга быстро разошлась и была одним из немногих государственных изданий, которые принесли доход казне²⁷.

Конечно, большим преувеличением было бы квалифицировать труд Мехмеда Эсада как очевидное произведение жанра политической публицистики; по содержанию он напоминает скорее трактат. Автор подробно излагает события, освещая их в традиционной для османской историографии манере и форме. Примечательно, что и са-

мо издание во многом напоминает рукопись исторического сочинения оформлением текста и даже наборным воспроизводством авторских приписок на полях. И все же главное было не в этом, а в стремлении автора показать смысл и значение реформ, результатом которых стало уничтожение янычарской вольницы, обосновать их правомерность и необходимость. Именно это ставит сочинение Мехмеда Эсада в ряд тех книг, которые создавали турецкую политическую публицистику. Такая оценка подкрепляется, на наш взгляд, тем обстоятельством, что оно было переиздано в Стамбуле в бурном политическими событиями 1876 г.²⁸, когда обсуждались проекты первой турецкой конституции: очевидно, труд Мехмеда Эсада и к тому времени не утратил своего политического звучания, поскольку в нем защищалась идея ликвидации одного из традиционных военных и социально-политических институтов, который был важной составной частью одряхлевшей османской государственной структуры. Уничтожение янычарского корпуса и успешная замена его регулярными войсками были на протяжении реформ Танзимата важным аргументом в пользу коренного переустройства и других составных частей этой структуры.

Сочинение Мехмеда Эсада, написанное рукой официального историографа по поручению султана²⁹, изданное государственной типографией и порой напоминающее панегирик султану Махмуду II, решительные меры которого по уничтожению янычар автор расценивает как панацею от всех бед империи, можно было бы назвать официозной публицистикой. Но ведь оно появилось в условиях, когда иные формы защиты реформаторских идей еще только зарождались. При всей официозности сочинение Мехмеда Эсада отражало мнение реформаторов, которым противостояли мощные силы феодально-клерикальной реакции. В результате в завязавшейся острой социально-политической борьбе оно выполняло одну из важных функций публицистики—стимулирование практической деятельности, направленной в данном случае на совершенствование государственно-го устройства страны.

Заслуживает внимания еще одно обстоятельство. Мехмед Эсад не только был хорошо знаком с трактатом Ибрагима Мутеферрика, но счел даже нужным изложить, почти дословно, тот раздел его, который был посвящен причинам отставания Османской империи, не

упомягая, правда, имени автора³⁰. Таким образом, почти вековой отрезок времени не помешал своеобразной эстафете идеи реформ. Али Суави издавал «Сефаретнаме» Мехмеда Челеби, а Мехмед Эсад опирался на положения труда Ибрагима Мутеферрика. Все это было закономерно, если эти факты рассматривать в плане генезиса идеи реформы, а также в плане развития жанра турецкой политической публицистики.

Заслуживает внимания и дальнейшая судьба автора и его сочинения. Мехмед Эсад был редактором турецкой части газеты «Монитор оттоман», созданной в качестве правительственного органа в 1831 г., а затем редактором первой турецкой официальной газеты «Таквими-и векаи» («Календарь событий»)³¹. К сочинению Мехмеда Эсада проявили интерес в Европе — оно было переведено на французский язык и издано в Париже в 1838 г.³² Выше отмечалось второе турецкое издание этого сочинения в 1876 г. «Основа победы» сыграла определенную роль в развитии общественно-политической мысли Турции в эпоху нового времени, став в ряд первых книг, рассматривавших вопросы реформ.

Все охарактеризованные выше сочинения представляли собой новое явление в турецкой литературе. Их объединяла одна цель — литературными средствами отстаивать идеи реформирования государственного устройства, экономической жизни и культуры страны, используя научные и технические достижения европейских государств. Конечно, эти сочинения не обладали всеми чертами политической публицистики. Многие из них публиковались не на турецком языке, а потому читательскую аудиторию внутри страны находили не сразу. Их не отличала острая критика существующих в стране порядков, они не были направлены против тех или иных конкретных виновников существующих злоупотреблений. Наконец, авторы их не шли дальше поддержки реформ, проводимых султаном и его министрами.

Таким образом, эти сочинения еще далеко не полностью решали такую важнейшую задачу публицистики, как формирование общественного мнения. Но они несомненно уже выполняли функцию стимулирования практической деятельности государственных сановников — реформаторов, отстаивая и пропагандируя их идеи в высших бюрократических кругах империи. Тем самым они выполняли одну из тех важных функций, которые обычно выполняют произведения политической

публицистики³³. Именно это позволяет говорить о них как о начальном этапе развития турецкой политической публицистики, становление которой проходило в условиях крайней неразвитости общественно-политической жизни, отсутствии даже идеи политической оппозиции существующей власти. Это была в некотором смысле публицистика «реформ сверху». Но и она, как это видно на примере произведений, отстаивавших реформы султана, становилась подчас участником острой социальной борьбы.

Таким образом, на рубеже эпохи нового времени в Османской империи появляются сочинения, главным содержанием которых был критический анализ положения дел в государстве и определение путей его улучшения. Их авторы чаще всего не были ни официальными историографами, ни крупными чиновниками. Они выступали с такой общественной позиции, которая позволяет рассматривать их сочинения как проявление зачатков общественного мнения. По форме же и содержанию их произведения можно считать, с одной стороны, продолжением линии социально-политических дидактических трактатов XVII в., а с другой — предтечей турецкой политической публицистики, которая формировалась как жанр на протяжении почти всего XIX в. Первая треть XIX в. отмечена появлением ряда произведений, свидетельствующих об определенном развитии жанра турецкой политической публицистики.

Этот процесс продолжался и в годы Танзимата. В эту пору развитие публицистической мысли стимулировалось ростом образованной прослойки турецкого общества, резко возросшим интересом бюрократии нового типа и молодой интеллигенции к общим проблемам жизни государства и общества. Молодая турецкая политическая публицистика в эти годы сделала еще один важный шаг в своем развитии, когда вышли в свет произведения двух активных участников реформ Танзимата — Мустафы Сами-паши и Садыка Рифата³⁴.

Мустафа Сами-паша был крупным турецким государственным деятелем, неоднократно посещавшим многие европейские столицы и хорошо знакомым с жизнью стран континента. Его статьи печатались в газете «Таквим-и векаи» в 1840—1841 гг. В них Сами-паша критиковал ряд сторон жизни Османской империи, выступал с идеями обновления ее³⁵. Особую известность ему принесла небольшая книга «Очерк Европы», которая была

дважды издана при жизни автора (в 1840 г. в издательстве «Таквим-и векаи»³⁶, а также в 1851 г.). Она была написана Сами-пашой после его возвращения из Парижа, который он посетил в 1838 г. в составе турецкой миссии.

«Очерк Европы» представляет собой яркое публицистическое произведение, проникнутое стремлением автора понять причины прогресса европейских государств и использовать их опыт в своей стране. Объясняя эти причины, Сами-паша выделяет роль науки, религиозную свободу и преемственность развития техники. Он подчеркивает, что прогресс европейских стран стал возможен благодаря системе школьного образования. Турция, считает он, могла бы также развивать на такой основе современную науку, с тем чтобы страна не зависела от Европы, а богатства ее служили прогрессу³⁷. Н. Беркес отмечает, что Сами-паша и позже не раз выступал с критикой тормозивших развитие страны традиций и обычаев, пропагандировал европейские нормы жизни. Некоторое время он был редактором «Таквим-и векаи», где публиковал статьи, написанные сравнительно простым языком, в которых впервые в Турции было сформулировано понятие патриотизма, любви к родине и своему народу³⁸.

В плане истории турецкой политической публицистики большой интерес представляет творчество Садыка Рифата — дипломата, крупного государственного деятеля эпохи Танзимата. Его перу принадлежат многочисленные докладные записки, посольские донесения и иные деловые документы, в которых отражен, в частности, его взгляд на реформы. Избранные труды Садыка Рифата публиковались несколько раз в 1844 г. (при жизни автора), в 1858 г. и в начале или середине 70-х годов³⁹. Для изучения истории развития публицистической мысли в Турции наиболее интересны такие сочинения Садыка Рифата, как «Очерк о положении Европы» и «Относительно реформ в Османской империи», которые вошли в том I «Избранных трудов», вышедший, как упоминалось выше, в 70-х годах⁴⁰.

Небольшой «Очерк о положении Европы» был написан Садыком Рифатом во время его пребывания в Вене в 1837 г. в составе турецкой миссии. В центре внимания автора были те различия, которые существовали между Европой и Турцией, и те черты европейской жизни, которым, по его мнению, Турции следовало подражать. Ав-

тор явно находился под впечатлением от уровня, которого достигли промышленность и наука в европейских странах, а также их благосостояния; он видел главные средства подъема своей страны именно в развитии этих сторон жизни общества. Но в отличие от своих непосредственных предшественников — Махмуда Раифа, инженера Мустафы или Мустафы Сами — Садык Рифат не ограничивается призывами к подражанию Европе в области науки и культуры, а связывает, ссылаясь на пример европейских государств, прогресс экономический и научный с определенными политическими условиями. Он пишет, что этот прогресс зависит от «достижения полной безопасности жизни, имущества, чести и репутации каждой нации и народа, т. е. от правильного применения необходимых прав свободы. При этом такого рода безопасность и эти права свободы сохраняются с чрезвычайной тщательностью и вниманием; поскольку индивидуумы и подобным же образом страны не созданы ради государств, а напротив, мудростью всемогущего Властителя, суверены мира были удостоены милости Бога для того, чтобы они защищали и охраняли богатство и благополучие стран. А поэтому в ведении государственных дел они действуют в соответствии с правами нации и законами государства и не совершают никаких произвольных или притеснительных действий... Так как эти принципы являются для цивилизованных стран Европы азбучными истинами их основной политики, вопросом насущной необходимости становится борьба, со всем напряжением воли и старания, ради обеспечения условий, с помощью которых эти принципы могли бы быть применены и к [Османской] империи...»⁴¹.

Таким образом, Садык Рифат одним из первых в Турции сформулировал принцип «безопасности жизни, чести и имущества граждан» в качестве важнейшей основы организации жизни государства и его правовой системы. Для турецкой публицистики это было новое слово, крайне важное для ее дальнейшего развития. В этом произведении Садыка Рифата появились такие новые для турецкого читателя понятия, как права народа и обязанность правительства действовать в соответствии с этими правами.

Другое сочинение Садыка Рифата, которое Н. Беркес характеризует как «основу философии реформ Танзимата»⁴², действительно было своеобразным обоснова-

анием этих реформ. Некоторые историки считают, что в этой работе были сформулированы основы Гюльханейского хатта⁴³ 1839 г., положившего начало эпохе Танзимата. Публицистический пафос сочинения Садыка Рифата состоял в том, что оно выдвигало и отстаивало многие принципиально новые идеи, касавшиеся разных сторон жизни государства и общества. В нем шла речь о необходимости строгого регулирования обязанностей граждан перед государством, в частности налоговой системы, воинской повинности, кодификации законов. Он ратовал за развитие системы народного образования и подъем промышленного производства, в котором видел особенно важное условие общего прогресса страны. Садык Рифат выступал за протекционистскую политику европейских держав по отношению к Турции, за увеличение ее экспорта и уменьшение импорта и за всевозможное покровительство местной промышленности. Наконец, он считал, что империи необходимы хорошие армия и флот, а также честное и компетентное чиновничество. Проблему подготовки такого чиновничества он выделял особо, подчеркивал, что от этого во многом зависит успех реформ во всех областях⁴⁴. Таким образом, в публицистике Садыка Рифата мы находим почти все ключевые идеи реформаторов эпохи Танзимата.

Свои мысли Садык Рифат неоднократно излагал и в различных докладных записках служебного характера, опубликованных в упомянутых выше его «Избранных трудах». В частности, немалый интерес в плане истории идей, пропагандировавшихся средствами публицистики, представляют некоторые его записки, относящиеся к 1838—1839 гг., когда Рифат-паша был послом в Вене⁴⁵. Они еще раз подтверждают роль Садыка Рифата как одного из важнейших идеологов реформ. И в этих записках в центре внимания автора были проблемы безопасности жизни и имущества подданных султана, ответственности чиновников за свои действия, меры по развитию экономики страны, улучшению ее финансового положения. В них Садык Рифат также неоднократно заявлял о необходимости соблюдения законов и писал, что султан не должен издавать ирадэ (указы), противоречащие законам и системе государства⁴⁶.

Определенное место в истории турецкой политической публицистики принадлежит известным турецким государственным деятелям периода Танзимата Али-паше и Фуад-паше, занимавшим в империи высшие посты:

ряд их деловых документов и в особенности известные «политические завещания» определенно носят публицистический характер. Правда, «завещание» Фуада и некоторые из докладных записок обоих реформаторов были впервые опубликованы в 60—70-х годах на европейских языках, а «завещание» Али впервые — только в 1910 г. на французском языке. Интерес историков к этим публикациям не ослабевает и в наши дни. До сих пор нет и единого мнения об их подлинности, ибо турецкие оригиналы все еще не обнаружены. Советский исследователь И. Л. Фадеева считает опубликованные документы подлинными⁴⁷; позиция же турецких ученых выражена фактом издания их на турецком языке, осуществленного в 1978 г. Э. Д. Акарлы⁴⁸.

Что касается публицистического значения рассматриваемых документов, то оно определяется прежде всего тем, что они касались всех основных проблем, которые волновали турецких публицистов того времени. При этом вопросы реформ рассматривались авторами на основе большого опыта личного участия в их проведении в масштабах всей страны. Конечно, изданные на английском, немецком и французском языках⁴⁹, эти документы не находили широкого читателя. Но круг турецких высших чиновников и интеллигенции, знавшей европейские языки, был к этому времени достаточно широк, чтобы этот канал распространения в стране идей Али и Фуада принять во внимание.

В этих материалах содержались важные положения, которые впоследствии вошли в арсенал турецкой политической публицистики «новых османов» — младотурок. Ряд высказываний Али-паши показывает, что он был одним из первых пропагандистов доктрины османизма, направленной на сохранение империи в условиях роста национально-освободительных движений. Так, в опубликованной записке на имя султана в ноябре 1867 г. он утверждал, что нужно обеспечить свободу и равенство всех подданных султана независимо от вероисповедания и происхождения, предлагал создать смешанные школы для совместного обучения детей мусульман и христиан⁵⁰. Главную же свою идею автор сформулировал как задачу «слияния всех подданных империи» во всем, кроме дел религиозных, в качестве «единственного лекарства», способного полностью устранить взаимную зависть и неприязнь и укрепить основы государства⁵¹. Идею такого «слияния» отстаивал в своем «за-

вещании» и Фуад-паша, который считал этот путь единственным средством, способным предотвратить гибель империи⁵².

Другая идея Али и Фуада, также взятая на вооружение многими политическими деятелями и публицистами этого периода, формулировалась обоими реформаторами как изменение социальной структуры страны посредством коренных реформ в государственном аппарате, в особенности в сфере финансов. Фуад-паша прямо писал о необходимости реформирования политических и административных институтов империи⁵³. Наконец, Али и Фуад выдвигали как весьма важный план реорганизации системы образования, что также было характерно для публицистики 60—70-х годов. Фуад, в частности, подчеркивал, что эта реорганизация — совершенно необходимое условие для обеспечения должного совершенствования вооруженных сил и администрации⁵⁴.

В самой общей форме Фуад-паша определял задачу всех реформ как достижение уровня прогресса других европейских стран⁵⁵.

Идеи Али и Фуада, изложенные в работах, не обращенных к читательской аудитории, проникали в турецкую среду сложными путями, но факт публикации этих работ за пределами Турции сделал их авторов, хотя бы и косвенно, причастными к развитию общественной мысли и публицистики 60—70-х годов.

Как видно, первая половина XIX в. стала важным периодом истории турецкой публицистики. Это была пора становления жанра, нашедшего свое выражение в самых разных формах — политических памфлетах и сочинениях, приближавшихся к трактатам, описаниях путешествий в Европу, наконец, в деловых записках крупных сановников. Все эти разные по форме произведения объединяла и включала в процесс создания жанра турецкой публицистики идея реформ жизни турецкого общества, государственно-правовых институтов империи. За полувековой отрезок времени первые турецкие публицисты прошли важный этап в развитии жанра — от общих призывов к «европензации» они перешли к пропаганде разностороннего политического и научно-технического опыта европейских стран, стали искать конкретные пути к реформам, которые смогли бы обеспечить общественно-политический и культурный прогресс страны. Таким путем они подготовили почву для последующего периода развития турецкой публицистики,

когда она стала самостоятельным жанром литературы, а для многих литераторов — повседневной литературной работой, важнейшей формой их участия в общественно-политической жизни страны. Эстафета идеи реформ перешла к публицистам 60—70-х годов, участникам борьбы за конституционные реформы.

Глава IV

Конституционное движение и публицистика

Первые произведения турецкой политической публицистики, уже отвечавшие основным требованиям жанра, появились в Османской империи во второй половине XIX в. К этому времени в общественно-политической жизни страны выявились новые важные тенденции. В результате реформ Танзимата, постепенного проникновения европейских норм в область правопорядка и государственных дел, некоторого развития образования и культуры появились новые социальные слои, заинтересованные в более радикальных реформах. Уже не десятки, а многие сотни чиновников составляли бюрократию нового типа, которая часто выступала на общественно-политическом поприще совместно с молодой интеллигенцией. Именно в этой среде сформировались первые турецкие политические публицисты, в центре внимания которых несколько десятилетий оставалась проблема превращения Османской империи в конституционную монархию. Как известно, этот процесс прошел несколько этапов — от борьбы за первую турецкую конституцию до буржуазной революции 1908 г.¹

Конституционное движение зародилось в середине 60-х годов XIX в. Его отправной точкой стало создание в 1865 г. тайного Общества новых османов, лидеры которого в 1867 г. эмигрировали в Европу, где вскоре начали издавать газеты, пропагандировавшие цели и задачи «новых османов». Весной 1876 г. первым турецким конституционалистом, во главе которых встал крупный государственный деятель Мидхат-паша, удалось активизировать свою деятельность в условиях резкого обострения восточного вопроса и угрозы вмешательства европейских держав в дела империи. Сложное

сплетение различных внутренних и внешних политических факторов привело в декабре 1876 г. к провозглашению первой в истории Турции конституции и созыву парламента. Но конституционная пора оказалась недолгой: султан Абдул Хамид II, воспользовавшись внешнеполитическими обстоятельствами и крайней слабостью конституционалистов, разогнал парламент и практически прекратил действие конституции. Все эти важнейшие обстоятельства социально-политической жизни страны в 60—70-х годах нашли свое отражение в турецкой публицистике тех лет.

С начала 60-х годов развитие турецкой политической публицистики получило мощный импульс в связи с возникновением первых частных турецких газет — «Терджюман-и ахваль» («Толкователь событий»), «Тасвир-и эфкяр» («Изображение идей») и «Мухбир» («Корреспондент»), но особенно в результате появления «вольной» прессы «новых османов» в эмиграции — «Хюрриет» («Свобода») и «Мухбир». Эти органы турецкой печати подробно охарактеризованы в книге А. Д. Желтякова². В рамках же темы данной работы представляется необходимым затронуть вопрос о публицистической роли этих изданий, их общественно-политической направленности. Это важно тем более, что частная периодическая печать с момента своего появления оказывала несомненное влияние на «негазетную» публицистику. Но знакомство с материалами газетной публицистики 60—70-х годов показывает и другое немаловажное обстоятельство. В главных своих направлениях — осознание причин социально-экономической отсталости, политического кризиса и культурного застоя — она продолжала и углубляла реформаторские тенденции первых публицистических сочинений XVIII — начала XIX в., охарактеризованных выше.

Вместе с тем газета не только расширила рамки турецкой публицистики и ее читательскую аудиторию. Именно она сделала этот жанр подлинным инструментом формирования общественного мнения, постоянным действующим участником процесса реформ. С момента зарождения частной турецкой прессы публицистические произведения, издававшиеся в виде книг и брошюр, не утратили своего значения для развития жанра. Напротив, к концу XIX в., особенно в связи с подъемом младотурецкого движения и его эмигрантским периодом, число таких изданий многократно увеличилось. Но газе-

ты часто давали им путевку в жизнь, печатая их на своих страницах.

Что касается репертуара газетной публицистики 60—70-х годов, то кратко его можно охарактеризовать следующим образом. В частной прессе 60-х годов значительное место заняли идеи просветительства, стремление объяснить экономическую и культурную отсталость страны недостатками в развитии образования, популяризация тех сочинений европейских авторов, в которых в той или иной форме пропагандировалась просвещенная монархия, достижения современной науки, в особенности истории естествознания.

Подлинным зачинателем газетной публицистики был выдающийся турецкий литератор Ибрагим Шинаси. Именно на страницах основанной им газеты «Тасвир-и эфкяр» впервые в Турции появились статьи, в которых определялось место публицистики в обществе, показывалось значение общественного мнения в жизни страны. Не случайно турецкий исследователь Ш. Мардин в своей книге о генезисе идеологии «новых османов» назвал главу, посвященную взглядам этого литератора, «Шинаси — рождение общественного мнения»³.

Вне своей газеты Ибрагим Шинаси не создал сколько-нибудь значительных произведений в жанре публицистики, но она была присуща всей его литературной деятельности. Его известная пьеса «Женитьба поэта» была не только художественным, но и остропублицистическим произведением, потому что, открывая турецкому обществу путь к обсуждению очень важных проблем семьи и быта, она заставляла читателей (пьеса увидела сцену только после младотурецкой революции 1908 г.) задуматься над связью этих проблем с более широким кругом вопросов социальной и политической жизни страны. Она внушала читателю мысль о том, что «дело не в пороках и недостатках отдельных людей, а в порочности существующего строя и жизненного уклада»⁴.

Материалы «Тасвир-и эфкяр»⁵, в которой вместе с Ибрагимом Шинаси работал другой выдающийся писатель и публицист, Намык Кемаль, свидетельствуют о ее исключительной роли в истории турецкой публицистики. Именно эти материалы ввели в нее такие слова и понятия, как «патриотизм» и «родина», «свобода» и «революция». На страницах газеты впервые была затронута такая важная тема, как борьба за упрощение турецко-

го литературного языка и стиля турецкой литературы. Газета публиковала и разнообразные, в том числе переводные, материалы на исторические темы, знакомя читателя, в частности, с преимуществами управления государством на началах просвещения. Наконец, газета регулярно публиковала публицистические статьи, в которых критиковалось положение в стране — недостатки в системе образования, произвол чиновников. В 1865—1867 гг., после того как в редакцию газеты пришел Намык Кемаль, политическая публицистика на страницах «Тасвир-и эфкяр» стала еще острее, газета стала выдвигать идеи, касавшиеся общих проблем политической жизни страны и ее общественного устройства. В результате «Тасвир-и эфкяр» была закрыта в марте 1867 г.

Ее судьбу разделила и газета «Мухбир», которую в январе-марте 1867 г. издавал упоминавшийся ранее Али Суави. Публицистика «Мухбир» была для той поры очень острой. Газета позволяла себе критиковать действия правительства, опубликовав, в частности, вслед за «Тасвир-и эфкяр» открытые письма крупного сановника Мустафы Фазыла-паши султану, в которых остро критиковались положение страны и действия правительства. В одном из последних номеров газеты содержались даже намеки на то, что положение страны может быть улучшено с помощью парламентарной системы.

Самой значительной трибуной турецкой публицистики на этом этапе, несомненно, стали органы «вольной» прессы «новых османов» турецких конституционалистов в эмиграции⁶. В них публицистический пафос концентрировался на идее провозглашения конституции и созыва парламента. Абстрактная критика султанского абсолютизма приобрела новую, ясную форму борьбы за конституционную монархию. Это был принципиально новый шаг в развитии турецкой общественно-политической мысли, а также политической публицистики.

На страницах «Мухбир» и «Хюрриет» печатались такие крупные турецкие литераторы, общественные деятели и публицисты, как Али Суави, Намык Кемаль и Зия-паша. Они представляли, в рамках общей пропаганды идеи конституционной монархии, довольно различные взгляды на характер и перспективы конституционных реформ, в чем отражалось различие их идейных воззрений.

Али Суави в своих публицистических статьях в «Мухбир» выступал как бунтарь, который призывал к борьбе

с тиранией, выдвигал лозунги свободы и справедливости и даже прямо угрожал правительству. «Пусть оно поймет,— писал Али Суави,— что уже настал день, когда оно должно дать подданным право обсуждения. Если же оно не захочет это понять, подданные возьмут свое право силой»⁷. Статьи Али Суави были образными, эмоциональными, даже страстными. О чем бы он ни писал — о равенстве всех перед законом или о политических свободах, о пагубной финансовой политике правительства или засилье иностранцев в экономике,— тон Али Суави был наступательным, он стремился побудить читателя к активным действиям.

Но, пожалуй, главной особенностью публицистики Али Суави являлось то, что она была пронизана религиозным духом. Все требования, все задачи реформ, формулировавшихся автором и объективно носивших буржуазный характер, основывались на догматах ислама, сверялись с положениями шариата и подкреплялись ими. Не случайно некоторые историки называют Али Суави «революционером в чалме»⁸. Ему было свойственно не только убеждение в превосходстве ислама над другими религиями, но и уверенность, что именно отступления от основных принципов ислама привели Османскую империю в упадок. Он явно идеализировал ислам и его историю⁹.

«Хюрриет» также постоянно ссылалась на авторитет Корана и шариата. Ее статьи по вопросам экономики, политики и культуры также были заполнены рассуждениями о том, что ислам не препятствует прогрессу, а «шариат есть душа и то, в чем состоит жизнь нашего государства. И он — самое действенное из лекарств, которое нам известно»¹⁰. Но публицистика «Хюрриет» была по тону и содержанию более светской. Здесь впервые обстоятельно были рассмотрены вопросы создания в империи конституционной монархии, учреждения парламента, отделения власти исполнительной от законодательной. Авторы статей в «Хюрриет», освещая эти важнейшие политические вопросы, постоянно обращались к примеру и опыту европейских государств. Много места в публицистических материалах газеты занимала пропаганда идей патриотизма, просвещения народа, развития науки. Достаточно конкретно для своего времени она обсуждала экономические проблемы страны, выступая против кабальных внешних займов, разорительных налогов, ростовщичества и бюрократического произвола.

В целом публицисты «Мухбир» и «Хюрриет» однозначно смотрели на острую национальную проблему Османской империи. Все их статьи по этому вопросу сводились к пропаганде доктрины османизма — идеи «общей родины» для всех подданных турецкого султана. В «Мухбир» и «Хюрриет» настойчиво пропагандировалась мысль, что провозглашение конституции создаст единение народов империи в рамках свободного реформированного государства, удовлетворит чаяния всех этих народов. При этом авторы статей исходили из безусловно главенствующего положения турок в государстве, решительно выступали против всех проявлений национально-освободительной борьбы нетурецких народов империи. Отсюда вытекали и антирусские настроения обеих газет, проявлявшиеся в многочисленных статьях по вопросам международного положения империи.

На рубеже 60—70-х годов идеи османизма получили довольно широкое распространение не только в «вольной» прессе «новых османов», но и в ряде столичных и провинциальных газет. Публицистические материалы, содержащие османистские идеи, присутствовали в 70-х годах на страницах крупных органов прессы Сараева. Газеты «Сараевский цветник» и «Босна» публиковали статьи, в которых разъяснялось, что подданные Османской империи не должны стремиться к борьбе за интересы какой-либо одной нации, а испытывать общее для всех подданных империи чувство патриотизма¹¹. В частности, газета «Босна» осенью 1877 г. напечатала в двух номерах обширную статью под названием «Османское единство», в которой утверждалось, что все народы Османской империи составляют османское братство, одно тело, одно целое. Подобного рода статьи публиковали и другие органы турецкой прессы на Балканах, в арабских провинциях. Расширить наши знания об этом может только изучение провинциальной прессы того периода, материалы которой представлены у нас, к сожалению, лишь случайными номерами.

Характеризуя газетную публицистику рассматриваемого периода, нельзя не сказать о ярких публицистических статьях в газете «Ибрет» («Наставление»), издававшейся Намыком Кемалем в 1872—1873 гг. после возвращения в Стамбул из эмиграции. В них смело пропагандировались идеи свободы и конституции, патриотизма, просвещения и «европеизации». Издатель «Ибрет» поплатился ссылкой за то, что на ее страницах

позволял себе писать о свободе мысли, суверенитете народа и парламентарном управлении¹².

Заметный след в истории турецкой публицистики оставили крупные стамбульские газеты «Вақыт» («Время»), «Сабах» («Утро») и «Басирет» («Проницательность»), на страницах которых в 1876—1877 гг. было опубликовано немало статей, отражавших ход борьбы за конституцию и парламент, так же как и идейную борьбу сторонников и противников конституции¹³.

Большую роль в общественно-политической жизни Турции 60—70-х годов продолжали играть и отдельные издания работ публицистического характера, выполнявшие ту же публицистическую функцию, что и газеты, причем иногда роль таких изданий оказывалась даже более долговременной в силу самой формы издания — книги или брошюры. В числе произведений, отразивших в публицистической форме проблемы, волновавшие передовые слои турецкого общества, были сочинения Мустафы Фазыл-паши, Тунуслу Хайреддин-паши и Мидхат-паши. Они появились в атмосфере первого в истории Турции конституционного движения 60—70-х годов и в определенной мере отражали его идеи и настроения.

Мустафа Фазыл-паша, автор ставшего широко известным «Письма из Парижа», был братом египетского хедива и крупным султанским сановником. Он занимал в Османской империи высокие посты, в том числе в правительстве, но, не поладив с руководителями Высокой Порты, перебрался в Париж. Отсюда Мустафа Фазыл-паша и обратился с открытым письмом султану, опубликованным на французском языке. Примечателен большой интерес к этому сочинению со стороны общественности Франции: его поместили 24—26 марта такие органы парижской прессы, как «Либерте», «Журнал де Деба» и «Лэтандар». Тогда же были опубликованы в Париже и две брошюры с текстом «Письма» Мустафы Фазыла; одну отпечатала в 1867 г. типография Шиллера под названием «Lettre adressée á S. M. le Sultan par S. A. le Prince Mustapha Fazil Paşa», а другое издание осуществила под тем же названием Школа восточных языков. На титульном листе этого издания было указано, что издаваемое сочинение публикуется «на турецком, французском, итальянском, русском, новогреческом, а также на турецком языке греческими и армянскими буквами»¹⁴.

Содержание «Письма» оказалось настолько созвуч-

ным в этот момент идеям «новых османов» — первой организации турецких конституционалистов, что они его немедленно перевели на турецкий язык и отпечатали литографским способом в Стамбуле в том же, 1867 г. Ш. Мардин, ссылаясь на одного из участников Общества новых османов, Тевфика Эбуззию, пишет, что «еще 8 марта Намык Кемаль и его друзья получили текст „Письма“ и предприняли его перевод для тайного распространения». Корреспондент бельгийской газеты «Эндепананс Бельж» сообщал из Стамбула о брошюре Мустафы Фазыл-паши, опубликованной в форме письма султану¹⁵. Примечательно, что турецкое издание было распространено необычайно большим для того времени тиражом: по некоторым данным, он составлял чуть ли не 50 тыс. экземпляров¹⁶. «Письмо из Парижа» издавалось в Турции и позже. Важно отметить, что оно фигурировало в числе первых изданий младотурок после победы революции 1908 г.¹⁷.

Мы сочли необходимым столь подробно остановиться на обстоятельствах публикации сочинения Мустафы Фазыла¹⁸, поскольку оно сыграло особую роль как первое публицистическое произведение, написанное с позиций открытой оппозиции султану и его правительству. Вместе с тем и сам текст «Письма» свидетельствовал о том, что именно приемы публицистики определили его содержание и форму.

Основное содержание сочинения сводится к следующему. Автор пишет о своем стремлении представить султану ту правду о положении страны, которую скрывают от него ближайшие сановники. В весьма энергичных выражениях он описывает угнетение и притеснения, которым подвергаются подданные султана, всеобщее недовольство населения страны¹⁹. Главной причиной всего этого автор считает бюрократический произвол, бесконтрольные действия чиновников любых рангов. При этом Мустафа Фазыл, следуя традиции средневековых османских дидактических трактатов, утверждает, будто в славном прошлом страны все покоилось на «основах свободы и независимости», когда «свободны были каждый ум и каждое сердце»²⁰. Эта несомненная идеализация прошлого позволяет автору особенно подчеркнуть нетерпимость настоящего положения. «Ваши подданные, — пишет он султану, — делятся на две группы. Одна — необузданные тираны, другая — угнетенные, страдающие от их произвола»²¹.

Автор с горечью пишет о произволе во взимании налогов, тяжелом финансовом положении страны, упадке сельского хозяйства, ремесла и торговли в результате «беззакония нашей системы гражданского управления»²². Он утверждает, что без обеспечения должных гарантий прав личности и собственности невозможно развитие сельского хозяйства и ремесла. А потому необходимо реформировать образ управления, «украсив его сводом законов свободных», уравнив в правах подданных всех вероисповеданий, гарантировав им свободу личности и безопасность имущества²³. Мустафа Фазыл пишет и о том, что нужна свобода, ибо «нация, живущая в неволе, напрасно будет стремиться к знаниям»²⁴. Автор горячо ратует за распространение просвещения и образования. Он ссылается, как и в других своих предложениях, на опыт европейских государств, которые, по его словам, достигли такого могущества и процветания именно благодаря тому, что установили у себя «свободный порядок»²⁵. При этом он обращается к примеру Великой французской революции, сравнивая дореволюционное положение Франции с современным ему положением Османской империи. Опыт показывает, подчеркивает автор, что без свободы, без гарантии прав личности и собственности невозможно добиться успеха в развитии сельского хозяйства и ремесла²⁶.

О «свободном порядке» в европейских странах автор рассуждает столь пространно, что в его «Письме» можно усмотреть намек на призыв к введению конституционного управления, хотя прямых заявлений на этот счет в тексте нет. Таким призывом, например, можно считать следующие его слова, обращенные к султану: «То, что называется свободным порядком, есть лишь ограничение независимой силы, есть ограничение лишних сторон этой силы. А падишах при этом лишается только возможности ошибаться и делать зло»²⁷. Если принять во внимание, что газета «новых османов» «Хюрриет», которую полностью финансировал Мустафа Фазыл, в первом же своем номере (29 июня 1868 г.) прямо заявила о необходимости конституционного управления, можно предположить, что идеи эти были близки Фазыл-паше и в начале 1867 г., но он, видимо, не решился по политическим соображениям прямо формулировать их в своем публицистическом сочинении. Кстати сказать, существует недатированное болгарское издание «Письма»²⁸, в тексте которого есть прямой призыв к султану

даровать стране конституцию и сообщается о намерении автора и его единомышленников представить ее проект. Возможно, болгарский перевод выполнен в 1868 г. и дополнен этой уже открыто сформулированной идеей.

Практические предложения Мустафы Фазыла, содержащиеся в рассматриваемом нами документе, были довольно скромными. Он предлагал султану создать в вилайетах собрания из «знатных лиц», избираемых населением. Задача этих выборных органов должна была состоять в помощи султану в различных государственных делах. Автор полагал, что представители этих местных собраний будут периодически собираться в Стамбуле и сообщать султану о нуждах страны и это, по его мнению, оградит султана от обмана сановников империи²⁹.

Таким образом, «Письмо» Мустафы Фазыла — образец публицистики, отражавшей реформаторские устремления на основе веры в «доброту султана». Эта тенденция была присуща многим публицистическим произведениям и более позднего периода; даже в мрачные годы «зулюма» многие младотурецкие публицисты боролись с тираном Абдул Хамидом, надеясь увидеть вместо него на троне справедливого, «конституционного» монарха.

Если источником, питавшим «Письмо» Мустафы Фазыл-паши, можно во многом считать европейские буржуазные идеи правопорядка, то несколько иной источник вдохновения был у Тунуслу Хайреддин-паши. Правда, он также принадлежал к высшим османским сановникам. Черкес по происхождению, Хайреддин еще мальчиком был увезен из родных мест и продан в рабство. Вскоре он попал в дом вали Туниса, где воспитывался и рос наравне с сыновьями хозяина. Изучал мусульманское и европейское право, французский язык. Занимал ряд значительных постов на службе в Тунисе, находившемся под властью турецких султанов, получил ранг везира. Подолгу жил в Европе, главным образом во Франции, бывал в Англии, Голландии и некоторых других странах. В 1877 г. из-за разногласий с тунисским беєм Хайреддин-паша перебрался в Стамбул, где вскоре оказался в числе столичной бюрократической элиты³⁰. В 1879 г. около семи месяцев занимал пост великого везира.

Судя по отзывам современников, это был образован-

ный человек, отлично владевший арабским и французским, знавший историю как мусульманских народов, так и Европы. Примечательно, что, заняв пост великого везира в начале января 1879 г., когда не прошло еще и года после разгона султаном первого парламента и фактической ликвидации конституции, Хайреддин-паша взял на себя смелость протестовать против вмешательства дворцовой камарильи в государственные дела и даже неоднократно говорить в присутствии султана о необходимости улучшения управления страной. Он также пытался советовать султану «усовершенствовать конституцию, создать ответственный и солидарный кабинет министров, вновь созвать палату депутатов»³¹ и писал ему докладные по этим вопросам.

Абдул Хамид и его окружение предпочли избавиться от сановника, пытавшегося вернуть империю к кратковременной поре конституционного правления. Во второй половине июля Хайреддин-паша был смещен с поста великого везира и вынужден был жить на своей летней вилле под надзором. Изредка, правда, султан «советовался» с ним по государственным делам.

Пожалуй, кратковременное пребывание Тунуслу Хайреддин-паши на столь высоком посту и в такой драматический момент истории Османской империи не было случайностью. Его назначение и смещение было повторением приема, примененного Абдул Хамидом в декабре 1876 г., когда великим везиром стал Мидхат-паша. Как и в том случае, назначая Хайреддина великим везиром, Абдул Хамид, не сразу проявивший крайне деспотические черты, хотел продемонстрировать «непоколебимость» своего либерализма, поскольку Хайреддин-паша имел устойчивую репутацию умеренного либерала. Конечно, он был нужен султану на то короткое время, которое оказалось Абдул Хамиду необходимым для перехода к режиму ничем не ограниченной личной власти, к которой он стремился. Что касается тех воззрений Хайреддина, которые привели его на пост великого везира, а затем к смещению с него, то они наиболее полно представлены в его сочинении «Реформы, необходимые для государств мусульманских», ставшем в то время довольно широко известным³².

Сочинение это, написанное на арабском языке, было издано в переводе на французский в Париже в 1868 г. Вскоре оно было переведено и на турецкий³³ с арабского оригинала³⁴. Примечательно, что этот перевод был

издан в Турции в 1879 г., когда Хайреддин находился у власти.

Подобно большинству авторов, обращавшихся в ту пору к теме реформ в мусульманских странах, Хайреддин-паша признавал отставание этих стран от Европы. Прогресс европейских стран, подчеркивает он, «достигнут с помощью знания, развитию которого способствовали политические институты, основанные на справедливости и свободе»³⁵. Автор считает, что невозможно добиться прогресса, копируя лишь экономические институты, без использования также опыта европейских политических учреждений. В целом он выступает с общим для турецких реформаторов 60—70-х годов тезисом о том, что справедливость и свобода могут быть единственной основой общественного прогресса. Но дальнейший ход его рассуждений показывает, что, хотя все реформаторы той поры пытались согласовать нормы шариата с основами европейского буржуазного правопорядка, Хайреддин-паша рассматривал каноны ислама в качестве основы и гарантии предлагаемых реформ. Говоря о том, что обществу нужна справедливость, он подчеркивал, что «именно благодаря провидению справедливость, хорошее управление и хорошие политические институты являлись причинами благосостояния народа и общего процветания. Противоположное же вело к упадку во всем»³⁶. И далее автор писал, что ислам «запрещает любому лицу действовать как ему заблагорассудится и лишь в зависимости от своих личных наклонностей»³⁷. Так читатель подводится к мысли о необходимости определенного контроля над действиями верховной власти.

В своих рассуждениях Хайреддин-паша постоянно опирается на авторитет ислама. Он пишет, в частности, что «все авторы, которые писали по политико-религиозным вопросам мусульманской юриспруденции, единодушны в своей интерпретации, имеющей силу закона, и защищают тезис, что перепоручение даже самой значительной части власти суверена не только не является ограничением суверенных прав правителя, но, напротив, составляет одно из прав суверена, дарованных религией»³⁸. И хотя Хайреддин-паша стремился в своем сочинении показать вредность неконтролируемых действий правителя, позволяя себе даже цитировать слова европейского историка об опасности единоличного правления главы государства, независимо от его личных до-

стоинств, его собственные практические планы не шли дальше контроля действий султана высшими сановниками империи. При этом он апеллировал к кодексу султана Сулеймана I (1520—1566), который определял, по его мнению, роль министров и улемов как гарантов соблюдения султанами законов. «Таким образом,— писал Хайреддин,— положительная роль улемов и министров такова же, как и роль, которую выполняют в конституционных государствах Европы палаты представителей, и можно сказать даже, что эта роль — более высокая, ибо к мотивам земного порядка, которые требуют и узаконивают этот контроль, у мусульман присоединяется требование религии»³⁹.

Эта же мысль выражается автором еще яснее, когда он говорит, что в исламе представительные институты и пресса заменены «прямой обязанностью ответственных и просвещенных людей нации противиться любому нарушению закона»⁴⁰. Более того, он утверждал, что требование «советоваться перед действиями» было предписано свыше самому пророку и с тех пор оно было обязательным для всех мусульманских правителей. Из этой обязанности вытекала, по мнению Хайреддина, «законность общественных актов и необходимость их контролирования для всех нас»⁴¹.

Таким образом, Хайреддин-паша выступает за определенный контроль действий монарха, хотя из его рассуждений видно, что он представляет палату депутатов или иной парламентский орган, контролирующей эти действия, своего рода советом высших улемов и сановников империи. Реальное содержание его идеи становится ясным из высказывания автора о том, что процветание и счастье нации может иметь место только в результате взаимопонимания и единения просвещенных представителей класса улемов и опытных государственных деятелей. При этом последние должны, опираясь на свои особые знания, предлагать средства для улучшения дела, а улемы — интерпретировать эти предложения с точки зрения права⁴². Хайреддин выступает в своем сочинении как политик и публицист, прямо связывающий достижение «свободы и справедливости» с нормами раннего ислама. В отличие от Мустафы Фазыл-паши он не связывает прямо улучшение государственных дел с использованием европейского опыта, а лишь говорит о возможности достижения аналогичных результатов, но только на основе традиций ислама.

В одном ряду с публицистическими произведениями Мустафы Фазыла и Хайреддина стоит и сочинение лидера борьбы за конституцию 1876 г. Мидхат-паши. Оно было написано им в связи с обострением восточного вопроса и подписанием Сан-Стефанского договора 1878 г. Мидхат находился в этот момент в изгнании в Европе. В брошюре, названной «Турция. Ее прошлое, ее будущее»⁴³, он рассматривает, в частности, свой вариант решения вопроса о Болгарии, которая по Сан-Стефанскому договору получала автономию. Автор предлагает такой раздел Болгарии, при котором ее большая часть сохранялась бы в границах Османской империи. Эта часть брошюры Мидхата была, конечно, в первую очередь рассчитана на некоторых европейских политиков; не случайно он представил свое сочинение Биконсфильду, премьер-министру Англии — страны, на которую обычно возлагал свои надежды как политик и реформатор⁴⁴. В данном случае сочинение Мидхата дополнительно характеризует его как противника национально-освободительных движений нетурецких народов, т. е. сторонника известной доктрины османизма⁴⁵.

В контексте же данной работы нас больше интересуют те разделы брошюры, которые посвящены общим вопросам положения страны. Актуальность этих разделов не была утрачена и к моменту младотурецкой революции 1908 г. Во всяком случае, именно тогда сочинение Мидхата было издано в Стамбуле в переводе на турецкий⁴⁶. На титульном листе издания значится 1324 г. х., т. е. 1906 — начало 1907 г. Трудно, конечно, представить легальное издание сочинения осужденного и убитого по приказу султана лидера конституционалистов в Стамбуле до младотурецкого восстания, да еще с таким подзаголовком от издателя на титульном листе: «Политические речи гения». Остается предположить типографскую опечатку — не 1324, а 1326 или 1327 г. х., когда были опубликованы также сочинения Кемалы, Зии, лидеров младотурок в эмиграции конца XIX — начала XX в. и другие запрещенные при режиме «зулюма» сочинения. Можно было бы предположить и нелегальное издание, но тогда на титульном листе вряд ли было бы обозначено имя издателя. Так или иначе, но спустя три десятилетия брошюра Мидхат-паши нашла и своего турецкого читателя. Однако и ее французский оригинал имел значительное хождение в прогрессивных слоях турецкого общества. Таким образом, свою публи-

цистическую роль сочинение Мидхата исполняло и до его издания на турецком языке.

Исходный пункт рассуждений Мидхата напоминал высказывания Мустафы Фазыла и Хайреддина. Он был убежден в том, что Османская империя постепенно пришла в упадок и превратилась во второстепенную державу по причине того, что не смогла реформировать свои государственные институты таким образом, чтобы достичь тех свобод, которые обеспечили прогресс европейской цивилизации⁴⁷. Но Мидхат в отличие от первых двух говорит о необходимых реформах не туманно; он четко формулирует мысль о том, что необходимые для обеспечения интересов всех народов империи социально-экономические условия могут возникнуть только при искреннем проведении в жизнь конституции, в соответствии с которой и должно управлять Османской империей⁴⁸.

Мидхат писал, что установление конституционного управления будет исходным моментом возрождения и развития всех народов Османской империи и сможет связать их в один прочный союз⁴⁹, пропагандируя, таким образом, все ту же доктрину османизма. Он прямо писал о необходимости противопоставить освободительным движениям нетурецких народов империи чувство «единой родины» и общего патриотизма⁵⁰. Вместе с тем Мидхат, так же как Хайреддин, утверждал, что понятия свободы и равенства входят в число основных установлений ислама⁵¹. Ссылаясь на пример деятельности султана Мехмеда Фатиха, завоевателя Константинополя, он стремился убедить читателя в наличии некоей традиции справедливого отношения турецких султанов к своим подданным всех вероисповеданий⁵². Его брошюра буквально пронизана неприязнью к национально-освободительной борьбе и устремлениям нетурецких народов империи; он готов рассматривать эти устремления только как результат подстрекательства внешних врагов. Мидхат утверждал, что в Европе несправедливо считают только христианских подданных Порты угнетенной частью населения, поскольку христиане обращают к Европе свои жалобы, в то время как мусульмане лишены такой возможности⁵³. В этом утверждении отражался общий подход турецких реформаторов и конституционалистов 60—70-х годов к решению национальных проблем страны.

Рассмотренные произведения Фазыла, Хайреддина и

Мидхата свидетельствуют о том, что турецкая политическая публицистика 60—70-х годов была уже представлена рядом сочинений, в которых были очевидны черты этого жанра. Именно в эти годы, ставшие важнейшей вехой социально-политического развития Турции, окончательно сформировалась турецкая публицистика как общественно-политическое и литературное явление. Особенно значительный вклад в это формирование внесли такие крупные публицисты — лидеры «новых османов», как Намык Кемаль, Зия и Али Суави. Все они, как отмечалось, проявили себя на этом поприще в «вольной» прессе «новых османов», а также отдельных произведениях публицистического характера.

Подлинным гимном свободе и борьбе с абсолютизмом звучало на протяжении почти полувека сочинение Намыка Кемалья «Сон», а также его «Письма из Магосы», написанные автором во время его пребывания в заточении в цитадели г. Фамагусты (по-турецки Магоса) на о-ве Кипр, продолжавшемся более трех лет (1873—1876 гг.)⁵⁴.

«Сон» — небольшое прозаическое произведение, полное метафор и аллегорий, написано Намыком Кемалем в эмиграции. Опубликовано оно было лишь накануне младотурецкой революции и неоднократно печаталось после ее победы. Но оно получило широкое тайное распространение в сотнях списков, особенно в период зарождения тайных организаций младотурок⁵⁵. И действительно, борцам за первую конституцию, а позже и противникам абдулхамидовской деспотии, грезившим о падении ненавистного режима, были близки и понятны образы «Сна» Намыка Кемалья. Его воображаемое сновидение в майскую ночь 1872 г. относится к периоду, когда Намык Кемаль, вернувшись из эмиграции, особенно остро ощущал произвол и несправие, царившие в его стране. Ему, или, точнее, герою поэмы, предстал во сне некий ангел, или фея, закованная в цепи, которые распадалась все больше с каждым ее шагом вперед. И Намык Кемаль восторженно писал, что, глядя на эту фею, он понял, что перед ним олицетворение Свободы, о которой он мечтал. Эта «фея Свободы» с высокой скалы призывала людей к пробуждению, к борьбе за лучшее будущее⁵⁶.

«Сон» Кемалья представляет собой один из лучших образцов турецкой политической публицистики того времени, в котором художественность образов подчеркива-

ла и усиливала идеи автора. Со страниц «Сна» звучал страстный призыв к свободе и патриотизму, экономическому и культурному прогрессу родной страны⁵⁷. Яркая публицистичность «Сна» проявилась и в его заключительных строках. Пробудившись от своих грез и поняв, что это был лишь сон, герой вновь и вновь пытался в него погрузиться, но, увы, безрезультатно. «Однако,— писал Кемаль,— теперь наибольшей радостью моей жизни стали питающие душу идеи этого зрелища»⁵⁸.

Особенно сильна публицистическая сторона «Писем из Магосы», которую в нашей туркологии впервые подметил и охарактеризовал В. Стамбулов⁵⁹. Ссылный писатель горячо протестовал против произвола, жертвами которого стали многие узники цитадели, среди которых был даже один из руководителей Кулелийского заговора 1859 г.⁶⁰, шейх Ахмед⁶¹. Открытым вызовом султанскому абсолютизму звучали слова Намыка Кемалья, лишённого правительством титула бея, о том, что народ называет его «преданным родине» и этот титул он считает для себя более почетным⁶².

В острой сатирической форме бичевал Намык Кемаль административный и судебный произвол в своей стране, обличал деспотизм как виновника того бедственного положения, в котором оказалась страна. Он гневно писал о том, что высокопоставленные лица империи бросают в тюрьмы, подобные Магосской, многих невинных людей даже без всякого следствия и суда. При этом автор прямо указывал на великого везира и сераскера, напоминая, что так сегодня судьбами людей распоряжаются те, кто сам полтора года назад оказался в ссылке тоже без суда. Османскую империю Намык Кемаль сравнивал с местом своего заключения, говоря, что Магосская крепость — миниатюрное отображение всей Османской империи. Он имел при этом в виду не только ужасные условия жизни (в Магосе, например, не было даже приличной питьевой воды), но и грубый произвол и беззаконие, от которого в той или иной форме страдали все жители Османской империи любых сословий и вероисповеданий⁶³. Подобные мысли, содержащиеся в письме заточенного в тюрьму популярного поэта и писателя, несомненно, сыграли немалую роль в распространении антиабсолютистских идей в Османской империи второй половины XIX в., повлияли и на дальнейшее развитие турецкой политической публицистики.

Издание «Сна» и «Писем из Магосы», которым мы пользовались, имеет одну весьма примечательную особенность: оно было подготовлено и издано в Каире одним из наиболее крупных младотурецких публицистов конца XIX — начала XX в. Абдуллахом Джевдетом — участником создания первой тайной организации младотурок в 1889 г.⁶⁴ Он снабдил оба сочинения своими предисловиями, высоко оценивая их общественно-политическое звучание⁶⁵. Выше мы отмечали публикацию Али Суави сочинения автора XVIII в. Мехмед-эфенди «Сефартнаме». Таким образом, перед нами определенная эстафета поколений публицистов, в основе которой лежало родство идей.

К публицистическим произведениям Намыка Кемалья относится и его «Возражение Ренану»⁶⁶. Это сочинение примечательно главным образом как выражение столь характерного для большинства турецких публицистов эпохи реформ стремления доказать совместимость идей социального и культурного прогресса с нормами ислама. Намык Кемаль полемизирует в нем с французским академиком Эрнестом Ренаном, который выступил с лекцией «Ислам и просвещение». Эта лекция была позднее опубликована и стала, по словам Намыка Кемалья, «с некоторых пор предметом обсуждения для прессы»⁶⁷ (разумеется, европейской). Публицистический пафос этого сочинения Намыка Кемалья направлен против утверждения Ренана о том, что ислам является препятствием на пути развития знаний и просвещения. Возражая Ренану, он доказывал, что догматы ислама отнюдь не препятствуют развитию науки, в частности изучению математики и других точных наук⁶⁸. При этом Намык Кемаль прибегал к историческим примерам, свидетельствовавшим о высоком уровне научных знаний у мусульманских народов в ряде стран и государств, приводил имена Ибн Сины, аль-Фараби, Улугбека, Ибн Халдуна и других выдающихся ученых и мыслителей средневековья⁶⁹.

К сожалению, Кемаль не видел или не желал видеть, что эти примеры не могли служить доказательством приемлемости канонов ислама в качестве основы социального и культурного прогресса в совершенно новых исторических условиях эпохи нового времени. Явно не очень считаясь с фактами, он огульно отрицал высказывание Ренана о презрительном отношении ислама к европейской науке и культуре⁷⁰. В этом произ-

ведении Намык Кемаль защищал не только свою религию, но и комплекс традиций, которые конституционалисты 60—70-х годов стремились взять на вооружение в борьбе за реформы. Его аргументация в споре с Ренаном выглядела достаточно поверхностной и слишком эмоциональной. Так, он заявлял, что доводы Ренана о том, что ислам препятствует развитию знаний и просвещения, нужны автору будто бы для того, чтобы «выставить европейцев как источник развития знаний»⁷¹. Прав турецкий исследователь идеологии «новых османов» Ш. Мардин, когда пишет, что защита Кемалья, хотя и очень горячая, была слаба, ибо он не мог понять позиции своего противника, как и того, что исламу свойствен схоластический подход к философии⁷².

Отметим, что в турецкой публицистике нового времени такого рода произведения не были редкостью. В газетах «Мухбир» и «Хюрриет» многократно помещались статьи в «защиту» ислама и обоснование его «полной совместимости» с идеями социального и культурного прогресса. Эта идея в той или иной степени содержалась и в брошюрах Мустафы Фазыла, Мидхата и особенно Хайреддина.

Интересные образцы турецкой публицистики 60—70-х годов принадлежат перу известного сановника Зияпаши — одного из идеологов «новых османов». Его публицистические произведения «Прошение»⁷³ и «Сон»⁷⁴ также были весьма популярны в рассматриваемый период.

«Прошение» было написано Зией в Лондоне, накануне намечавшегося визита султана Абдул-Азиза в Англию. Автор был к этому моменту одним из самых видных деятелей турецкой политической эмиграции в Европе. Хотя «Прошение», отражавшее только личную точку зрения автора, готовилось им для вручения султану втайне от других эмигрантов и было пронизано верноподданническими чувствами, оно встало в ряд тех публицистических сочинений, которые усиливали оппозиционные Порте настроения.

Те страницы «Прошения», на которых излагается мнение автора о различных сторонах жизни страны, интересны как свидетельства очевидца — крупного турецкого чиновника, а также характеристикой образа мышления этого видного деятеля реформаторского движения и публициста.

Критику положения страны Зия предваряет напоми-

нением о том, что народ ждал от нового султана устранения всех беспорядков и «обеспечения для каждого безопасности жизни и состояния...»⁷⁵. Он напоминает Абдул-Азизу о его же словах, что султану непростительно плохое положение народа, казны и финансов из-за дурного управления министров⁷⁶. Выражение верноподданнических чувств, вера в «доброту султана» в «Прошении» непрестанно перемежаются с мыслью о том, что панацеей от всех бед страны является устранение плохих министров, творящих беззакония именем султана, замена неспособных чиновников людьми, которые смогут осуществить нужные реформы на практике⁷⁷. Именно эта мысль и является лейтмотивом «Прошения».

Зия-паша рисовал в своем произведении правдивую картину плачевного состояния финансов и вообще экономики страны. Полны сарказма его слова о том, что правительство сделало своим принципом уверенность, что Османской империи будто бы не прожить без займов, о том, что оно погашает один заем с помощью другого, «вырывая еще большие ямы, для того чтобы засыпать прежние». В результате финансовые дела страны еще больше запутываются и на выплату долгов иностранным государствам уходит ежегодно треть, а то и половина доходов империи⁷⁸.

Автор «Прошения» сетует по поводу плачевного состояния армии и чиновников, которым подолгу не платят жалованья. Это приводит к росту недовольства, и власти усмиряют недовольных с помощью солдат⁷⁹. Все это, возмущается автор, происходит на фоне безудержного обогащения крупных сановников.

Описывая положение в провинциях, Зия-паша пишет, что, даже когда должностные лица — вали, мутесаррыфы или каймакамы — стремятся добросовестно вести дела, они не в состоянии ничего поправить, ибо не могут избавить население от произвола местных богатеев и знатных лиц, а также иностранных консулов, которые через свои посольства в столице оказывают давление на Порту⁸⁰. Характеризуя налоговое бремя, Зия отмечает, что произвол при сборе налогов приводит к тому, что в руки «влиятельных лиц», ростовщиков и жандармов попадают средства, вдвое превышающие сумму налогов, поступающих в государственную казну. Особенно резко он пишет о злоупотреблениях при сборе основного натурального налога — ашара (десятины). За откупщиками, собирающими этот налог подчас по своему ус-

мотрению, стоят — явно или тайно — все те же местные «влиятельные и богатые лица»⁸¹. Автор красочно описывает действия откупщиков, чиновников и жандармов при сборе налогов, добавляя к ним еще и мрачную фигуру ростовщика, доведившего крестьян до тюрьмы, а их семьи до нищеты.

Сочинение Зии интересно также его наблюдениями и оценками, касающимися налоговых недоимок населения, которые, по его словам, являются одним из «бедствий для народа» и «растут из года в год». Любопытно, что в этом разделе Зия-паша проявляет явную необъективность, утверждая, что поскольку все богатые лица провинции — якобы христиане, пользующиеся покровительством чиновников и почти избавленные от налогов, то «вся тяжесть бремени ложится на мусульман»⁸². Конечно, немусульмане в целом занимали в тот период значительные позиции в экономике страны, но они, особенно крестьяне и небогатые ремесленники, страдали от произвола откупщиков или при сборе недоимок ничуть не меньше мусульман, а от самоуправства чиновников или полиции — гораздо больше тех.

Зия-паша показывал, что народ страдал и по многим другим причинам — из-за плохого состояния дорог и дурного судопроизводства, низкого уровня народного образования и просвещения. Он подчеркивал, что европейские государства ежегодно ассигнуют на нужды образования и просвещения значительную часть своих доходов, тогда как в Османской империи средств, выделяемых для этих целей, едва достаточно для выплаты жалованья чиновникам данного ведомства, а школьное дело находится в самом жалком состоянии⁸³. Затронув эту тему, Зия обращает внимание на то, что школьное образование у немусульманских народов империи, находящееся в непосредственном ведении их общин, поставлено хорошо и их школы дают ученикам настоящие знания.

Правда, это сравнение оказывается нужным автору для утверждения (характерного для многих турецких реформаторов и публицистов), что именно успехи в просвещении обеспечили немусульманам ведущие позиции в ремесле и торговле, сделали их «богачами»⁸⁴. Автор, конечно, не понимал, что социальное и экономическое отставание в развитии турецкого общества той поры определялось главным образом застойным характером многих социальных и культурных институтов сред-

невековья, против которых и выступали прогрессивные турецкие публицисты 60—70-х годов.

Когда же в сочинении Зия речь заходит о проблемах внешней политики или об освободительной борьбе нетурецких народов империи, то становится очевидным, что публицистическое перо и этого автора явно служит сохранению целостности Османской империи. Зия негодует по поводу передачи сербам турецких крепостей или уступок Черногории, отсутствия «твердости» у правительства во время восстания греков на Крите и т. п. Оценивая урон, который понесла Османская империя в связи с критскими событиями, он отмечает, что они ухудшили международное положение страны и ободрили национальные движения других народов империи. Между тем автор явно был склонен, как и другие, объяснять освободительные движения христианских подданных Порты происками внешних врагов империи⁸⁵. Таким образом, и Зия-паша стоял на позициях великодержавного османизма — доктрины о единстве всех подданных империи в условиях соблюдения законности и под властью «справедливого» монарха.

В «Прошении» очевиден публицистический настрой автора, но пафос своего сочинения он практически сводит к утверждению, что внешние и внутренние неурядицы вызваны исключительно пороками нынешнего правительства. Зия писал, что источник всех бед и зол — дурное управление, а оно, в свою очередь, порождено действиями «нескольких известных честолюбцев и любимцев фортуны»⁸⁶. Эта мысль — буквально лейтмотив всего «Прошения».

Известно, что к идее конституции и парламентарного режима Зия-паша пришел через значительные колебания. Но и став конституционалистом, он продолжал сохранять веру в доброго, конституционного монарха. Эта вера наиболее ярко выразилась в другом его публицистическом сочинении — «Сне», которое отличается от «Прошения» как по форме, так и по содержанию. Оно было опубликовано в «Хюрриет» в октябре 1869 г.

«Сон» — воображаемый разговор автора наедине с султаном в его дворце. Обращаясь к султану, он убеждает монарха, что создание в стране парламента «абсолютно не унижает соответствующей шариату независимости Вашего величества»⁸⁷. Ответственность министров перед парламентом, по его словам, не будет ограничивать независимость султана, а будет лишь препятство-

вать министрам угнетать народ и грабить казну. Продолжая отстаивать перед султаном идею парламентаризма, Зия призывает его оглянуться и увидеть, что во всей Европе не осталось, кроме России, государства с неограниченным деспотическим образом правления⁸⁸. Создание парламента, вновь повторяет он, заденет лишь независимость министров, которые будут лишены возможности именем монарха грабить народ и чинить всяческие беззакония. В ответ на сомнения султана, не станет ли парламент ареной вражды между различными народами империи, Зия говорит, что этого можно избежать, выработав для парламента правила, соответствующие уровню развития народов империи, еще не освободившихся от стремления к достижению собственных интересов. Зия считал, что не следует начинать с таких прав, которыми пользуются французский или английский парламента. Форма парламента должна, по его мнению, зависеть от того, как «раскрываются глаза у народа»⁸⁹.

И в этом публицистическом произведении умеренный парламентаризм автора в ходе беседы с султаном очень скоро отходит на задний план, уступая любимой теме Зии — обличению корыстолюбия и безответственности министров. Центральной фигурой становится великий везир Али-паша, которого Зия открыто разоблачает перед султаном. Он рисует картину тяжелого положения страны, европейские области которой полны иностранных эмиссаров, подстрекающих нетурецкое население к мятежу, использующих его недовольство гнетом «существующего управления». Что касается Анатолии, то она, по словам Зии, похожа на пепелище — разрушенные села, произвол при сборе налогов и рекрутском наборе и т. п. «Население как Румелии, так и Анатолии,— говорит Зия султану в этой воображаемой беседе,— не понимая истинных причин своих бедствий, считает, что причина их — Ваше величество»⁹⁰. Из дальнейшего изложения мыслей автора становится видно, что сам он так не считает, ибо убежден в том, что причина всех бедствий — злые и неспособные министры, окружающие султана. Этой идее Зия-паша посвящает чуть ли не две трети своего сочинения.

Последние 15 страниц «Сна»⁹¹ Зии действительно полны «грез». Он видит себя смещающим Али-пашу по поручению султана. Он произносит перед Али-пашой грозную обвинительную речь, доказывая, что его поли-

тика за четверть века резко ослабила империю. Перед ним проходят сцены унижения смещенного всесильного сановника, и, глядя вслед пароходу, увозящему Али-пашу на Кипр, он изрекает: «Султан избавлен от неволи, а османская нация от тирании и несчастий. Отныне султан Абдул Азиз-хан — суверен, и весь мир поймет, кто был причиной пережитых бедствий»⁹². На этом сон Зии кончается. Очнувшись на скамейке лондонского парка, он восклицает: «Да будет аллаху угодно сделать это явью!»

«Сон» Зии стал широко известен при жизни автора (умер в 1881 г.) благодаря публикации под названием «Султан Абдул Азиз-хан — Зия-бей — Али-паша» в двух номерах эмигрантской «Хюрриет». Отдельным изданием «Сон» также появился в 1908 г. В этом памфлете Зии на первом плане вновь была тема обличения честолюбивых и алчных сановников.

Подобно другим турецким публицистам той поры, Зия-паша еще не мог подняться до осознания социальной значимости конституционной реформы. Но для своего времени его «Сон» сыграл свою роль как произведение политической публицистики. Ходившее по рукам в рукописях, ибо экземпляры «Хюрриет» были большой редкостью даже в 70-х годах, а тем более позже, в годы абдулхамидовской реакции, произведение Зии обличало корыстолюбие и безответственность высших сановников империи, рисовало картину разорения страны и страдания ее населения.

Бедственное положение империи Зия-паша яркими красками рисовал во всех своих публицистических работах. Даже в брошюре, посвященной острому в 60-х годах вопросу о порядке престолонаследия в империи⁹³, Зия подчеркивал, что можно удивляться тому, что идея изменения этого порядка возникает в период, когда стране грозят опасности: грядет большая война с Европой, которая уже вооружилась; продолжается восстание на Крите; Румыния и Египет стремятся к независимости; к войне с Османской империей готовится Сербия; агенты «некоторых держав» сеют семена революции в Черногории и Болгарии. И все это происходит, по словам Зии, в момент, когда казна пуста, народ лишен просвещения, торговля, сельское хозяйство и промышленность не могут развиваться вследствие непосильных налогов, а солдаты в провинциях по 8—15 месяцев не получают жалованья. Недовольны все, писал

Зия-паша, и стар и млад, и мусульмане и немусульмане⁹⁴.

Сочинения Зии, рассмотренные выше, интересны и в отношении формы, стиля и языка. И «Сон», опубликованный сразу после его написания, и «Прощение», впервые изданное только после младотурецкой революции в 1908 г., но имевшее хождение в списках, отличались значительной простотой языка и стиля, высокой эмоциональностью и ярко выраженной авторской позицией. Чтение этих динамичных произведений не могло оставить читателя равнодушным. Хотя их автор был не самым решительным сторонником конституционных проектов, произведения Зии заслуженно заняли видное место в публицистике «новых османов», которая со всей очевидностью свидетельствовала о поре зрелости этого жанра, нового важного инструмента общественно-политической жизни страны.

Среди публицистов 60—70-х годов заметное место занимал и упомянутый выше Али Суави, у которого особенно своеобразно переплетались идеи конституционной монархии и основополагающего значения догматов ислама. Его сближало с Хайреддин-пашой мнение о том, что совещательный способ управления изначально был в основе всякого мусульманского государства, в улемах же следует видеть хранителей и блюстителей этого принципа. Но Али Суави эта мысль была нужна лишь для обоснования призыва установления в стране конституционной монархии. Что же касается критики Али Суави положения в государстве и ответственных за него правителей, то она отличалась у него особенной резкостью и страстностью. На страницах эмигрантской «Мухбир» он горячо отстаивал лозунги свободы и равенства, клеймил тиранию во всех ее проявлениях⁹⁵.

Вместе с тем Али Суави писал и издавал отдельно публицистические сочинения. В их числе «Политика Али-паши» (опубликовано в Стамбуле в 1909 г.), «К вопросу о Герцеговине» (Париж, 1875 г.), «Хива в марте 1873 г.» (Париж, 1873 г.), «Хива» (Стамбул, 1910 г.), «Права законодателей» (Стамбул, 1908 г.). К сожалению, мы не располагаем всеми этими изданиями. По-видимому, они сохраняли политическую актуальность и остроту даже в начале века, чем и объясняется то, что некоторые из этих работ были изданы после младотурецкой революции.

Брошюры Али Суави, посвященные Хиве, свидетель-

ствовали о том, что ему были близки крайне редкие для публицистов XIX в. идеи тюркизма. Так, в одной из них он писал о «турецких мусульманах (имелись в виду тюркоязычные народы Средней Азии.— Ю. П.), которые придерживаются нашей религии, принадлежат нашему роду, нашей семье»⁹⁶. Эту линию публицистики Али Суави особенно ярко выражала брошюра «Хива в марте 1873 г.»⁹⁷, изданная в Париже в переводе на французский. Эта брошюра любопытна двумя аспектами публицистического подхода автора. С одной стороны, он обнаруживает большой интерес к Хиве — ее экономике, географии, истории и культуре, причем это интерес человека, рассматривающего Хиву как нечто родственное ему и близкое. С другой стороны, Али Суави не скрывает своего стремления пробудить у читателя особый интерес к этому ханству, ставшему объектом экспансионистской политики русского царизма. Русская военная экспедиция в Хиву изображается автором как звено в агрессии царизма в Центральной Азии, ставшей ареной англо-русского соперничества⁹⁸. Не забыл Али Суави и руководителей постоянно критиковавшейся им Высокой Порты: он упрекал их за то, что они спокойно взирают на то, как Россия устанавливает свой контроль над Хивой, этой «родиной ученых и философов, чьими произведениями мы себя наслаждаем...»⁹⁹.

В публицистике Али Суави довольно ярко проявились проповедовавшиеся идеологами «новых османов» идеи османизма. Особенно показательна в этом отношении брошюра «К вопросу о Герцеговине»¹⁰⁰. В ней автор категорически утверждает, что в Османской империи есть только одна нация — «османы»¹⁰¹. Доказывая этот тезис, Али Суави, в частности, ссылается на работу французского ученого А. Вайяна «Решение восточного вопроса», изданную в Париже в 1853 г., в которой утверждалось, что в результате реформ Танзимата 21 млн. мусульман и 14 млн. христиан составят «один народ»¹⁰². Кстати, что сочинение Али Суави испытало на себе влияние и другой французской публицистической работы — книги французского дипломата де Вальми «Турция и Европа в 1867 г.». Во всяком случае, когда Али Суави доказывает положение о том, что гарантией единства «османского народа» является неизбежность султанской власти, обеспечивающей мир между разными расами и религиями¹⁰³, он почти дословно излагает соответствующее положение из книги де

Вальми¹⁰⁴. Али Суави этой своей брошюрой очень ярко продемонстрировал суть доктрины османизма в понимании «новых османов».

Сочинение Али Суави интересно как показатель уровня размышлений и обобщений турецкого публициста того времени. Восточный вопрос автор считал не реальностью, а результатом интриг европейских политиков и дипломатов, в частности дипломатов австрийских¹⁰⁵. Рассуждения автора о национальном вопросе и национальностях весьма путанны и тенденциозны. Он отрицает существование национального вопроса в Османской империи, пытается поставить знак равенства между славянами и панславизмом, обвиняя Россию в панславистской агитации. Более того, Али Суави утверждает, что русские (которых он называет «москowitzами») — не славяне вовсе, что Россия с точки зрения этнографической расположена вне Европы, и т. д.¹⁰⁶. Упоминание об этих его антинаучных измышлениях представляется целесообразным для характеристики глубины знаний автора и его подхода к таким острым политическим вопросам его времени, как национальный. Эмоции Али Суави только подчеркивают его открытую враждебность к России (специальный раздел брошюры посвящен доказательству «извечности» стремления России к захвату Константинополя)¹⁰⁷ и желание всячески возвеличить идею османизма¹⁰⁸. Он идет еще дальше, утверждая даже, что Европа и все человечество обязаны османам, захват которыми Константинополя принес, по мнению автора, мир и спокойствие Европе¹⁰⁹. Османская империя рисуется им прибежищем угнетенных, политических эмигрантов и изгнанников, государством, дающим пример высокого гуманизма¹¹⁰.

Обращаясь со страниц брошюры к Высокой Порте, Али Суави призывает ее на примере восставшей Герцеговины не просто подавлять восстания, но проявлять необходимую твердость в установлении «порядка» после подавления. При этом он предлагает правительству опираться на «военные советы», которые смогут дать ход правосудию и обеспечить применение всей строгости законов. В заключение автор призывает руководителей Высокой Порты осознать силы собственной страны, опереться на ее мощь и избавиться от опеки европейских кабинетов¹¹¹.

Брошюра Али Суави «К вопросу о Герцеговине» более всего интересна разнообразием публицистических ин-

тересов ее автора. Острые брошюры было в первую очередь направлено против антитурецких политических сил в Европе. Не случайно она помимо Стамбула продавалась в Париже, Брюсселе и Лондоне, как отмечалось на обложке и титульном листе. Сочинение Али Суави показывает некомпетентность и тенденциозность некоторых турецких публицистов, особенно в вопросах оценки национальных проблем империи. Вместе с тем публицистика Али Суави свидетельствует о том, что во второй половине XIX в. турецкая политическая публицистика становилась фактором общественно-политической жизни и отличалась уже весьма большим спектром идей и тем.

В 60—70-х годах публицистика стала своеобразной школой политической борьбы для представителей двух движущих сил турецкого реформаторского движения того периода — бюрократии нового типа и молодой интеллигенции. В создании жанра принимали участие также крупные государственные деятели и профессиональные литераторы. Характерной чертой турецких публицистов этого периода было, как правило, хорошее образование, знание европейских языков, знакомство с общественно-политической и культурной жизнью европейских стран. В это время постепенно начинает формироваться на турецкой почве и тип публициста-профессионала, целиком занятого литературно-публицистической работой. Публицисты 60—70-х годов были, по существу, самыми значительными фигурами в общественно-политической жизни страны, наиболее деятельными участниками конституционного движения. Их произведения имели большое общественное звучание.

* * *

Турецкая публицистика 60—70-х годов, наиболее значительные произведения которой были рассмотрены выше, уже представляла собой сложившееся на турецкой почве общественно-политическое и литературное явление. Она окончательно сформировалась как литературный жанр в период, когда становились заметными сдвиги в культуре страны. Само развитие ее может рассматриваться как новое и важное явление в турецкой культуре эпохи нового времени. Это подтверждается, в частности, и той значительной ролью, которую турецкие публицисты второй половины XIX в. сыграли в борьбе за

приближение турецкого письменного-литературного языка к народному¹¹². Ибрагим Шинаси, Намык Кемаль, Али Суави, Ахмед Мидхат-паша и ряд других видных литераторов и публицистов своими произведениями содействовали упрощению турецкого литературного языка. Намык Кемаль писал, что «нет дела более бесполезного, чем писать книги для избранных»¹¹³. Многие из названных деятелей культуры поддерживали идею совершенствования алфавита, способствовали развитию современного турецкого языкознания.

Главными же темами турецкой публицистики этого периода были спасение империи от развала и гибели, реформы государственного устройства, провозглашение конституции и создание парламента, просвещение и просветительство, общие вопросы «европеизации» страны, роль ислама в общественно-политической жизни страны в новых условиях, национальные проблемы и пути их решения, создание благоприятных условий для развития экономики. Все эти вопросы были в центре внимания общественности, и турецкая публицистика, как газетная, так и книжная, была активным участником процесса борьбы между старым и новым во всех сферах экономики, политики и культуры. Вполне закономерно, что, когда конституционное движение 60—70-х годов потерпело поражение и в стране установился мрачный режим «зулюма» султана Абдул Хамида II, турецкая публицистика на протяжении трех десятилетий была главным идейно-политическим оружием тех, кто вновь повел организованную борьбу с деспотизмом.

Турецкая публицистика в годы режима «зулюма»

В годы деспотического правления султана Абдул Хамида II социально-политическое развитие Османской империи вновь заметно затормозилось. При нем завершился длительный период превращения ее в полуколонию империалистических держав. Феодально-абсолютистский режим и иностранное засилье стали важнейшими препятствиями на пути экономического и культурного прогресса страны.

Парадоксом истории выглядит тот факт, что Абдул Хамид II — первый в истории Турции конституционный монарх — стал кровавым палачом народов империи. В годы его правления страна вновь утратила представление о гарантиях жизни и имущества подданных султана, в ней царил дикий произвол бюрократии и засилье придворной камарильи. Султан, одержимый манией преследования, сосредоточил во дворце все нити управления государством. Никто не был огражден от его произвола; аресты, ссылки и казни «неблагонадежных» стали повседневным явлением. В 1894—1896 гг. по приказу Абдул Хамида была учинена страшная резня армян, унесшая десятки тысяч жизней. Султан постоянно использовал все средства для провоцирования столкновений между разными народами империи, поощрял пропаганду реакционной идейно-политической доктрины панисламизма.

В 1889 г. началась организованная борьба против абдулхамидовского деспотизма. Ее вели «младотурки» — идейные продолжатели дела конституционалистов 60—70-х годов. Тайные организации младотурок внутри страны, а с середины 90-х годов и их эмигрантские центры в Европе вели борьбу под лозунгами ликвидации режима «зулюма» султана Абдул Хамида и восста-

новления конституции 1876 г. Это движение, пройдя через длительный период раздробленности, приобрело под влиянием событий русской революции 1905 г. буржуазно-революционный характер и в конце концов пришло к объединению с рядом буржуазно-революционных организаций нетурецких народов Османской империи на конгрессе младотурок в 1907 г. Поддержка армии, в которой младотурки в 1906—1907 гг. провели большую работу, позволила им в июле 1908 г. совершить первую в истории Турции буржуазную революцию.

На протяжении почти трех десятилетий борьбы с режимом «зулюма» турецкая публицистика, накопившая к этому времени немалый опыт и кадры, была подлинным оружием младотурок в их борьбе с Абдул Хамидом, в пропаганде идей движения, его программных установок.

Масштабы публицистической деятельности младотурок выражает цифра издававшихся ими одних только эмигрантских газет и журналов — около 120. Большинство их были недолговечными и не оставили заметного следа. Но такие органы прессы младотурок, как газеты «Мизан» («Весы») каирского периода издания, «Мешверет» («Обсуждение»), «Османлы» («Османец»), «Интикам» («Месть»), «Канун-и эсаси» («Конституция»), наконец, «Шура-и уммет» («Совет общины»), годами печатали публицистические материалы по самым различным вопросам политики, экономики и культуры¹. Их издатели — крупные организаторы и идеологи младотурецкого движения на отдельных его этапах — Мизанджи Мурад, Ахмед Риза, принц Сабахеддин, Самипаша-заде Сезан, Эдхем Рухи и другие литераторы и журналисты были уже опытными публицистами, выступавшими не только с газетными статьями, но и с книгами и брошюрами на злободневные политические и общественно-культурные темы.

Газетная публицистика младотурок продолжала и развивала идеи публицистики «новых османов». Она выступала борцом за ликвидацию феодально-абсолютистского деспотического режима, за восстановление действия конституции 1876 г. и созыв парламента. Младотурецкие публицисты пропагандировали общие идеи свободы и равенства, продолжали призывать к развитию промышленности, довольно энергично выступали против финансово-экономического закабаления страны империалистическими державами. Стремясь обеспечить

сохранение империи в условиях роста национально-освободительного движения угнетенных нетурецких народов, младотурецкие публицисты почти во всех своих газетах широко пропагандировали доктрину османизма, основные идеи которой были сформулированы лидерами «новых османов».

Особенно важные публицистические материалы печатались на страницах «Мизан» и «Мешверет», «Османлы» и «Шура-и уммет». Правда, характер и направленность этих газет были далеко не однозначны. Их объединяло стремление к ликвидации режима «зулюма» и восстановлению конституции 1876 г., но подход к решению этих задач был у них различным. Часто между этими органами «вольной» младотурецкой прессы разгорались острые дискуссии, которые вели на их страницах ведущие идеологи и публицисты младотурок.

Газета «Мизан» (1896—1897 гг.; Каир, Париж, Женева), редактор которой Мурад-бей придерживался умеренных взглядов, делала упор на ответственности исполнительной власти, необходимости создания хорошо образованной административной элиты. Позже она стала поддерживать и лозунг восстановления конституции, но в целом характерной для публицистических материалов «Мизан» продолжала оставаться умеренность.

Иным был характер газеты «Мешверет», выходившей на турецком и французском языках (1895—1908 гг., Париж). Во французском издании этой газеты публиковались чаще статьи в духе философии позитивизма, которой следовал ее редактор Ахмед Риза; девизом ее был лозунг «Порядок и прогресс», а лейтмотивом публицистических статей — достижение прогресса мирными средствами. Турецкое же издание «Мешверет» больше внимания уделяло пропаганде османистских идей, доказательству соответствия догматов ислама общественному прогрессу, в том числе конституционному управлению; наконец, оно шире освещало плачевное состояние империи, царивший в ней административный произвол.

Много интересных публицистических материалов появлялось на страницах «Османлы» (1897—1904 гг., Женева, Фолкестон [Англия], Каир), которая долгое время была весьма авторитетной газетой младотурок. Газета печатала острые, сатирические статьи, направленные против деспотизма и произвола, выступала за сохранение целостности Османской империи и единение ее подданных в качестве «соотечественников-осма-

нов», восстановление конституции, созыв парламента, строгое соблюдение законности. Отдавая дань традициям ислама и его роли в жизни империи, публицисты «Османлы» не абсолютизировали значение его, а также шариата в конституционных реформах. Наконец, отличительной чертой политической публицистики «Османлы» было утверждение тезиса, что народ имеет право на восстание против деспотического режима. Газета открыто выступала за «живительную силу восстания», которое «позволяет слабой и больной нации обрести новую жизнь»², и прямо призывала к свержению Абдул Хамида.

В 1902—1908 гг. публицистика младотурок печаталась на страницах одной из наиболее популярных и авторитетных их газет «Шура-и уммет» (Париж, Каир). Центральное место в ней занимали все те же идеи — доктрина османизма, защита независимости и целостности Османской империи, борьба за восстановление конституции 1876 г. и созыв парламента, просвещение народа. Публицисты «Шура-и уммет» много внимания уделяли обличению самодержавия, но упор при этом делался не столько на личные качества султана Абдул Хамида, сколько на то, что бедствия страны происходят из самого характера деспотического режима. Подобно прежней «Османлы», «Шура-и уммет» выводила закономерность установления конституционной монархии не только из догматов ислама, но и из опыта истории и человеческого разума.

Особое место в младотурецком движении и в публицистике младотурок занимала газета «Тераккы» («Прогресс»), выходящая в Париже в 1906—1908 гг. Ее издатель принц Мехмед Сабахеддин, ставший лидером одного из самостоятельных течений младотурецкого движения, пропагандировал в основном идею о том, что само по себе восстановление конституции не решит социальных и политических проблем страны. Он утверждал на страницах газеты, что главным путем решения этих проблем должно быть совершенствование личности, развитие частной инициативы и децентрализация управления. Его статьи из «Тераккы» позже вышли отдельными изданиями (о них речь пойдет ниже).

Все газеты младотурок были единодушны в критике личности султана Абдул Хамида II и его правления. Статьи, разоблачавшие его пороки, печатали почти все издания младотурок; практически не было публициста,

который не приложил бы к этому руку. В ход шли все средства публицистики — от серьезной статьи с разбором методов султанской администрации до фельетонов и памфлетов, в сатирической форме бичующих режим «зулюма» и его создателя. Именно младотурецкая публицистика в лице Ахмеда Ризы дала Абдул Хамиду вошедшее в историю прозвище «кровавый султан»³. Особенно резкими были направленные против личности султана статьи газеты «Османлы».

Критика младотурками абсолютистского режима Абдул Хамида особенно усилилась в их газетах под влиянием русской революции 1905 г. И хотя не все младотурецкие публицисты одобряли ее социальную направленность и методы борьбы, из материалов этих газет турецкие читатели узнавали об исторических революционных событиях в соседней державе. Так, «Шура-и уммет» регулярно печатала сообщения о событиях русской революции, подчеркивая, что по размаху и остроте она значительно превзошла английскую и французскую буржуазные революции. Газета восхищалась героизмом и стойкостью русских революционеров. Горячие статьи о революции в России печатала и другая газета младотурок — «Ферьяд», издававшаяся на турецком и болгарском языках в Софии в 1905—1906 гг. Даже весьма консервативная «Тераккы» восхищалась героями, которые борются с царизмом, не страшась ни ссылки, ни казни.

Младотурки в эмиграции обогатили турецкую публицистику, дав толчок газетной политической сатире⁴. Издававшиеся в 1898—1899 гг. газеты «Беберухи» (названа именем одного из забавных персонажей турецкого народного теневого театра, печаталась в Женеве) и «Долаб» («Ловушка», выходила в Фолькестоне) были целиком заполнены сатирическими материалами — фельетонами, памфлетами, карикатурами.

Главной мишенью младотурецкой сатиры были султан и его окружение. Издатели газет, рассчитанных на различные слои населения, пропагандировали идею необходимости и возможности борьбы как с личной тиранией царствующего султана, так и с деспотическим режимом вообще. Эта работа, выполняемая средствами политической сатиры, подготавливала почву для восприятия широкими слоями населения идей парламентарной монархии. Авторы статей видели в конституции и парламенте панацею от всех бед, средство ликвидации

пороков социальной системы страны и решения ее экономических и национальных проблем. На страницах «Беберухи» и «Долаб» популяризировалась мысль, что при помощи реформ сверху и развития просвещения можно будто бы добиться экономического и культурного прогресса и благоденствия всех населяющих державу народов.

Язык материалов «Беберухи» и «Долаб» был предельно простым и лаконичным. Характер изданий и их форма, а также крайне малое число выпущенных номеров ставят «Беберухи» и «Долаб» в ряд пропагандистских брошюр младотурок. Даже их небольшой формат свидетельствовал о стремлении нелегально распространять эти издания в абдулхамидовской Турции, где каждая строка «Беберухи» и «Долаб» становилась оружием в борьбе с режимом.

В небольших по объему статьях, в которых речь шла о положении Османской империи, младотурецкие публицисты-сатирики беспощадно разоблачали Абдул Хамида и его администрацию. Называя деспота «красным», т. е. кровавым, султаном, «Беберухи» с горечью писала, что в стране царят голод, гнет и нищета, между тем как султан торгует концессиями, должностями, льготами⁵. «Долаб» часто печатала статьи в форме бесед персонажей теневого театра. В этой доходчивой для самого широкого читателя форме газета показывала, что в Османской империи при ее нынешнем положении можно рассчитывать только на «прогресс» ее пороков — рост налогового бремени, дальнейший разгул административного произвола, увеличение волнений и восстаний населения в разных районах страны⁶. «Беберухи» и «Долаб» разоблачали крайнее невежество султанского окружения, министров, дипломатов⁷. И хотя главным оружием издатели «Беберухи» и «Долаб» избрали сатиру, их политическая публицистика считала своей задачей не только разоблачать режим «зулюма», но и призывать к реформам, к изучению истории и науки об управлении государством, к просвещению народа в качестве важнейших условий прогресса Османской империи⁸. На страницах этих изданий рассказывалось и о деятельности младотурок в эмиграции, которая представлялась читателям как образец самого высокого патриотизма⁹.

Сатирические газеты не только сыграли заметную роль в истории младотурецкого движения, как важный

инструмент политической борьбы; они занимают свое место и в истории турецкой публицистики. Впервые газетная политическая сатира Турции была в полном объеме всех ее средств — памфлет, фельетон и карикатура — представлена именно на страницах этих газет, которые, несмотря на кратковременность существования, сделали свое дело. Проникая тайно в пределы Османской державы, сатирические газеты младотурок внесли свою лепту в дело подготовки младотурецкой революции.

Публицистика младотурок, в том числе и газетная, ориентировалась не только на турецкого, но и на европейского читателя, апеллировала к европейскому общественному мнению; на французском и английском языках было издано немало публицистических материалов младотурок. Как уже отмечалось, «Мешверет» издавалась на французском языке. Любопытные приложения в виде брошюр публиковала в 1897—1898 гг. на французском и английском языках «Османлы».

Имеющийся в нашем распоряжении экземпляр первого номера английского приложения (15 июля 1898 г.) представляет, как и все эти издания, исключительную библиографическую редкость и дает достаточное представление о характере подобных публикаций¹⁰. Статьи, помещенные в этой брошюре, были анонимными и отражали тем самым общую позицию издателей «Османлы». В них европейскому читателю внушалась мысль, что реформы Османской империи вполне осуществимы и что причина всех бед страны — тирания Абдул Хамида, который является единственным ответственным перед судом «османского народа» лицом, чьи злодеяния принесли этому народу столько страданий.

В приложении всячески пропагандировалась мысль о том, что именно младотурки — та сила, которая способна вывести страну на путь прогресса с помощью восстановления конституции и парламентарного режима. Едва ли не главный акцент в нем делается на усиление симпатии правящих кругов и общественности Англии к младотурецкому движению¹¹. Другая важная цель публикации состояла в том, чтобы как-то нейтрализовать антитурецкие настроения в европейских странах в связи со страшной резней армян в 1894—1896 гг.¹². С этой целью авторы приложения представляли резню только как результат злой воли «кровавого султана» и вновь стремились противопоставить национальным

чаяниям и устремлениям нетурецких народов империи пресловутую доктрину османизма¹³.

Решение острейшей проблемы империи — национальной — авторы статей этого издания видели только через призму сохранения целостности Османской империи. В частности, предложениям о реформах в подвергшихся резне армянских районах они противопоставляли идею общих реформ во всей империи¹⁴. Последовательно и убедительно выглядят лишь те материалы рассматриваемого приложения, которые разоблачают Абдул Хамида и его режим. Специальная статья «Пятно на Турции» содержит оценку личности султана и его действий. Абдул Хамид обвинялся в узурпации трона, ухудшении финансов страны, ее внешнеполитического положения, диком произволе, царящем внутри страны. Авторы издания с горечью и негодованием писали, что «в Турции существует только два процветающих ремесла — шпиона и разбойника», а «дворец султана — притон бандитов, которые безнаказанно притесняют, убивают и грабят»¹⁵.

Изложенные в статьях приложения к «Османлы» идеи и аргументы были в целом характерны для многочисленных и весьма разнообразных отдельных изданий младотурок, обращенных, как правило, к широкому читателю. Среди публицистической литературы младотурок имелось довольно много небольших книг и брошюр, рассчитанных на нелегальное распространение в пределах Османской империи с целью пропаганды основных идей младотурецкого движения. Точное число этих изданий неизвестно, ибо ввиду их нелегального характера многие из них, не попав в государственные библиотеки, либо не дошли до наших дней, либо стали большой библиографической редкостью. Мы располагаем двумя десятками редких изданий, которые достаточно характеризуют «негазетную» публицистику младотурок. Ряд дополнительных сведений о ней сообщает также весьма насыщенное фактическим материалом упомянутое выше исследование Ш. Мардина о политических идеях младотурок.

В политической публицистике младотурок можно выделить несколько типов изданий: книги и брошюры теоретического характера, рассматривавшие проблемы развития государства и общества, в том числе на конкретном турецком материале; памфлеты, бичевавшие режим «зулума» и его творца; брошюры, пропагандировавшие

османизм как важнейшую концепцию младотурок; листовки, в которых в предельно простой форме рассказывалось о задачах младотурок, о пороках режима, с которым они вели борьбу; наконец, издания, отражавшие идейную полемику в лагере младотурок.

Среди публицистических материалов младотурок теоретического характера были брошюры, в которых специально обосновывалась правомерность конституционного строя. Одна из них, автор которой скрылся под псевдонимом «Дипломат»¹⁶, содержала анализ основных черт конституционно-монархического управления и доказательства его преимуществ перед режимом абсолютизма. Брошюра называлась «Способ государственного управления и реформы» и всесторонне рассматривала основные черты абсолютистских и конституционных форм управления государством. Рассуждения автора, пропагандировавшего систему конституционной монархии как средство, способное обеспечить быстрый экономический и культурный прогресс Османской империи, соответствовали духу основных программных установок большинства младотурецких группировок.

Брошюра объясняла все беды страны господством системы абсолютизма, подчеркивая, что эта система не обеспечивает благосостояния подданных, «не несет в себе никаких следов закона и порядка»¹⁷. Призывая положить конец произволу, автор ее подчеркивал необходимость ограничить власть и действия монарха рамками законов, обеспечить создание парламента в качестве инструмента контроля над исполнительной властью¹⁸. В брошюре весьма подробно характеризовалась конституционная система в качестве средства, способного положить конец произволу и злоупотреблениям властью, гарантировать безопасность жизни и неприкосновенность имущества подданных султана, содействовать распространению среди них знаний и просвещения, усилению патриотических чувств¹⁹. Любопытна приведенная в брошюре сравнительная таблица некоторых данных, показывающих экономический и культурный уровень ряда европейских (Англия, Франция, Россия и др.) стран, а также Турции и Ирана. Анализ ее призван показать читателю на конкретных примерах, что государства, где господствует система абсолютизма, на много отстают в развитии экономики и культуры от государств, народы которых обладают «свободой личности и мнений»²⁰.

Рассматриваемое издание — во многом типичный образец политической публицистики той поры. Обличение пороков абсолютизма и пропаганда конституционных идей являлись главной темой публицистических произведений младотурецких авторов. В их числе был и один из известных турецких историков конца XIX — начала XX в. Ахмед Саиб (1859—1920). Выходец с Кавказа, он получил образование в военных училищах России, позднее служил в турецкой армии. Долгое время был адъютантом чрезвычайного комиссара султана в Египте Гази Ахмет Мухтар-паши. В конце 90-х годов оставил службу, занялся литературным трудом. Был активным участником младотурецкого движения, в 1899—1907 гг. издавал в Каире газету «Санджак» («Знамя»), участвовал в издании и распространении одной из самых значительных газет младотурок «Шура-и уммет»²¹.

Исторические сочинения Ахмеда Саиба отличала открытая публицистичность. За короткое время после выхода в отставку он написал несколько книг, в которых описывались драматические события 1876—1878 гг. Между 1902 и 1908 г. в Каире вышли его «Происшествие с султаном Абдул Азизом»²², «История султана Мурада V»²³ и «Начальный период царствования султана Абдул Хамида»²⁴. Все эти книги были в Турции под запретом и попадали в страну только нелегальными путями. Они были прямым вызовом режиму «зулюма» и лично Абдул Хамиду II. Во всех трех книгах автор не скрывает своих симпатий к конституционалистам, особенно к их лидеру Мидхат-паше, который к этому времени уже был осужден и убит по указке султана. Имя его было знаменем борцов с абдулхамидовской тиранией, и одного упоминания имени Мидхата было достаточно, чтобы по доносу шпионов лишиться жизни.

Уже в первой своей книге, изданной в 1902 г., Ахмед Саиб писал о Мидхате как о выдающемся государственном деятеле, патриоте, смелом и скромном человеке²⁵. В событиях, связанных с низложением Абдул Азиза, он представлен автором как мудрый политик, действующий в интересах своей страны. Такими же красками нарисован портрет Мидхата в следующей книге Ахмеда Саиба «История султана Мурада V», в которой подробно излагались перипетии борьбы сторонников и противников конституционной реформы летом 1876 г. В этой книге Мидхат представлен лидером движения за провозглашение конституции.

В предисловии к книге «История султана Мурада V» Ахмед Саиб делает попытку оценить роль исторической науки в жизни общества. Он называет историю «наиболее важной и полезной наукой с точки зрения расширения кругозора людей», подчеркивает ее значение для развития патриотических чувств, осознания людьми в полной мере таких понятий, как «государство», «цивилизация», «прогресс». Ахмед Саиб отмечает, что люди, не обладающие этими познаниями, не в состоянии будут понять причины трудного положения, в котором оказалась их страна, не смогут разобраться в источниках ее бедствий²⁶.

Развивая эту мысль применительно к положению своей страны, Ахмед Саиб пишет, что народ лишен возможности узнать о том, кто же повинен в плачевном состоянии дел империи. Автор утверждает, что если и есть средство для исправления такого положения, то им является изучение истории²⁷. Таким образом, Ахмед Саиб видел свою задачу не только в распространении исторических знаний, но и в формировании взглядов читателя по важнейшим общественно-политическим вопросам. Тем самым автор стремился средствами исторической науки выполнять одну из важнейших публицистических функций — формирование общественного мнения.

И эту задачу книги Ахмеда Саиба выполняли. Его сочинения были очень популярны накануне младотурецкой революции, долгое время сохраняли свое значение и после ее победы. Исторические книги такой направленности и такого содержания были для Турции той поры крайней редкостью. Автор писал, что именно пребывание за пределами его страны предоставило ему право и возможность «сказать несколько свободных слов об османской истории». По его словам, первая его книга — о султанах Абдул Азизе и его правлении — «разошлась очень быстро и большим тиражом»²⁸. Говоря о книге «История султана Мурада V», Ахмед Саиб подчеркивал значение для истории страны того периода, насыщенного очень важными событиями, в частности борьбой за первую конституцию. Вместе с тем он пишет, что своим трудом хотел бы осветить некоторые вопросы турецкой истории, неизвестные «османам», но рассматривавшиеся в иностранной литературе и прессе. В этом тоже одна из важных целей Ахмеда Саиба и как историка-публициста: он стремится дать читателю всю возможную ин-

формацию об описываемых им исторических событиях.

Султан всячески стремился помешать издательской деятельности эмигрантов-младотурок, в первую очередь ввозу их изданий в страну. Тем не менее, как пишет Ахмед Саиб, эмигрантская пресса, в частности газета «Хюрриет», регулярно тайно поступала в страну. В Стамбуле ее можно было купить только по очень высокой цене, что свидетельствовало об огромном интересе населения к публикациям «новых османов»²⁹.

Особенно ошутим обличительный пафос сочинений Ахмеда Саиба, их острая публицистичность в последней книге его своеобразной трилогии, посвященной началу царствования Абдул Хамида. В предисловии автор отмечал, что в начале этого правления произошли важные перемены к лучшему в способе управления империей, но потом установился тиранический режим султана, нанесший стране огромный ущерб³⁰. Большое место в книге автор уделяет рассказу о борьбе за провозглашение конституции и деятельности первого парламента. Он восхваляет конституционалистов и их лидера Мидхата, разоблачает коварство султана, который пошел на уступки конституционалистам только из-за внешнеполитической ситуации³¹. Ахмед Саиб прямо пишет, что, дав согласие на провозглашение конституции, Абдул Хамид II уже через несколько дней после этого стал поступать совершенно в противоположном конституции духе³². Излагая обстоятельства отстранения Мидхата от власти и его высылки из страны, он отмечает, что именно в эти дни впервые проявилась присущая всему 30-летнему периоду правления Абдул Хамида шпиономания и начала действовать султанская тайная полиция³³. Не случайно сам автор называл свою книгу не историческим сочинением, а трактатом — рисале³⁴, как бы подчеркивая острополитический, публицистический характер своего труда.

Эта книга Ахмеда Саиба была для своего времени и важным пропагандистским материалом в пользу возможности и целесообразности установления в Османской империи парламентарного режима. Проблемы конституции и парламента применительно к Турции рассматривались в ней не теоретически, а на опыте 1877—1878 гг. Ахмед Саиб изображал первый турецкий парламент как орган, способный активно участвовать в государственных делах и даже критиковать действия правительства³⁵. Это также содействовало пропагандист-

ским усилиям младотурок, боровшихся за восстановление конституции и созыв парламента.

В 1901 г. Ахмед Саиб выступил в печати с другого характера произведением—уже чисто публицистическим. Он опубликовал в Каире брошюру «Путеводитель революции»³⁶, в которой, окидывая взглядом османскую историю, утверждал, что причины недостатков, которые характерны для современной Османской империи, нельзя видеть в религии турок или их неспособности к прогрессу, как это принято считать в Европе. Задача этого сочинения Ахмеда Саиба, как пишет сам автор, состоит в выявлении «истинных зол, присущих нынешнему управлению Османской империей»³⁷. С этой целью автор обращается прежде всего к царствующей османской династии, особо выделяя вопрос о воспитании и образовании наследных принцев. Крайне неудовлетворительная постановка этого дела представлялась ему очевидным злом для государства³⁸, ибо будущим правителям, пишет он, для выполнения их функций необходимо хорошо разбираться в положении страны и ее проблемах³⁹.

Специальный раздел своей брошюры Ахмед Саиб посвятил роли султанов, правивших в XIX в. Он явно склонен преувеличивать личные качества правителей в управлении государством, утверждает, что даже при системе абсолютизма империя может процветать, а подданные — жить в счастье и благополучии, если правитель обладает «честью, достоинством и добродетелями»⁴⁰. Такая позиция автора вытекала из общего тезиса младотурок о том, что главное зло заключено в пороках личности султана Абдул Хамида. Другой раздел брошюры автор посвящает вопросам престолонаследия в османской династии, подчеркивая, что на трон вступают люди, не получившие приличествующего суверенам нравственного воспитания и должного образования⁴¹.

И все же Ахмед Саиб подводит читателя к мысли о том, что не все сводится к личности султана. Он пишет, что «истинные причины нынешних бедствий следует искать более в существующем способе управления, нежели в характерах падишахов»⁴².

Специальный раздел автор посвятил правам нации и суверена⁴³. Опираясь на положения шарията и историю мусульманских народов, в частности Халифата, Ахмед Саиб утверждает, что нужно изменить порядок престолонаследия в империи таким образом, чтобы он «соответствовал времени, законам шарията и разуму».

Он призывает сделать так, чтобы исключить занятие трона людьми, которые могут стать причиной упадка и гибели родной страны⁴⁴. Ахмед Саиб отстаивал также идею ответственности суверена перед нацией. Всякий государь, по его словам, — «лицо, уполномоченное нацией для ведения государственных дел»⁴⁵. Говоря о министрах султана, автор также подчеркивает значение их «ответственности и компетентности в государственных делах». Образцом подобного рода государственного деятеля он выставляет вдохновителя реформ Танзимата Мустафу Решид-пашу и лидера борьбы за первую турецкую конституцию Мидхат-пашу⁴⁶.

В заключительных разделах брошюры автор стремится доказать, что главным средством преобразования страны, устранения существующих зол и обеспечения благополучия нации и государства является переход к конституционному способу управления⁴⁷. Автор всячески пропагандирует идею созыва парламента из представителей подданных империи всех национальностей и религий. Парламент представляется ему важнейшим средством обеспечения прогресса⁴⁸.

Сочинение Ахмеда Саиба было довольно типичным для младотурецкой публицистики как по рассматриваемым проблемам, так и по предлагавшимся способам их решения. В этом смысле типична и брошюра известного идеолога младотурок Ахмеда Ризы «Обязанность и ответственность», изданная в Каире в 1903 г.⁴⁹. Подобно Ахмеду Саибу, автор утверждал, что ислам и традиции мусульманских государств нельзя рассматривать, как это делают европейцы, в качестве препятствия прогрессу и цивилизации⁵⁰. В брошюре осуждается деспотический режим Абдул Хамида II, который не только повинен во всех бедах страны, но и подрывает доверие других наций к османам, так же как и ко всему мусульманскому, своим невежеством и безрассудством, порочностью и деспотичностью. Автор подчеркивает, что у народа, живущего в страхе, в условиях гнета и тирании, портятся нравы и гибнет мысль; люди утрачивают представление о том, что такое родина, что такое долг⁵¹.

В двух последующих разделах брошюры Ахмед Риза излагает свои взгляды на обязанности и ответственность султанов и наследных принцев. Говоря о султанах, он выделяет их обязанность следовать шариату и законам, стремиться к процветанию империи и всех ее подданных независимо от происхождения и вероисповедания, обес-

печив им гарантии безопасности жизни, чести и целостности имущества, во всем следовать по указанному исламом истинному пути и являть собою в этом примеры для других⁵². Ярким примером нарушения всех этих принципов в брошюре представлен режим Абдул Хамида, ликвидировавшего достижения реформаторов Танзимата, упразднившего конституцию и разогнавшего парламент, руководствовавшегося в делах государственных лишь своими желаниями и капризами⁵³. Если дело и далее пойдет так, пишет он, то «султан Абдул Хамид станет самым большим врагом и предателем моей родины и моей нации...». К этим словам автора можно добавить только одно: султан к тому времени уже давно проявил себя ярым врагом своих подданных, многократно обогрив себя их кровью, и в других младотурецких брошюрах об Абдул Хамиде писали тогда куда резче.

Раздел брошюры, посвященный наследным принципам, напоминает аналогичный раздел рассмотренного выше сочинения Ахмеда Саиба. Автор подчеркивает, что принцы растут и воспитываются в дворцовой атмосфере, «совершенно не похожей на общую жизнь нации», окруженные челядью и придворными, нравы которых не имеют ничего общего с национальным характером и которые лишены знаний и чести⁵⁴. Ахмед Риза призывает так воспитывать наследных принцев, чтобы они сознавали свою ответственность за судьбу государства и его подданных, обязанность оберегать страну от всех бед и опасностей. И далее он подчеркивает, что свободу и права должны возвратить народу представители османской династии. «Неужели же,— вопрошает он,— среди династии Османов нет храбреца, который способен на жертву и готов отдать жизнь ради нации?» Отвечая на свой вопрос, Ахмед Риза утверждает, что среди османских принцев есть достойные люди, но они скованы существующей системой жизни двора и воспитания. И еще раз подчеркивает, что улучшение системы обучения и воспитания принцев — важнейшее государственное дело⁵⁵.

Через три года Ахмед Риза издал в Каире продолжение этой своей работы — брошюру под названием «Воин», а вскоре вышла еще одна — «Женщина»⁵⁶. В «Воине» он подчеркивал важность военной организации, являвшейся «одним из главных элементов структуры империи», призывал совершенствовать и модернизировать армию и изучать новейшие военные доктри-

ны. Подчеркивая изменившуюся роль армии, которая уже не может искать новых побед, а должна стать препятствием разделу империи, Ахмед Риза предлагает, чтобы идея газавата была заменена для армии идеей патриотизма. В этой связи он считает необходимым объединить всех «османов», независимо от расы и религии, и воспитать в них это чувство патриотизма. Автор подчеркивает важную роль армии, в первую очередь ее офицерского корпуса, в политической жизни страны⁵⁷.

В последней брошюре, которая посвящена женскому вопросу, Ахмед Риза писал, в частности, о значении семейного воспитания для привития молодежи чувства патриотизма, инициативности и решительности. Повышение культурного уровня женщин он считал важным условием хорошего воспитания детей⁵⁸.

Ахмед Риза был одним из самых крупных младотурецких публицистов, который наиболее ярко проявил себя на страницах издававшейся им газеты «Мешверет». Рассмотренные нами брошюры из задуманной им серии — не единственный его публицистический труд. Помимо газетных статей общим проблемам положения страны и направлениям необходимых реформ посвящены также несколько его записок, адресованных султану. Примечательно, что одна из них, отпечатанная литографским способом в Лондоне в 1894/1895 г., была специально посвящена проблемам реформы образования как важнейшего способа улучшения положения страны⁵⁹. Поскольку это сочинение относится к самому раннему периоду его деятельности в эмиграции, в нем нет острой критики личности Абдул Хамида. Ахмед Риза призывал султана восстановить конституцию, но больше отвлеченно рассуждал о способах и методах управления государством. В частности, в той же записке он выдвигал положение о том, что нужно знать и во всем учитывать естественные законы природы и общества. Поэтому, считал он, дело управления государством должно опираться на знающих эти законы специалистов⁶⁰. Там же Ахмед Риза характеризовал значение образования как средства воспитания человека в духе определенных обязанностей перед обществом, горячо выступал против тех «лицемеров и ханжей», которые пытаются пользоваться «невежеством и мягкосердечием народа»⁶¹.

Заметное место среди младотурецких публицистов занимал Мизанджи Мурад — историк, журналист и пу-

блицист, издатель «Мизан». Его перу принадлежит, в частности, несколько отдельных публицистических произведений⁶². В их числе брошюра «Дворец Йылдыз и Высокая Porta» (Париж, 1895 г., на французском языке), книга «Национальная борьба» (Стамбул, 1907 г.), брошюра «Лапа тирании в долине свободы» (Стамбул, 1908 г.), брошюра «Сила и слабость Турции» (Женева, 1897 г., на французском языке) и ряд других публикаций.

Основные идеи Мурада были изложены им на страницах его газеты «Мизан» каирского, парижского и женеvского периодов издания (1896—1897 гг.)⁶³. В статьях и других работах Мурада отразились его идейные колебания, а также отсутствие (как, впрочем, у большинства младотурецких идеологов и публицистов) четкой политической программы.

В 1896 г. Мурад отстаивал в «Мизан» необходимость борьбы с абсолютизмом и тиранией, призывал султана к «совещательному принципу» управления, но считал, что турецкое общество еще не созрело для парламентаризма. Практические предложения Мурада в этот период не шли дальше ответственного правительства, контролируемого сенатом, а также создания образованного правящего слоя. Именно эти идеи нашли отражение в его отдельных публицистических работах, относящихся к 1895—1897 гг. В книге «Национальная борьба» он писал, что в Османской империи невозможно такое «давление снизу», какое имеет место на Западе, поскольку «наш народ духовно связан со своими правителями»⁶⁴. С этой позиции сформулирован крайне умеренный подход Мурада к социальным и политическим проблемам страны. Он считал, что представительная система в Османской империи может оказаться эффективной только тогда, когда повысится уровень образованности и культуры народа. По его мнению, «новые османы» слишком спешили с парламентаризмом. В брошюре «Сила и слабость Турции» он очень критически оценивал идеи и деятельность таких лидеров «новых османов», как Мустафа Фазыл и Халиль Шериф, которые, как писал он, не понимали действительного положения империи и ошибочно полагали, что прогресс может быть обеспечен исключительно парламентарным режимом⁶⁵.

Мурад считал, что неудача реформ Танзимата и первой конституции состояла в том, что широкие массы мусульман империи не восприняли идей Гюльханейского

хатта и конституции⁶⁶. Касаясь причин упадка Османской империи, он утверждал, что чрезмерная централизация, при которой в «официальную» одежду облакалось все — наука, литература, искусство, — порождала упадок и бессилие⁶⁷. Важнейшим средством решения проблем страны он неоднократно называл создание такого слоя чиновничества, для которого в государственных делах руководством стали бы слова «обязанность» и «эффективность». Его позиция в национальном вопросе сводилась к известному утверждению, что вопрос о положении христиан в Османской империи — результат дипломатических интриг. Мурад считал, что у нетурецких народов империи нет никаких оснований для стремления к независимости и права на борьбу за освобождение из-под власти султана⁶⁸.

В той же брошюре Мурада имеется прямой призыв к восстановлению конституции. Он писал, что «турки созрели для конституционного режима, пропорциональное представительство по конституции Мидхата является вдохновляющим примером»⁶⁹. Как и большинство публицистических изданий младотурок, брошюра резко осуждала султана, называя его «сатаной на троне», подчеркивала, что его правление не сулит туркам и Европе ничего, кроме неприятностей⁷⁰.

В брошюре «Дворец Йылдыз и Высокая Порта» Мурад так излагает свой взгляд на пути решения проблем страны. До введения парламентарного управления необходимо в порядке подготовки населения обеспечить всеобщее равенство подданных империи как в гражданских, так и в военных делах, уничтожить все личные привилегии, не согласующиеся с общими положениями законов. Автор предлагает также создать «совещательное собрание» для обеспечения действенности законов, гарантировать свободу печати, политические свободы всем подданным и доверить великому везиру создание кабинета министров. Наконец, в брошюре содержится предложение изменить принцип престолонаследия по образцу европейских монархий⁷¹. «Совещательное собрание», которое представлялось автором в качестве гаранта законности, должно включать в себя 25 человек из высших сановников империи, а также из представителей национальных меньшинств; этот «меджлис», по мысли Мурада, должен был контролировать правительство⁷². Эти умеренные планы Мурада все же были для того времени прогрессивным элементом в турецкой пу-

блицистике, нацеливавшейся на открытую борьбу с тиранией Абдул Хамида.

Короткий срок — с декабря 1896 до лета 1897 г. — Мурад выступал в «Мизан» с открытой поддержкой лозунга восстановления конституции 1876 г. и даже грозил султану всеобщим восстанием. Но «полевание» его оказалось кратковременным и, видимо, не отражало его действительные идейные позиции. Летом 1897 г. эмиссару султана удалось склонить Мурада к отказу от оппозиционной деятельности и возвращению в Стамбул. Тем не менее написанные им публицистические работы продолжали жить и вносить свой вклад в борьбу против режима «зулюма».

Разные публицистические произведения были созданы на рубеже столетий активным младотурецким журналистом Абдуллахом Джевдетом. Многие его статьи были опубликованы в издававшемся им журнале «Ичтихад» («Рвение») ⁷³. Публицистические материалы этого журнала выделялись среди прочих изданий младотурок, по словам Ш. Мардина, антимонархической окраской ⁷⁴. Абдуллах Джевдет писал на страницах «Ичтихад», что одними изменениями в порядке престолонаследия нельзя обеспечить «благополучие родины», которое, по его словам, «прежде всего в пробуждении нации, в достижении такой степени силы, которая не будет признавать суверена, не следующего разуму, справедливости и законам шариата» ⁷⁵. В том же номере (май 1905 г.) он прямо писал, что своеволию и деспотизму надо противопоставить не только конституцию, но и «комитет министров», который будет полномочен решать вопросы воцарения и низложения, руководствуясь ответственностью по шариату и исходя из общего мнения всех соотечественников, независимо от их религии или национальности ⁷⁶.

Эти идеи отразились и в брошюре Абдуллаха Джевдета «Воззвание к мусульманам Кавказа» ⁷⁷. В ней автор резко обвинял царизм в связи с армяно-татарской резней в Закавказье. Обращаясь к «братьям-мусульманам» по ту сторону границы, Абдуллах Джевдет внушал им, что они «сделались низким орудием русского самодержавия, которое, желая потопить в крови... революционное движение, сеет рознь и вражду между своими подданными, придерживаясь иезуитского правила: „Хочешь повелевать — разъединяй!“». Он подчеркивал, что эти старания царизма «встречают полное сочувствие со

стороны другого тирана — Абдул Хамида»⁷⁸. С негодованием автор пишет о кровавых событиях 9 января 1905 г., которые «способны открыть самые заспанные глаза», призывает всех мусульман Кавказа «объединиться со всяким другим народом, требующим справедливости, свободы, равенства»⁷⁹.

Тема свободы и справедливости была, пожалуй, доминантой публицистики Абдуллаха Джевдета. Он звал не столько к восстановлению конституционных порядков, сколько к ниспровержению абсолютизма и тирании. Не случайно Абдуллах Джевдет обратился к шиллеровской драме «Вильгельм Тель» — сочинению, пронизанному идеями борьбы с тиранией, за свободу народа; он не только перевел драму на турецкий, но и снабдил перевод своим предисловием, которое представляло собой, по словам Мардина, «беспощадную атаку на Абдул Хамида и деспотизм»⁸⁰.

Абдуллах Джевдет облакал свои призывы к свободе и справедливости и в стихотворную форму. Остропублицистическим был, в частности, сборник его стихов «Насилие» (1895 г., второе издание — Каир, 1906 г., в «Библиотеке Ичтихад»). Он писал в них, что те, кто творит насилие, пускает в ход кандалы и тюрьмы, угнетают нацию⁸¹. В предисловии ко второму изданию он очень эмоционально писал о деспотизме султана, который, сидя в своем дворце Йылдыз, вот уже 28 лет творит произвол, тогда как родина измучена, пребывает в состоянии упадка и нищеты⁸².

Публицистике Абдуллаха Джевдета была присуща и острая полемичность. Так, в 1903 г. он опубликовал в Париже брошюру под названием «Мера воспитания»⁸³, которая представляла собой открытое письмо редактору газеты «Шура-и уммет» Ахмеду Ризе. Поводом для написания брошюры послужила статья газеты, в которой излагались обстоятельства резкого столкновения турецкого посла в Вене Махмуда Недим-бея с Абдуллахом Джевдетом, служившим в тот момент врачом посольства⁸⁴. Догадываясь о том, что Абдуллах Джевдет намерен возобновить свою оппозиционную деятельность, посол позволил себе оскорбительное обращение с врачом. Абдуллах Джевдет вызвал посла на дуэль, но австрийская полиция выслала Джевдета из страны⁸⁵. Этот инцидент попал на страницы европейских газет, выдержки из которых Абдуллах Джевдет приводит в своей брошюре. Полемизируя с «Шура-и уммет» в оцен-

ке происшедшего, Абдуллах Джевдет писал, что поведение посла наносило ущерб престижу представляемого им «государя и правительства»⁸⁶. Вызов на дуэль был вызван, по его словам, «отсутствием у посла чувства патриотизма» и его «непристойным поведением»⁸⁷. Он отстаивал правомерность своего поступка, подчеркивая, что не согласен с высказыванием «Шура-и уммет», будто история эта нанесла ущерб его стране⁸⁸.

В этой брошюре Абдуллах Джевдет, пожалуй, ставил цель не только отвести от себя упреки «Шура-и уммет» по поводу инцидента; она содержала также критику в адрес «Шура-и уммет» по самым разным вопросам — от турецко-английских отношений до оценки таких литературных течений, как декаданс. Касаясь английской политики в отношении Османской империи, в частности захвата Англией Кипра и оккупации Египта, Абдуллах Джевдет возлагал ответственность за бедственное положение Османской империи в первую очередь на Высокую Порту⁸⁹. Автор пишет о долге перед родиной, о служении ей ценою отказа от личных интересов и благ⁹⁰. Вообще в брошюре много места уделено самовосхвалению автора. Он подробно вспоминает трудности, которые ему пришлось перенести после отъезда из Вены, когда его поступок стоил ему службы. При этом он пишет, что не дорожил ею, ибо ему «не нужны были деньги от султана». В том же духе он описывает свою встречу с эмиссаром султана Ахмедом Джелаледдин-пашой, на которой Абдуллах Джевдет потребовал освобождения политзаключенных-младотурок в обмен на прекращение издания оппозиционных эмигрантских газет⁹¹. Очевидно, с той же целью автор охаивает некоторых своих товарищей по работе в младотурецких кружках в Европе и Каире. Так, Мизанджи Мурад-бей, который прекратил борьбу, поддавшись уговорам агентов султана, Абдуллах Джевдет называл «жалким человеком»⁹². Ахмеда Ризу он обвиняет в том, что тот хочет ограничить борьбу с деспотизмом издательской деятельностью, да и то стремится не допускать на страницы «Мешверет» «острых статей». «Что сказать о человеке,— язвит он,— который, сидя в Париже, только и пишет о том, что султан такой-сякой, да и это говорится не народу, а нам самим?»⁹³.

В этом отношении брошюра Абдуллаха Джевдета довольно характерна для эмигрантской публицистики тех лет, в которой рассмотрение серьезных политических

проблем очень часто происходило на фоне личных разногласий, споров и обид. Но это не только не снижало публицистической, агитационной значимости таких изданий, но, наоборот, делало их более понятными читателю, внушающими большее доверие к идеям автора, который при этом так просто и открыто пишет о себе, о своей судьбе, прямо называет своих друзей и врагов, среди которых было много очень известных имен.

Особенно острой становится публицистика Абдуллаха Джевдета, когда он излагает свои взгляды на дальнейший путь борьбы с тиранией. Он утверждал, что многолетняя издательская деятельность младотурок в Европе не принесла серьезной пользы и потому надо менять способ действий. Пришла пора «ошеломления и кризиса», пишет он, наступило время «совершить революцию» в соответствии с законами природы и жизни. Он призывает «составить план этого близкого периода», несмотря на всю трудность его составления⁹⁴. Одновременно он призывает к более действенному разоблачению деспотизма средствами литературы и журналистики, к расширению круга воздействия этой пропаганды внутри страны. По его мнению, одно представление таких пьес, обличающих деспотизм, как «Силистрия» Кемалья или «Король забавляется» Гюго, в этом смысле значило бы больше десяти лет издания «Шура-и уммет!»⁹⁵.

Наконец, Абдуллах Джевдет затрагивал в своей брошюре еще и проблему панисламизма, который, по его словам, не более чем иллюзия, поскольку возможность осуществления этой идеи давно ушла в прошлое. Считая «единение ислама» в политическом плане «нелепостью», он в то же время горячо высказывается за воплощение этой идеи в области духовной жизни, в том числе науки и литературы⁹⁶. Заметим, что такая оценка панисламизма была свойственна большинству младотурецких публицистов того периода.

В истории младотурецкой публицистики значительную роль сыграла «Библиотека Ичтихад», издававшаяся под руководством Абдуллаха Джевдета в Каире. Из перечня ее изданий, опубликованного в 1908 г., видно, что «Библиотека» выпускала книги самого разнообразного содержания — по истории, философии, истории наук, в том числе в переводе с европейских языков⁹⁷. «Библиотека» выпускала также немало книг и брошюр по истории ислама и мусульманских государств. Но, конечно, главной целью издателей были публика-

ции, прямо направленные против абсолютизма и деспотизма. В «Библиотеке» были опубликованы «Сон» и «Письма» из Магосы» Намыка Кемаля, сборник документальных материалов о первом турецком парламенте⁹⁸, воспоминания Исмаила Хаккы-бея под названием «Суд Йылдыза» о страданиях политического заключенного при режиме Абдул Хамида, сочинение Мехмеда Кадри Насих-эфенди «Гнет и справедливость», публицистические брошюры самого Абдуллаха Джевдета и др.

Несколько интересных публицистических произведений принадлежало перу активного участника младотурецкой эмиграции Лютфи. В 1903—1906 гг. он издал в Париже, Женеве и Каире ряд брошюр, посвященных политическому положению Турции, либеральным течениям и насущным реформам. Весьма обстоятельно эти вопросы разбираются автором на страницах его брошюры «Нация и правительство», напечатанной в Париже в 1906 г.⁹⁹ Лютфи излагает в ней свой взгляд на происхождение государства и его роль в жизни человеческого общества, назначение и характер института правительства, его функции и обязанности¹⁰⁰. Так, правительство он характеризует как управляющего делами общества, а его обязанности — как справедливое исполнение установленных законов¹⁰¹. Лютфи возлагает на правительство ответственность за нормальное функционирование механизма управления во всех сферах — экономической, военной, культурной.

Наконец, в специальных разделах брошюры автор разъясняет смысл понятий «нация» и «национальное чувство»¹⁰². Он пишет, что между людьми, живущими на одной земле, возникает по разным причинам связь, любовь к родине¹⁰³. На примерах истории ряда европейских государств — Англии, Франции, Бельгии, Италии, Австрии, Венгрии — автор показывает условия возникновения той общности, которая называется нацией, — экономические, политические, духовные. В связи с вопросом о становлении нации автор касается таких аспектов, как экономический прогресс и политическая независимость, а также факторов территориальных и языковых. Брошюра с таким материалом, безусловно, представляла для читающей публики Турции интерес во многих отношениях. Что же касается политического аспекта, то Лютфи утверждал, что Османская империя нуждается в преобразованиях, которые, однако, должны быть хорошо подготовлены. Для того чтобы поставить

какую-либо страну на путь прогресса, пишет он, обеспечить ее жизнеспособность, нужно развивать у ее народа единство национальных чувств, опирающееся на общественную справедливость, патриотизм, способность к прогрессу, умение подчинять личные интересы общим. Такая страна, по словам Лютфи, сможет обеспечить себе независимое существование, в том числе экономически¹⁰⁴.

И далее автор брошюры представляет читателю младотурок, которых он называет «отрядом либералов» и «группой османских борцов за свободу», уже десять лет ведущих эту борьбу¹⁰⁵. Он пишет об организационных трудностях в младотурецком движении, о его первом конгрессе, не принесшем младотуркам единства. Теперь же, по его словам, общество младотурок окрепло и даже начало действовать внутри страны, причем наладило связь с армией¹⁰⁶.

Характер изложения в брошюре выдает в авторе сторонника принца Сабахеддина и его «Лиги децентрализации и частной инициативы» (см. об этом ниже). В частности, он подчеркивал, что если революция будет результатом просвещения народа, но он не будет понимать ее смысла, то результаты революции останутся только в воображении отдельных лиц. Настоящая революция, пишет он, не может ограничиться одной лишь сменой султана; необходимо провести децентрализацию управления государством, установить принцип свободного избрания народом чиновников, ведающих административными делами¹⁰⁷.

Под псевдонимом Дервиш Хима неоднократно публиковал небольшие публицистические сочинения один из активных младотурецких пропагандистов Ибрагим Максуд. Его перу принадлежит «Рисале о реформах» (Каир, 1906 г.), а также ряд брошюр, разоблачавших пороки деспотического правления Абдул Хамида. Одна из них была специально посвящена убийству Джавид-бея, сына великого везира Халиля Рифат-паши, ставшего одной из жертв режима¹⁰⁸. Джавид-бей был убит каким-то албанцем, которому удалось, однако, избежать казни благодаря заступничеству дворцовой камарильи¹⁰⁹. Этот эпизод дал младотурецким публицистам новый повод привлечь внимание к произволу султана и его окружения. В одной из изданных в 1902 г. в Женеве брошюр Дервиша Химы на первой странице был помещен портрет Джавид-бея с подписью, гласившей, что он убит

султаном. Рядом была напечатана карикатура на Абдул Хамида в виде согбенного старца с пистолетом в руках, идущего по дорожке сада, оставляя кровавые следы¹¹⁰.

В брошюре была приведена также обращенная к султану записка, в которой рассматривалось положение в Македонии, где бушевало мощное антифеодалное и антитурецкое крестьянское восстание. В ней говорилось, что восстановить спокойствие в Македонии необходимо таким образом, чтобы исключить всякий повод для иностранного вмешательства извне в дела империи. Кроме того, подчеркивалось в ней, в Македонии требуется положить конец административному произволу и беззаконию¹¹¹. Османистская идеология младотурецкого публициста явно сквозит и в этой брошюре, автор которой называет македонских повстанцев не иначе, как «разбойниками».

Одна из брошюр Дервиша Химы, напечатанная в Риме в 1900 г., была посвящена жертвам террора Абдул Хамида. Автор гневно клеймит султана за дикий произвол и уничтожение ни в чем не повинных людей, называя Абдул Хамида «жестоким падишахом», а его двадцатилетнее правление — тираническим¹¹².

Как мы уже отмечали, острие критики значительного большинства публицистических сочинений младотурок было направлено против личности султана, который рассматривался как первопричина всех бедствий страны. Особенно заметно это при чтении отмеченных выше сатирических газет младотурок, в которых они стремились развенчать Абдул Хамида средствами сатиры. Так, в вымышленном письме султана в ад сатирик из «Долаб» вкладывал в уста Абдул Хамида хвастливые рассуждения, что ему как халифу — наместнику пророка все дозволено, любой произвол и угнетение народа сойдут ему с рук как особе священной. Абдул Хамид утверждал, что ему безразлична критика, которой его подвергают младотурки как халифа, нарушающего шариат, что у него есть все средства — казна, ордена и чины, — с помощью которых он всегда найдет послушных ему улемов и даже, если понадобится, создаст свой, «абдулхамидовский шариат»¹¹³. Обвинить султана в неуважении к шариату, убедить в этом правоверного турка-мусульманина означало существенно облегчить для младотурок борьбу с «кровавым султаном».

Младотурки не выступали против власти султана как социального института, однако сатирическое разо-

блачение действий султана и его администрации подготавливало почву для распространения идей восстановления ликвидированных Абдул Хамидом в 1878 г. конституции и парламента, невольно подрывая тем самым авторитет султанской власти. В «Дворцовых картинках», написанных в гротескной форме, султану прямо угрожали расплатой за все его преступления перед страной и народом: призрак, являвшийся султану во сне, обращался к нему со словами: «Конституция, парламент, свобода печати! Разве все это не было у нас однажды? Придется тебе держать ответ за двадцать два года бедствий и преступлений»¹¹⁴.

В разделе «Новости» одного из номеров «Беберухи» было напечатано извещение, что некий «месье Динамит» прибыл морем в Стамбул и поселился в отеле «Йылдыз»¹¹⁵. Если вспомнить, что Йылдыз — название дворца султана, то станет совершенно ясен откровенный намек на возможность расправиться с Абдул Хамидом при помощи динамита, которого, как известно, он панически боялся. В «Дворцовых картинках» образно изображен Абдул Хамид, крадущийся по своему дворцовому саду с винтовкой в руках. С перепугу он убивает одного из своих же телохранителей, неожиданно появившегося перед ним. Султан утешает себя: дескать, убитый сам виноват, появившись внезапно. Он вспоминает, что им уже умерщвлены несколько сотен тысяч людей, но никаких угрызений совести не испытывает. И все же, отправляясь спать, Абдул Хамид вдруг представляет себе, как убитые, удушенные и утопленные по его приказу люди явятся во сне и он увидит их перед собой, объединившихся, со знаменами, на которых будет начертано «Мечь!»¹¹⁶.

Среди публицистических изданий младотурок было немало анонимных памфлетов, имевших вид маленьких брошюр, иногда буквально в три-пять страниц; обычно такие публикации были специально предназначены для нелегального провоза в страну. В одной из них, называвшейся «Надежда пробуждения», об Абдул Хамиде было сказано, что «история человечества не знала монарха более неблагородного, жадного и подлого...»¹¹⁷. В другой брошюре, обращенной специально к турецким военным морякам, о султанине говорилось как о деспоте, «совершающем преступления», как «скверном правителе», преступные действия которого необходимо разоблачать. Султана и его сановников автор (или авторы)

называл виновниками разорения страны и народа ¹¹⁸.

Абдул Хамида и его администрацию резко критиковала и брошюра «Отечество в опасности», в которой султан обвинялся в том, что породил обстановку, чреватую вмешательством держав (речь шла о резне армян, устроенной по прямому указанию «кровавого султана»). В ней также призывали султана соблюдать шариат и законы страны, созвать палату депутатов из представителей всех народов империи ¹¹⁹.

Анонимная публицистика явно агитационного характера была в начале века весьма распространенной формой публицистической деятельности младотурок. Накопленный опыт позволил им в первые же дни после победы революции 1908 г. крайне оперативно издать ряд пропагандистских брошюр, популяризовавших идеи свершившейся революции. Так, буквально на следующий день после победы младотурок появилась анонимная брошюра «Дар свободы нашим соотечественникам в провинции» ¹²⁰, в которой объяснялась сущность конституционного управления, его полное соответствие нормам и духу ислама, характер и порядок выборов в парламент. В предельно доступной форме авторы брошюры стремились убедить читателей в закономерности происшедшего переворота, представить восстановление конституции и предстоящий созыв парламента как меры, соответствующие историческим традициям страны и религии ¹²¹.

В эти же дни в Стамбуле была издана небольшая брошюра, автор которой популярно рассказывал читателям об «отце конституции» Мидхате, «провозвестнике свободы» Намыке Кемале, руководителях военного выступления младотурок. Он восхвалял младотурецкую партию «Единение и прогресс», которая «вернула народу свободу», а также солдат — героев победы ¹²². Такого рода агитационная публицистика была характерна для младотурок как в период подготовки и осуществления восстания, так и в первое время после их победы.

Среди публицистов-младотурок особое место благодаря издательской и прочей общественной деятельности и другого рода активности принадлежало Туналы Хильми ¹²³. Принимая участие в издании газеты «Османлы», он, пожалуй, главное внимание уделял изданию серии небольших брошюр по общественно-политическим вопросам, известных специалистам (а в те годы и читателям) как «Хутбы» Туналы Хильми. Ш. Мардин отме-

чает, что в изданных им 11 хутбах видно стремление автора донести слово правды до простого люда, к крестьянам, пробудить их, поднять на бунт, на восстание¹²⁴. Не случайно его брошюры написаны в форме хутб — мусульманских проповедей, что не могло не привлечь к ним внимание мусульманина-простолюдина. «Хутбы» Туналы Хильми — немалая библиографическая редкость, ибо они выпускались небольшими тиражами, чаще всего литографским способом в виде маленьких брошюр, удобных для нелегального провоза и распространения. Издавались они в Женеве, а также в центре младотурок в Каире. Многие из этих брошюр вообще не дошли до наших дней. Первая хутба появилась в октябре 1896 г.; ее содержание возбудило в среде младотурок такой интерес, что парижский центр «Единения и прогресса» счел нужным открыто поддержать выдвинутые в ней положения¹²⁵.

Туналы Хильми был одним из самых плодотворных и оперативных младотурецких публицистов. Он отличался не только простотой языка и стремлением апеллировать к простому народу, но и разнообразием тематики. Его брошюра «Первый и последний» в который раз гневно осуждала произвол и беззаконие и обвиняла правительство в том, что оно даже не пытается противодействовать деспотизму султана. Автор с презрением пишет о правительственных чиновниках — лгунах и мошенниках, погрязших в изменах и беззакониях, а Абдул Хамида называет тираном, какого свет не видел¹²⁶.

В другой брошюре, «Первое и последнее усилие», Туналы Хильми решительно протестовал против передачи о-ва Крит под управление одного из греческих принцев после греко-турецкой войны 1897 г.¹²⁷ Это была явная уступка Порты европейским державам, ибо военное превосходство в окончившейся войне было на стороне Турции. Вину за случившееся автор возлагал опять же на султана Абдул Хамида.

Произведения Туналы Хильми не отличались значительностью содержания, но они были зажигательными, возбуждали умы читателей своими боевыми призывами. Так, в восьмой хутбе, опубликованной в Женеве в 1897/1898 г., он писал: «Воины! Гази! Марш! Ворвитесь в правительственные здания, переверните вверх дном Иылдыз! Уничтожьте сердца, изгадившие все вокруг! Убейте как собак всех этих клеветников, шпионов, взяточников»¹²⁸.

В 1900—1902 гг. в Женеве и Каире было опубликовано несколько произведений Туналы Хильми¹²⁹, в том числе одиннадцатая хутба, название которой весьма примечательно: «Все жители Турции — османы, все османы — жители Турции». Годом позже Тунала Хильми опубликовал (тоже в Женеве) «Приложение к одиннадцатой хутбе», которое имело и заголовок: «Съезд. Их ответы — наши ответы»¹³⁰. Чтобы оценить название одиннадцатой хутбы и приложения к ней, нужно принять во внимание общее положение в младотурецкой эмиграции на рубеже столетий, которое характеризовалось крайней разобщенностью действий и идейной сумятицей. Стремление преодолеть разброд породило идею созыва объединительного съезда различных младотурецких группировок. Не остался в стороне от этого и Тунала Хильми: когда эта идея стала обсуждаться в младотурецких кружках и изданиях, он, судя по заголовку одиннадцатой хутбы, включился в пропаганду доктрины османизма, которую в этот момент поддерживали почти все лидеры и идеологи движения. Эта доктрина должна была стать платформой объединения на будущем съезде, о котором и шла речь в приложении к хутбе.

Публикация, как это видно из заголовка, была посвящена обсуждению идеи и принципов созыва съезда. Автор выдвигал задачу объединения всех младотурок, которых он называет «новыми османами», продолжая традицию конституционалистов 60—70-х годов. Он заявлял: «Мы предлагаем такую платформу сотрудничества и согласия, что двери съезда будут открыты даже для султана»¹³¹. Вторая часть этой фразы — скорее всего публицистический прием, свойственный перу Туналы Хильми. Но поскольку он чуть ниже вновь возвращается к этой мысли¹³², то нельзя исключить, что автор на какой-то момент надеялся на соглашение с монархом, — подобные иллюзии были весьма распространены в среде эмигрантов-младотурок в те годы. Вместе с тем эта фраза Туналы Хильми отражает его стремление привлечь к участию в съезде решительно все группировки в младотурецком движении и даже вне его: он призывал провести съезд при участии «всех, кто на него придет», избрать исполнительный комитет, а после конгресса начать действовать так, чтобы все оказывали содействие организации, которая будет создана съездом. Таким образом, автор рассчитывал с помощью съезда добиться некоторого организационного единства младо-

турок. Он писал о необходимости начать сбор средств на проведение съезда, причем не исключал возможности получения их и от некоторых европейских писателей и публицистов, которые питают дружеские чувства к Турции¹³³.

«Хутбы» Туналы Хильми — один из интересных образцов младотурецкой публицистики, в которых сочетались простейшие идеи борьбы с тиранией с попытками предложить решение национальной проблемы страны.

В августе 1900 г. в Женеве была опубликована брошюра видного деятеля младотурецкого движения Али Фахри «Съезд Молодой Турции»¹³⁴. Автор призывал к объединению всех свободолюбивых сил империи для борьбы с деспотизмом. «Нам необходимо прийти к согласию,— писал он,— чтобы похоронить это проклятое правительство, запятнанное кровью народа, и достичь свободы и равенства всех граждан»¹³⁵. Брошюра звала к решительным действиям, в частности к организационному укреплению младотурок с помощью проведения съезда, который определит формы и методы их общей борьбы за конституционные преобразования. Вместе с тем брошюра явно была направлена на консолидацию сил всех народов империи в рамках общей борьбы с режимом «зулюма» и против национально-освободительной борьбы нетурецких народов. Цели этой борьбы автор представлял как «частные интересы, как правило фатальные для общего дела», и предлагал отказаться от нее¹³⁶. Такую позицию в национальном вопросе разделяло в тот период подавляющее большинство младотурецких публицистов.

Публицистика той поры отражала не только общие задачи движения, но и его организационную и идейную разобщенность. Не только на страницах газет, но и в отдельных изданиях находила отражение идейная полемика различных группировок и их лидеров. Примером может служить небольшая брошюра «Истинное положение вещей», написанная одним из видных деятелей младотурецкого движения Шерифедином Магмуми и изданная в Париже в 1897 г.¹³⁷. Автор ее резко выступал против группы Ахмеда Ризы и издававшейся им газеты «Мешверет». Однако эта критика носила явно личный характер; так, в брошюре Ахмеда Ризу упрекали, в частности, за то, что он слишком превозносит себя и изображает дело так, будто и не было таких выдаю-

щихся деятелей реформы, как Намык Кемаль или Мидхат-паша¹³⁸. Как уже отмечалось, идейные разногласия лидеров младотурок не раз перерастали в личное соперничество.

Тема разногласий между различными группировками младотурок, долгие годы не сходявшая со страниц эмигрантских газет, нашла отражение и в ряде публицистических произведений. Так, в начале 1908 г. в Каире вышла брошюра Исмаила Хаккы «Спор, или сопоставимая истина», посвященная идейным расхождениям¹³⁹. В этом небольшом публицистическом сочинении, написанном, как сообщал автор¹⁴⁰, в 1907 г. накануне второго съезда младотурок, излагалась полемика между иттихадистами во главе с Ахмедом Ризой и децентралистской группой Сабахеддина¹⁴¹.

Поскольку доктриной младотурок в национальном вопросе был османизм, большинство их газетных материалов и отдельных изданий на эту тему отражали именно эту доктрину. В качестве весьма характерного примера заслуживает внимания брошюра «Всеобщая декларация»¹⁴², изданная, судя по тексту, в 1900—1901 гг.¹⁴³. Написали ее сыновья видного турецкого государственного деятеля Дамада Махмуд-паши, османские принцы по материнской линии Ахмед Лютфуллах и Мехмед Сабахеддин. Второй из них — хорошо известный историкам принц Сабахеддин, известный деятель младотурецкого движения в 1900-х годах¹⁴⁴. Брошюра начиналась обращением «ко всем соотечественникам османам». В ней говорилось, что «родина сегодня стала ареной решительной борьбы между деспотизмом и свободой», и что «османы ныне изнемогают в когтях деспотического правления». Режим Абдул Хамида является главным препятствием на пути к установлению свободы и справедливости. В Османской державе пресекается всякое проявление свободомыслия; по обвинению в принадлежности к «свободомыслящим» людей бросают в тюрьмы Эрзерума, Акки, Родоса и Триполи. Авторы призывали всех соотечественников к решительной борьбе против нынешнего деспотического режима¹⁴⁵.

В брошюре нет сколько-нибудь четко выраженной политической программы. Ее авторы как бы сознательно не говорят о том, каковы же, по их мнению, должны быть конкретные формы «свободного братства» всех народов Османской державы, когда рухнет ненавистный режим. Главная цель, которую они преследуют, — убе-

дять нетурецкие народы Османской империи объединиться с турками в борьбе против этого режима и не стремиться к достижению национальной и государственной независимости. Они писали, что «ставят своей целью трудиться во имя того, чтобы объединить силы наших соотечественников — турок, арабов, албанцев, армян, македонцев, греков, курдов, евреев и других — и таким путем положить конец нынешним дурным делам и заложить первые камни в фундамент завтрашнего справедливого образа правления...». Призывая «всех соотечественников-османов» объединить свои усилия в борьбе за свободу, авторы брошюры подчеркивали, что от разрозненных действий отдельных партий больше всего выигрывает нынешний деспотический режим¹⁴⁶.

Для того чтобы полностью оценить значение такой постановки вопроса, следует иметь в виду, что одна из серьезных причин неудачи конституционного движения 60—70-х годов состояла именно в том, что его лидеры — «новые османы» — в борьбе с феодально-клерикальной реакцией не сумели обеспечить союз с экономически тогда значительно более сильной инациональной буржуазией империи. Учитывая это, младотурки всячески стремились к созданию такого союза, и этой цели служила и рассматриваемая брошюра. Тем не менее младотурки, в том числе и их публицисты, повторяли ошибки своих предшественников. Они явно недооценивали стремления нетурецких народов к национальному освобождению. Предлагавшаяся им концепция османизма никак не могла устроить эти народы. В результате младотурецкое движение лишилось поддержки представителей нетурецких народов империи.

Особняком в младотурецкой публицистике стоит творчество принца Сабахеддина. Став в эмиграции убежденным сторонником французской социологической школы Лё Пле, главной идеей которой было «развитие личной инициативы», Сабахеддин пропагандировал в своей газете «Тераккы», издававшейся в Париже в 1906—1907 гг., эту идею, а также идею «децентрализации», под которой он понимал расширение прав властей вилайетов. Сразу же после революции 1908 г. эти взгляды Сабахеддин изложил в брошюре «Разъяснение относительно личной инициативы и расширения прав»¹⁴⁷, а в самом конце того же года вернулся к этой теме в другой брошюре — «Второе разъяснение относительно личной инициативы и децентрализации»¹⁴⁸. Спор

Сабахеддина с младотурками-иттихадистами по поводу конституционной реформы продолжался длительное время и отразился еще в одной его публицистической работе, написанной им в 1910—1911 гг. в Париже, куда он уехал в результате разногласий со своими идейными противниками. Эта работа называлась «Открытые письма обществу „Единение и прогресс“. Третье и последнее разъяснение относительно нашей доктрины»¹⁴⁹.

Лейтмотивом всех этих брошюр была мысль о том, что конституционная реформа сама по себе не спасет страну, не сможет обеспечить ее прогресса. Сабахеддин утверждал, что одного ниспровержения тирании и восстановления конституции совершенно недостаточно — до тех пор пока в характере жизни общества (в «образе нашей жизни», как он часто повторял в своих сочинениях) не произойдут принципиальные изменения. Суть полемики Сабахеддина с идеологами «Единения и прогресса» сводилась к критике их оценки конституционной реформы в качестве панацеи от всех экономических и политических проблем и неурядиц империи. Сабахеддин прямо писал, что свободу и независимость личности невозможно обеспечить простым низложением тирана, ибо, если не будут устранены коренные причины нищеты и отсталости страны, его место со временем займет другой такой же тиран¹⁵⁰.

Коренной же причиной отсталости страны Сабахеддин считал ее общественную структуру. Определяющим фактором прогресса, по его мнению, является не форма государственного устройства, а принадлежность данного общества к тому или иному типу общественной структуры. Следуя принципам социологической школы Лё Пле, Сабахеддин выделяет два основных типа такой структуры — «структуру партикуляризма» и «общинную структуру». Он пишет, что «народы, принадлежащие к структуре партикуляризма, в соответствии с достижениями этой структуры ищут в себе точку опоры, создают общества, которые отличают высокие производительные возможности, инициатива и независимость»¹⁵¹. В условиях же «общинной структуры» люди, по его мнению, не используют свободу личности, не развивают индивидуальные способности. Мысль о том, что развитие личной инициативы и предприимчивости индивидуума является важнейшей гарантией экономического и культурного прогресса, красной нитью проходит через все публицистические работы Сабахеддина.

В своих брошюрах Сабахеддин весьма подробно рассматривает вопрос о роли и месте личной инициативы в жизни общества. Ссылаясь на соответствующий стих Корана, он пишет, что для того, чтобы жить, человек должен везде — в семье и в обществе — полагаться на себя, искать в самом себе силы для успешного решения любых задач. Неумение же поступать таким образом объясняется отсутствием соответствующего воспитания. В результате складывается ситуация, при которой «мы хотим жить, не работая, богатеть, не зарабатывая, и, естественно, обращаемся к правительственной службе...»¹⁵².

Резко критикуя систему правительственной службы, где всякое продвижение определяется не личными качествами, а протекцией, Сабахеддин пишет, что «наша нынешняя бедность в полном смысле слова проистекает из скверного состояния нашего нынешнего образования»¹⁵³. Он постоянно подчеркивает в своих работах, что, если семья и школа — эти, по его словам, два основных фактора воспитания — не будут должным образом выполнять свои обязанности, невозможно будет рассчитывать на прогресс общественного развития. Сабахеддин утверждает, что без решительного оздоровления всей системы «национального образования» невозможен экономический и социальный прогресс. Говоря о воспитании в людях личной инициативы в рамках «структуры партикуляризма», Сабахеддин призывает брать пример с организации школьного дела во Франции, Англии и США¹⁵⁴.

В публицистике Сабахеддина заметное место занимает пропаганда османизма, приверженцем которого он объявил себя еще в первом своем публицистическом опыте — брошюре «Всеобщая декларация». Со временем он стал рассматривать османизм на фоне и в связи с идеями децентрализации административного управления, из-за которых и происходили у него наиболее острые споры с младотурками-централистами.

Сабахеддин и его сторонники считали, что конституционализм будет с успехом применен на практике только в том случае, если в основу государственного управления будет положен принцип децентрализации. Еще на страницах «Тераккы» он выступил со статьей, в которой проявил себя активным противником централизации. В этой статье он привел пример Франции, которая, по его мнению, деградировала из-за централизованно-

го управления. Сабахеддин писал, что принцип централизации, независимо от того, опирается ли он на абсолютизм, конституционализм или республиканизм, всегда ведет к упадку¹⁵⁵.

Поскольку в конкретных условиях Османской империи начала XX в. принцип децентрализации воспринимался как готовность пойти на расширение местных прав нетурецких народов, Сабахеддин в своих публицистических работах 1908—1911 гг. не раз излагал свое понимание этого принципа. Утверждая, что развитие интеллектуальной инициативы невозможно при централизованном управлении, он настаивал на расширении полномочий вилайетских властей, губернаторов и других администраторов на местах, создании общественных советов для контроля за органами управления, подобно функции парламента в столице. Он считал, наконец, необходимой общественную инспекцию доходов и расходов местных властей.

Отвечая своим противникам, Сабахеддин заявлял, что выдвигаемый им принцип децентрализации нельзя рассматривать как признание некоей автономии для того или иного района империи. Напротив, он подчеркивает необходимость защищать и укреплять «османское политическое единение», объявляя себя сторонником децентрализации на основе османизма. В своих сочинениях он всегда призывает к единству всех национальностей, населявших империю, считая, что под знаменем османов они могут создать некую «великую общность»¹⁵⁶.

Публицистика Сабахеддина не только выделяется на фоне произведений этого жанра конца XIX — начала XX в. Она также демонстрирует существенное расширение круга идей, которые отстаивали и пропагандировали турецкие публицисты на рубеже столетий. Вся публицистика этого периода — от хутб Туналы Хильми до «Разъяснений» Сабахеддина — сыграла исключительно важную роль в формировании сил протеста и борьбы с деспотизмом, в подготовке первой в истории Турции буржуазной революции. И в этом, пожалуй, главный общественно-политический результат более чем векового пути турецкой публицистики до начала нынешнего века.

Несомненно, что в конце XIX — начале XX в. главным направлением развития турецкой публицистики была борьба против режима «зулума», а публицистика младотурок стала наиболее концентрированным выра-

жением политической значимости и профессиональной зрелости турецких публицистов. Вместе с тем, говоря об этом периоде, нельзя не принять во внимание и ту ее весьма незначительную часть, которая представляла собой официозную публицистику. Она почти не нашла своего развития в прессе, ибо газеты того времени, выходявшие в самой Турции, представляли собой бесцветные издания, ограничивавшиеся по большей части официальной хроникой, лишённые своего мнения в вопросах внутреннего и внешнего положения страны¹⁵⁷. Исключение, в частности, составлял журнал «Сервет-и фюнун» («Богатство наук», 1891—1901 гг.), на страницах которого печатались те литературные произведения, которые вскрывали социальные и моральные пороки общества, выступали против фанатизма и невежества, пропагандировали идеи западной буржуазной культуры¹⁵⁸.

Естественно, что в «Сервет-и фюнун» как журнале литературном и научно-популярном не было политической публицистики. Но на его страницах в определенной мере отразились настроения, царившие в образовавшемся вокруг журнала литературном кружке, выступавшем за обновление турецкой литературы и культуры. «В обстановке мрачной абдулхамидовской реакции,— пишет Ф. А. Салимзянова,— в условиях жесточайшей цензуры, душившей любые ростки живой мысли и чувства, „Сервет-и фюнун“ оставался единственным журналом, в котором ставились и горячо обсуждались вопросы искусства и литературы»¹⁵⁹.

Дух свободолюбия и патриотизма, характерный для «вольной» турецкой публицистики конца XIX — начала XX в., находил свое отражение в стихах известного поэта и редактора «Сервет-и фюнун» Тевфика Фикрета. Такие его стихотворения, как «Следы» («На пути к свободе»), «Туман», «Маяк», «Жизнь», «Завтра», «Миг промедления» и многие другие, печатавшиеся в сборниках или «Сервет-и фюнун», не раз распространявшиеся и в списках, проникнуты ненавистью к угнетению человека, кровавому режиму Абдул Хамида II, горячим желанием обличать зло во всех его проявлениях¹⁶⁰.

Эти произведения поддерживали у читателей веру в лучшее будущее своей страны, в свободу и справедливость. В этом качестве поэзия Тевфика Фикрета была созвучна младотурецкой эмигрантской публицистике. В тяжелую для литературы Турции пору она по-своему сохраняла уже сформировавшуюся традицию турецкой

прогрессивной политической публицистики. Общественное звучание стихов Тевфика Фикрета было столь очевидно, что Порта установила за ним постоянный полицейский надзор.

Такова была, впрочем, судьба любого сколько-нибудь прогрессивно настроенного литератора в эпоху «зулюма». Когда другой известный поэт той поры, Абдулхамид Хамид, создал в период пребывания на дипломатической службе в Париже драматическую поэму «Свобода», он оказался надолго в опале, под постоянным надзором султанского двора. Эта поэма, подобно стихам Тевфика Фикрета, имела явную публицистическую направленность, обличая деспотизм и прославляя свободу. В ее главных героях — Деспоте и Либерале — легко угадывались Абдул Хамид II и Мидхат-паша. Коварство Деспота, прикинувшегося свободолюбивым правителем, а затем лишившего народ Свободы и заточившего ее в тюрьму, однозначно воспринималось читателем той поры как осуждение действий Абдул Хамида II в борьбе с первыми турецкими конституционалистами¹⁶¹.

В рамках жесточайшей абдулхамидовской цензуры появлялись все же и отдельные прозаические произведения, которые по своему духу и общественной значимости выполняли в эпоху «зулюма» и некоторые публицистические функции. В частности, это можно сказать о некоторых произведениях известного писателя Халида Зии Ушаклыгиля, его романах «Голубое и черное», «Разбитые жизни» и многих рассказах о жизни простых людей¹⁶². «Протест против существующей действительности, отвращение к ней и чувство глубокой безысходности пронизывают, — как отмечает Л. О. Алькаева, — весь роман „Голубое и черное“»¹⁶³. Хотя безысходность и пессимизм были определяющей чертой творчества литераторов, группировавшихся вокруг «Сервет-и фюнун», подобные произведения Тевфика Фикрета или Халида Зии Ушаклыгиля и других подводили читателя к критическому восприятию окружающей действительности, будили в нем чувство ненависти к злу и его носителям. Этим названные литераторы внесли свой вклад в развитие прогрессивной турецкой публицистики.

Деятельность участников кружка «Сервет-и фюнун» постоянно подвергалась нападкам официозной публицистики, лидером которой был известный литератор, историк и журналист Ахмед Мидхат. Как историк-публицист он заявил о себе подготовленной по заказу Абдул

Хамида II книгой «Основа переворота»¹⁶⁴, суть которой сводилась к такому показу событий борьбы за конституцию 1876 г., при котором тот выглядел вполне либеральным конституционным монархом. Автор представлял султана как «правителя, преданного свободе», даровавшего своему народу свободу и конституцию¹⁶⁵. Такая «своевременная» книга облегчила Абдул Хамиду расправу над конституционалистами и разгон парламента. Книга была откровенным панегириком «кровавому султану», что становилось очевидным уже из предисловия автора, содержащего безудержное славословие в адрес Абдул Хамида¹⁶⁶.

Автор обходит молчанием обстоятельства смещения и высылки Мидхат-паши. Это событие, ставшее первым ударом реакции по конституционалистам, он именуется просто «переменой в великом везирате», опуская даже имя Мидхат-паши. Зато он язвительно пишет о том, что эта «перемена» трактовалась как «окончание действия конституции» и свидетельствует о том, что парламент не будет созван¹⁶⁷. И тут же Ахмед Мидхат переходит к рассказу о первой сессии парламента, как бы подтверждая верность султана принципам конституции. Рассказом об этом и кончается книга, а последующие действия султана в направлении установления деспотического режима остались неосвещенными — тем более что второй том вышел в свет в 1878 г. (парламент был распущен в феврале 1878 г.). Так возник очередной парадокс — почти одновременно с ликвидацией конституционного режима читатель получил книгу, восхваляющую либерализм монарха и его приверженность принципам конституционализма. Другим парадоксом книги было то, что, стремясь обелить султана, Ахмед Мидхат защищал на страницах своей книги и идею свободы печати¹⁶⁸, которая вскоре была так же попорана султаном, как и конституция.

Как публицист Ахмед Мидхат проявил себя и в фельетонах, публиковавшихся на страницах пользовавшейся благосклонностью султана газеты «Терджюман-и хакикат» («Толкователь истины»), которую Ахмед Мидхат многие годы редактировал. Правда, они были направлены против отдельных чиновников¹⁶⁹ либо против крайностей в подражании некоторыми турками европейцам¹⁷⁰.

Начав в конце 60-х — начале 70-х годов сотрудничество с лидерами «новых османов», Ахмед Мидхат в кон-

це века почти весь свой опыт и знания публициста употребил на подготовку философско-публицистических трактатов, в которых он, по словам В. А. Гордлевского, выступал апологетом ислама¹⁷¹. Примером такого трактата, рассчитанного на самого широкого читателя, служит его сочинение «Ислам и знания»¹⁷², издававшееся отдельными выпусками на протяжении нескольких лет. Оно было посвящено доказательству соответствия ислама развитию и распространению научных знаний. Автор защищает ислам от критики тех, кто видел в нем препятствие общественному и культурному прогрессу.

Произведение Ахмеда Мидхата, публицистичное по форме и содержанию, построено в виде полемики с американским ученым Ж. В. Дрейпером¹⁷³. Автор подробно излагает положения труда Ж. В. Дрейпера «Спор между наукой и религией»¹⁷⁴ со своими комментариями, обосновывая в первую очередь мысль об отсутствии такого противоречия в исламе. В предисловии, рассчитанном на широкого читателя, Ахмед Мидхат прямо пишет, что видит свою задачу в том, чтобы у народов Европы и Америки было верное представление о религии ислама¹⁷⁵.

Сочинений подобного рода в конце века было написано немало. Они отражали разные тенденции — от стремления феодально-клерикальных кругов отстоять традиционные социально-правовые и культурные институты империи до желания противостоять экономическому натиску империализма, опираясь на идеализацию ислама и солидарность мусульманских государств и народов. Вторая тенденция присутствовала, как отмечалось выше, уже в публицистике 60—70-х годов, в частности в сочинениях Намыка Кемаля.

Среди публицистов, работавших в Османской империи в годы «зулюма», выделяется имя известного прогрессивного издателя и литератора Тевфика Эбуззии. Его «Библиотека знаменитых людей», а в особенности «Библиотека Эбуззии», в которой в 80—90-х годах было издано более ста книг, выглядели в условиях абдулхамидовской реакции лучом света в царстве фанатизма и невежества. В «Библиотеке Эбуззии» публиковались, в частности, сборники статей из газеты «Тасвир-и эфкяр», некоторые публицистические произведения Намыка Кемаля. В 1881 г., когда черты режима «зулюма» еще не проявились полностью, Эбуззии удалось издать даже

небольшой сборник «Избранное Кемаля»¹⁷⁶, в который вошли высказывания Намыка Кемаля по вопросам истории и прогресса, образования, литературы и искусства. Материал сборника был составлен из публикаций в «Тасвир-и эфкяр», «Ибрет» и различных сочинений Кемаля. В нем присутствовали выдержки из сочинений Кемаля по самым разным вопросам — о роли просвещения в деле общественного прогресса, чувстве патриотизма, идеях мусульманского единства и т. д. В сборник попала даже статья из «Ибрет», в которой Кемаль восхвалял английскую парламентарную систему¹⁷⁷.

Приведенные выше примеры были крайне редким исключением в публицистике страны времени «зулюма». В целом же она почти не участвовала в развитии жанра, который обогащался, обретал новые формы и приемы главным образом в среде младотурецкой эмиграции. Можно сказать, что сама турецкая публицистика три десятилетия провела в эмиграции, и эти годы оказались для нее едва ли не самыми плодотворными.

Более четверти века большая группа публицистов-младотурок жила и работала в крупнейших политических и культурных центрах европейских стран. Турецкие литераторы имели достаточно возможностей для изучения общественно-политической и культурной жизни европейских государств. Близкое знакомство связывало многих из них с литераторами и публицистами Европы. Повседневное знакомство с европейской публицистикой, как книжной, так и газетной, также имело немалое значение для их профессионального роста, овладения всем разнообразием приемов жанра.

Большое влияние на характер эмигрантской публицистики имел и тот факт, что публицисты-младотурки были не только пропагандистами тех или иных политических идей, но сами их формулировали и лично участвовали в борьбе за претворение в жизнь. При всей разношерстности идейных воззрений, отразившихся в этой публицистике, она выражала искреннее стремление младотурок к борьбе с деспотией, проповедовала идеи свободы и патриотизма. Публицистика младотурок стала важной страницей истории общественно-политической мысли страны, заметным явлением в турецкой литературе нового времени.

В целом период конца XIX — начала XX в. характеризуется большим разнообразием форм и идей в турецкой политической публицистике. В эти годы она стано-

вится важнейшим инструментом формирования общественного мнения, мощным стимулятором деятельности политической оппозиции, пропагандистом и агитатором. Ее заметная роль в подготовке первой турецкой буржуазной революции свидетельствует о том, что, пройдя долгий путь развития, турецкая публицистика к концу XIX в. уже могла в полном объеме выполнять свои общественные функции.

Заключение

Турецкая публицистика зародилась и окрепла как литературный жанр и одна из важнейших форм выражения общественно-политической мысли в эпоху нового времени, основным содержанием которой в Османской империи была борьба феодализма с медленно вызревавшими буржуазными нормами экономической и культурной жизни и правопорядка. Именно эта борьба определила характер и направленность турецких реформаторских движений в XVIII—XIX вв. Публицистика с полным правом может быть названа детищем эпохи реформ в Османской империи. В своем развитии она прошла длительный исторический путь от трактатов XVIII в., в которых лишь вырисовывались отдельные черты жанра, до политически целенаправленной публицистики «новых османов» — младотурок. Турецкая публицистика развивалась и крепла как политическое оружие движения за реформу. Вместе с тем можно определенно говорить о том, что история турецкой политической публицистики до 1908 г. представляет собой генезис самой идеи реформы. Именно эта публицистика формировала идейные воззрения реформаторов эпохи Танзимата, участников конституционного движения 60—70-х годов и младотурецкого движения конца XIX — начала XX в.

Ведущие публицисты XIX в. сформулировали такие важнейшие принципы, как экономический и культурный прогресс страны под лозунгом «европеизации», обеспечение гарантий жизни, чести и имущества подданных империи, преобразование ее в конституционную монархию, существенная роль парламента в системе государственного управления. В публицистических произведениях — книгах и брошюрах, а позднее и на страницах газет, в основном органов политической оппозиции, — все эти вопросы систематически рассматривались, причем как в чисто теоретическом, так и в совершенно практическом аспектах, применительно к положению

Османской империи. Порождением турецкой публицистики этого периода стала реакционная доктрина османизма — идеологическое обоснование сохранения целостности империи в условиях нараставшей национально-освободительной борьбы нетурецких народов.

Вместе с тем турецкая политическая публицистика своей пропагандой идей родины и патриотизма, турецкого языка и литературы делала первые шаги на пути формирования национального самосознания турецкого народа. Начав в XVIII в. с аморфных идей о значимости научных знаний и просвещения, турецкая публицистика во второй половине XIX в. стала активным участником процесса развития народного образования. Примечательно, что подавляющее большинство публицистов лично активно участвовало в движении за реформы, многие из них были его идеологами. Садык Рифат и Мустафа Фазыл, Намык Кемаль и Мидхат-паша, Ахмед Риза и Мехмед Сабахеддин — эти имена прочно вошли в историю борьбы за реформы, в историю турецкой политической публицистики. Говоря словами А. Д. Желтякова, относящимися ко всей истории турецкой печати эпохи нового времени, турецкая публицистика, «будучи порождением определенной исторической эпохи... являлась одновременно отражением и стимулом процессов и тенденций, происходивших в общественно-политической и культурной жизни страны»¹.

В ее развитии в рассмотренный нами период можно выделить и определенные этапы, конечно несколько условные хронологически.

На первом этапе (вторая четверть — конец XVIII в.), когда еще не существовало собственно публицистических произведений, отдельные черты жанра проявлялись в сочинениях традиционного характера — трактатах (рисале), посольских книгах (сефаретнаме), различного рода записках (ляиха), обычно подававшихся на имя султана или Высокой Порте. Этот период уместно назвать предысторией турецкой политической публицистики. Причины возникновения публицистических настроений у авторов того периода Е. И. Маштакова формулирует следующим образом: «В изменившихся общественных условиях, при нарастании кризисных явлений во многих областях жизни и культуры тоже, у образованных людей начали разрушаться некоторые, веками сложившиеся представления. Возникла потребность обновить толкование ряда морально-этических понятий,

внести разъяснения о соответствии данному моменту некоторых военных, правовых и прочих установлений»². Так делается принципиально важный шаг от средневековых турецких социально-политических дидактических трактатов к пропаганде общих идей европеизации.

На втором этапе (период реформ Селима III и Махмуда II и Танзимата) происходит постепенное становление жанра. Появляются произведения, которые как по содержанию, так и по форме имеют явно выраженный публицистический характер. Публицистические произведения этого периода отстаивали идеи султанов-реформаторов, поддерживали начинания инициаторов реформ Танзимата. Общие идеи европеизации приобретали конкретные формы пропаганды новых военных, административных, правовых и культурных институтов. Зарождались идеи, вылившиеся несколько позже в доктрину османизма. В целом этот период можно назвать публицистикой реформ сверху.

На третьем этапе (60—70-е годы XIX в.) появляются очевидные примеры зрелости жанра. Публицистика, став важным политическим оружием первых турецких конституционалистов, обогатилась рядом работ теоретического характера, авторы которых стремились обосновать принципы конституционного управления нормами и традициями ислама. На страницах публицистических произведений окончательно формируется идейно-политическая доктрина османизма. Именно в этот период работы публицистов наряду с некоторыми произведениями художественной литературы начинают формировать турецкое национальное самосознание. Публицисты вносят значительный вклад в борьбу за приближение литературного турецкого языка к народному. Они начинают активно участвовать в обсуждении вопросов внешней политики, а в некоторых произведениях появляются и антиимпериалистические тенденции. Важнейшая особенность этого периода — возникновение и быстрое развитие газетной публицистики, особенно ярко выраженной в «вольной» прессе «новых османов».

На четвертом этапе (последняя четверть XIX в.—1908 г.) турецкая публицистика представляет собой уже сложившийся жанр, имеющий ясную политическую направленность, определенную литературно-художественную форму и многообразие. В своем развитии она отличалась большой взаимосвязанностью газетной публицистики и многочисленных отдельных публикаций, выра-

жавшейся в общности основных проблем, обсуждения, в однозначности подхода к их решению. Продолжая в целом обсуждение круга вопросов, ставившихся в предшествующий период, младотурецкая публицистика резко расширила свои масштабы путем издания множества отдельных публикаций — книг, брошюр, листовок. Накануне младотурецкой революции публицисты выдвигали лозунги восстания против деспотизма, призывы к вооруженной борьбе против тирании, за восстановление конституционного режима.

Таким образом, турецкая публицистика прошла в своем развитии длительный путь от робких попыток пропаганды идеи европеизации до деятельного участия в борьбе с султанским абсолютизмом. Будучи активным участником общественно-политической жизни, она стала в эпоху нового времени трибуной передовых идей своего времени. Ее роль в движении за реформы определялась не только пропагандой идей реформаторов и конституционалистов. Публицистика стала своеобразной политической школой сторонников реформ, как читателей, так и самих авторов. Прогрессивная часть образованного турецкого чиновничества и молодая интеллигенция — две основные движущие силы реформаторского движения — учились на материалах публицистики, воспринимали через публицистические произведения новые идеи.

Что касается практических результатов деятельности турецких публицистов рассматриваемого периода, то их следует оценивать не столько по результатам реформ, во многом не достигших тогда должных результатов, а в плане развития тех идей, которые в конце периода привели Турцию к победе буржуазной революции 1908 г. Без преувеличения можно сказать, что в ее идейной подготовке участвовали своими трудами публицисты нескольких поколений и их идеи оставили заметный след в истории общественно-политической мысли Турции.

Примечания

Введение

¹ Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908 гг.). В переводе на турецкий этот труд был издан также в Турции в связи с исполнившимся в 1979 г. 250-летием турецкого книгопечатания.

² Маркс К. Оправдание мозельского корреспондента.— Т. 1, с. 206—207.

³ Маштакова Е. И. О турецких сефаретнаме (из истории литературы XVIII в.); она же. Сефаретнаме как жанровая форма турецкой литературы XVII в.; она же. Новые явления в турецкой культуре XVIII в. (к постановке вопроса).

⁴ Mağdîr Ş. The Genesis of Young Ottoman Thought; он же. *Yön türklerin siyasi fikirleri* (1895—1908).

⁵ См. об этом: Петросян Ю. А. Турецкие рукописные фонды библиотек и архивов Румынии и их изучение; он же. Из истории пропагандистской деятельности младотурок в эмиграции.

Глава I

¹ О реформаторской деятельности Селима III см.: Миллер А. Ф. Мустафа паша Байрактар. Оттоманская империя в начале XIX века, с. 73—118; Новичев А. Д. История Турции. Т. II. Новое время. Ч. I, с. 19—36; Karal E. Z. *Osmanlı tarihi*. Cilt V. *Nizam-i cedit ve tanzimat devirleri* (1789—1856), с. 43—76; Shaw S. I. *Between Old and New*, с. 71—180; Berkes N. *The Development of Secularism in Turkey*, с. 71—85; Lewis B. *The Emergence of Modern Turkey*, с. 55—72.

² О реформах Махмуда II см.: Новичев А. Д. История Турции. Т. II. Новое время. Ч. I, с. 216—274; Димитров С. А. Ликвидация ленно-сипахийской системы в Турции, с. 409—413; Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции, с. 12—22; Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата; Тодорова М. Н. Состав правящей элиты Османской империи в период реформ (1826—1878), с. 153—161; Розен Д. Г. История Турции от победы реформ в 1826 г. до Парижского трактата в 1856 г. Ч. I, с. 279—292; Lewis B. *The Emergence of Modern Turkey*, с. 77—103; Berkes N. *The Development of Secularism in Turkey*, с. 90—135; Karal E. Z. *Osmanlı tarihi*. Cilt V, с. 150—164; Avcıoğlu D. *Türkiye'nin düzeni*, с. 76—118.

³ См. о реформах 40—50-х годов: Новичев А. Д. История Турции. Т. III. Новое время. Ч. II. (1839—1853), с. 117—188; он же. Борьба между реформаторами и консерваторами в период Тан-

зимата (1839—1853); Розен Д. Г. История Турции от победы реформ в 1826 г. до Парижского трактата в 1856 г. Ч. II, с. 16—175; Engelhardt E. La Turquie et la Tanzimat. Т. I, с. 43—113; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt V, с. 172—195; Каунар R. Mustafa Reşit Paşa ve Tanzimat, с. 191—316; О реформах конца 50-х — начала 70-х годов см.: Новичев А. Д. История Турции. Т. IV. Новое время. Ч. III, с. 82—203; он же. Али-паша — лидер движения за реформы в Турции (Танзимата) в 50—70-х годах XIX в., с. 56—64; Фадеева И. Л. Основные черты программ османских реформаторов 50—60-х годов XIX в. Али-паши и Фуада-паши, с. 118—126; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt VI—VII; Engelhardt E. La Turquie et la Tanzimat. Т. I, с. 153—256, 263—276; Berkes N. The Development of Secularism in Turkey, с. 152—200.

⁴ См. о нем: Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции; он же. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.), с. 38—136; Желтяков А. Д. Печать..., с. 96—174; Фадеева И. Е. Мидхат-паша, жизнь и деятельность; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt VII, с. 101—112, 297—314; Cilt VIII, с. 1—80, 191—243; Davison R. H. Reform in the Ottoman Empire, 1856—1876; Devereux R. The First Ottoman Constitutional Period; Mardin Ş. The Genesis of Young Ottoman Thought.

⁵ См. о нем: Петросян Ю. А. Младотурецкое движение, с. 164—316; Шпилькова В. И. Младотурецкая революция 1908—1909 гг., с. 31—137; Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок, с. 56—131; Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt VIII, с. 510—537; Темо I. İttihad ve Terakki cemiyetinin teşekkülü ve hidematî vataniye ve inkilâbî millîye dair hatiratım; Duru K. N. İttihad ve Terakki Hatıralarım; Kuran A. B. İnkilâp tarihimiz ve İttihad ve Terakki; Mardin Ş. İön türklerin siyasi fikirleri; Ramsaur E. E. The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908; Lewis B. The Emergence of Modern Turkey, с. 190—209.

⁶ См. об этом: Petrosyan J. E. On the Motive Forces of the Reformist and Constitutionalist Movement in the Ottoman Empire, с. 13—24.

⁷ См.: Петросян Ю. А. Младотурецкое движение, с. 103—136, 254—278.

⁸ См.: Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII — начало XX в.).

⁹ См.: Петросян Ю. А. Идеи «европеизации» в общественно-политической жизни Османской империи эпохи нового времени, с. 120—126.

¹⁰ Chambers R. L. The Civil Bureaucracy (Turkey), с. 301.

¹¹ См.: Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.), с. 51—58.

¹² Цит. по: Фадеева И. Л. Основные черты программ османских реформаторов 50—60-х годов XIX в. Али-паши и Фуада-паши, с. 123.

¹³ См. о нем: Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции, с. 34—70.

¹⁴ См. о нем: Фадеева И. Е. Мидхат-паша, с. 70—100, 133—156.

¹⁵ Маркс — Энгельсу, 25 мая 1878 г. — Т. 34, с. 13.

¹ Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции, с. 79.

² См. о нем: Желтяков А. Д. Печать..., с. 27—29; Рафиков А. Х. Очерки истории книгопечатания в Турции, с. 125—128; Маштакова Е. И. Новые явления в турецкой культуре XVIII в., с. 42—49.

³ Изображение тактики, или искусный образ войск установления, обнародованное и напечатанное в Константинополе на турецком языке Ибрагим эфендием Мутеферриком Порты Османской... Переведено лейбгвардии Измайловского полку сержантом Алексеем Левашовым. СПб., 1777. Недавно ленинградский турколог Ю. А. Каменев завершил новый русский перевод сочинения Ибрагима Мутеферрика, в основу которого положен турецкий текст, тогда как основой перевода А. Левашова послужило французское издание этого труда. Мы пользовались, благодаря любезности Ю. А. Каменева, этим новым переводом.

⁴ См. о них: Тверитнинова А. С. Социальные идеи в турецких дидактических политико-экономических трактатах XVI—XVII вв., с. 402—409.

⁵ Желтяков А. Д. Печать..., с. 28.

⁶ Usul al-hikam fi hizam al-umam. Istanbul, 1144*, с. 56—6а.

⁷ Там же, с. 66—76.

⁸ Там же, с. 166.

⁹ Маштакова Е. И. Новые явления в турецкой культуре XVIII в., с. 47—49.

¹⁰ Usul al-hikam fi hizam al-umam, с. 34а.

¹¹ Там же, с. 346.

¹² См. об этом: Маштакова Е. И. О турецких сефаретнаме (из истории литературы XVIII в.), с. 120; она же. Новые явления в турецкой культуре XVIII в., с. 48—49. Отметим также, что одним из первых русских востоковедов, оценивших это сочинение Ахмеда Ресми-эфенди как памфлет, был В. В. Григорьев (см. «Московитянин», 1855, т. V, с. 99).

¹³ Uzunçarşılı İ. H. Osmanlı tarihi, с. 372—373.

¹⁴ Giritli Ahmed Resmi Efendi. Hülâsatü'l-îtibar. Второе турецкое издание было осуществлено в 1889—1890 гг. Русский перевод, выполненный О. И. Сенковским, опубликован в 1852 г. Мы пользовались этим отличным переводом в «Собрании сочинений О. И. Сенковского» (см. Библиографию).

¹⁵ Сок достопримечательного.— Собрание сочинений О. И. Сенковского. Т. VI, с. 238—239.

¹⁶ Там же, с. 237.

¹⁷ Цит. по: Маштакова Е. И. Новые явления в турецкой культуре XVIII в., с. 48. Текста этого приложения в переводе О. И. Сенковского нет.

¹⁸ Сок достопримечательного, с. 247—249.

¹⁹ Там же, с. 249—252, 262.

²⁰ Там же, с. 253.

²¹ См., например, рассказ о карьере великого везира Хинди Эмин-паши (там же, с. 254—257).

²² Там же, с. 297.

* Все издания на турецком языке до реформы 1928 г. (1346 г. х.), приведенные в настоящей работе, в оригинале напечатаны арабским шрифтом.

²³ Смирнов В. Д. Очерк истории турецкой литературы, с. 496.

²⁴ Сок достопримечательного, с. 237.

²⁵ Два списка — в библиотеке Восточного факультета ЛГУ, один — в Рукописном отделе ЛО ИВ АН СССР.

²⁶ См. о нем: Витол А. В. Из истории турецко-французских связей, с. 123—128.

²⁷ Об изданиях этого сочинения на турецком языке см.: Корау Е. Türkiye tarih yayınlar bibliografyası, 1729—1955, с. 197. Любопытно, что французское издание 1841 г. было осуществлено Парижской школой живых восточных языков в рамках «Хрестоматии восточных языков» для студентов школы: Relation de l'ambassade de Mohammed effendi (texte turk). A l'usage des élèves de l'Ecole royale et speciale des langues orientales vivantes. P., 1841.

²⁸ Bin yüz otuz iki senesinde Fransaya giden elçi Mehmed Efendinin takriridir, с. 1.

²⁹ Там же, с. 2.

³⁰ Маштакова Е. И. О турецких сепаретнаме; Витол А. В. Из истории турецко-французских связей.

³¹ Рафигов А. Ф. Очерки истории книгопечатания, с. 82.

³² Mehmed Efendinin takriri, с. 2, 44.

³³ Слово «tercüman» может означать и «выразитель чьих-либо интересов». Быть может, Али Суави так представлял свою роль в издании труда Мехмед-эфенди.

³⁴ Маштакова Е. И. Сепаретнаме как жанровая форма турецкой литературы XVIII в., с. 215.

³⁵ Маштакова Е. И. Типологические модификации в турецкой литературе переходного периода, с. 22.

Глава III

¹ См. об этом: Прохоров Е. П. Публицистика в жизни общества, с. 59—61.

² Diatribe de l'ingenieur Seid Moustapha sur l'etat actuel de l'art militaire...

³ [Mahmoud Rayf Effendi]. Tablean des nouveaux reglements de l'Empire Ottoman etc. Мы пользовались немецким изданием: Mahmud Reif Effendi. Darstellung der neusten Verordnungen im türkischen Reiche... О сочинениях Махмуда Раифа и инженера Мустафы см.: Желтяков А. Д. Печать..., с. 40—41; Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар, с. 76, 91—93; Маштакова Е. И. Новые явления в турецкой культуре XVIII в., с. 49—50.

⁴ Цит. по: Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар, с. 138.

⁵ Adıvân A. A. Osmanlı türklerinde ilim, с. 187. Приводится по: Желтяков А. Д. Печать..., с. 41.

⁶ Mahmud Reif Effendi. Darstellung..., с. 1—3.

⁷ Там же, с. 3—4.

⁸ Там же, с. 9—17.

⁹ Там же, с. 18—21.

¹⁰ Там же, с. 84—89.

¹¹ Там же, с. 89—90.

¹² Diatribe de l'ingenieur Seid Mustapha..., с. 2—10.

¹³ Там же, с. 12—13.

¹⁴ Там же, с. 14.

¹⁵ Там же, с. 15—16.

¹⁶ Там же, с. 18.

¹⁷ Там же, с. 19—20.

¹⁸ Там же, с. 20—21.

¹⁹ Там же, с. 33.

²⁰ Там же, с. 6—10, 19.

²¹ См. об этом сочинении: Миллер А. Ф. Мустафа Байрактар-паша..., с. 91.

²² Explication de l'institution du Nizam-y-Gedid, ou Nizam-Dgedid, et remarques curieuses à cet égard, par Tschelabi Effendi, l'un des principaux dignitaires de l'empire ottoman, conseiller, ministre-d'état, etc., traduites du manuscrit original turc.— В книге: W. Wilkinson. Tableau historique, géographique et politique de la Moldavie et de la Valachie. P., 1821, с. 265—355.

²³ Там же, с. 272—337.

²⁴ Там же, с. 316—318.

²⁵ Миллер А. Ф. Мустафа Байрактар-паша, с. 370.

²⁶ [Mehmed Esad-efendi]. Uss-ü zafer. Автор и дата обозначены в предисловии (с. 1). Кроме того, он упоминается в тексте (с. 3).

²⁷ Желтяков А. Д. Печать..., с. 43.

²⁸ [Mehmed Esad-efendi]. Uss-ü zafer. 1241. [Istanbul], 1293. В этом втором издании нет предисловия, а в имеющемся у нас экземпляре нет также последних трех страниц текста. Сличение с текстом первого издания показывает их идентичность. Автор обозначен в тексте на с. 3.

²⁹ [Mehmed Esad-efendi]. Uss-ü zafer, с. 1.

³⁰ Там же, с. 50—63. На это обстоятельство наше внимание обратил Ю. А. Каменев в своих примечаниях к упомянутому переводу трактата Ибрагима Мутеферика.

³¹ См.: Желтяков А. Д. Печать..., с. 58; Миллер А. Ф. Мустафа-паша Байрактар, с. 473.

³² [Assad Effendi]. Précis historique de la destruction du corps des janissaires...

³³ Прохоров Е. П. Публицистика в жизни общества, с. 59.

³⁴ См. об этом: Новичев А. Д. История Турции. Т. II. Новое время. Ч. I, с. 273—274; Шабанов Ф. Ш. Государственный строй..., с. 29—32; Дулина Н. А. Садык Рифат-паша и его проекты реформ в 30-е годы XIX в.— Тюркологический сборник 1979. М., 1984; Berkes N. The Development..., с. 129—132; Lewis V. The Emergence of Modern Turkey, с. 129—130.

³⁵ Шабанов Ф. Ш. Государственный строй..., с. 30.

³⁶ Mustafa Sami. Avrupa risalesi. Istanbul, 1840. К сожалению, мы не располагаем изданиями труда Самипаши, излагаая его основное содержание по книге Н. Беркеса.

³⁷ Berkes N. The Development..., с. 129—130.

³⁸ Там же, с. 130.

³⁹ [Sadık Rifat-paşa]. Müntahabat-i asar. Примерное время этого издания — между 1871 и 1878 гг.— определено Н. А. Дулиной по тексту первого тома книги, имеющегося в библиотеке ЛО ИВ АН СССР.

⁴⁰ Мы, к сожалению, им не располагаем. Поэтому оценка трудов Садыка Рифата основывается в данном случае на работах Н. Беркеса, Б. Льюиса и Ф. Ш. Шабанова.

⁴¹ Цит. по: Lewis V. The Emergence of Modern Turkey, с. 129.

⁴² Там же, с. 131.

⁴³ Таптінар А. Н. XIX asir türk ebediyati tarihi. Cilt I. Istanbul, 1956, с. 92—93; излагается по: Berkes N. The Development..., с. 132.

⁴⁴ Шабанов Ф. Ш. Государственный строй..., с. 31—32; *Bekes N. The Development...*, с. 132.

⁴⁵ [Sadik Rifat-paşa]. *Müntahabat-i asar*. Cilt I, с. 35—63. Эти записки подробно рассмотрены в отмеченной выше статье Н. А. Дулиной.

⁴⁶ Там же, с. 60.

⁴⁷ Фадеева И. Л. Основные черты программы османских реформаторов..., с. 120.

⁴⁸ *Belgelerle tanzimat*. Osmanlı sadrazamlarından Ali ve Fuad paşaların siyasi vasiyetnâmeleri.

⁴⁹ «Завещание» Фуад-паши впервые опубликовал на английском языке Дж. Л. Фэрли (*Farley J. Lewis. The Decline of Turkey*. L., 1875, с. 27—36); докладная записка Али-паши, написанная им в 1867 г., издана впервые на немецком языке в *Stambul und das moderne Türkentum*. Bd. I, с. 75—88; «Завещание» Али-паши опубликовано впервые на французском языке в «*La Revue de Paris*», 1910, № 7, с. 505—524; № 9, с. 105—124.

⁵⁰ *Belgelerle tanzimat...*, с. 13, 16.

⁵¹ Там же, с. 16.

⁵² Там же, с. 7.

⁵³ Там же, с. 2.

⁵⁴ Там же, с. 7.

⁵⁵ Там же, с. 2.

Глава IV

¹ См. об этом: Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.).

² См.: Желтяков А. Д. Печать..., с. 70—174.

³ *Magdin Ş. The Genesis...*, с. 252.

⁴ Кямилев Х. У истоков современной турецкой литературы, с. 56.

⁵ Желтяков А. Д. Печать..., с. 74—81; Петросян Ю. А. Младотурецкое движение, с. 47—51; *Magdin Ş. The Genesis...*, с. 252—275.

⁶ См. о них: Желтяков А. Д. Печать..., с. 96—142; Петросян Ю. А. Младотурецкое движение, с. 103—136.

⁷ Цит. по: Желтяков А. Д. Печать..., с. 104.

⁸ См.: *Kuntaу M. C. Sağlıklı İhtilalci Ali Suavi*. İstanbul, 1946.

⁹ Желтяков А. Д. Печать..., с. 109.

¹⁰ Цит. по: Желтяков А. Д. Печать..., с. 130—131.

¹¹ Петросян Ю. А. Из истории пропаганды доктрины османизма на Балканах, с. 144—145.

¹² См. об этом: *Sungu I. Tanzimat ve yeni osmanlılar*, с. 68—69.

¹³ См.: Желтяков А. Д. Печать..., с. 160—169.

¹⁴ *Magdin Ş. The Genesis...*, с. 38—39.

¹⁵ Там же, с. 39.

¹⁶ *Kuntaу M. C. Namık Kemal. Devrinin insanları ve olayları açısından*. İstanbul, 1944, с. 279—280. Серьезные сомнения в таком неслыханном для Турции тех лет тираже издания, да еще нелегального, вызывают и цифры экземпляров книг, поступавших на книжный рынок в этот период. Так, по данным А. Д. Желтякова, общий тираж к 70-м годам составлял всего 100 тыс., а с учетом различной учебной литературы мог быть лишь в два-три раза больше [Желтяков А. Д. Печать..., с. 87].

¹⁷ Изложение основных положений этого сочинения мы даем по этому изданию, представляющему собой немалую библиографическую редкость и сохранившемуся в библиотеке Восточного факультета ЛГУ. На титульном листе его указано, что сочинение переиздается по парижскому изданию — скорее всего имеется в виду издание Школы восточных языков. Этот факт еще раз позволяет усомниться в сведениях о тираже турецкого перевода «Письма», распространенного нелегально «новыми османами». От 50 тыс. тиража должно было хоть что-то сохраниться в самой Турции.

¹⁸ Существует версия о том, что идеи «Письма» были инспирированы известным французским журналистом Эмилем Жирарденом, редактором «Либерте», а сам текст писался при участии румына Ганеско из окружения Фазыл-паши (см.: *Mardin Ş. The Genesis...*, с. 39, 278). Даже если такая версия соответствует действительности, вряд ли это имеет принципиальное значение для оценки самого «Письма». Будучи опубликовано за подписью Мустафы Фазыла, оно стало явлением турецкой общественно-политической жизни, так же как в истории турецкой политической публицистики оно заняло важное самостоятельное место.

¹⁹ *Paristen bir mektup.*

²⁰ Там же, с. 6.

²¹ Там же, с. 8.

²² Там же, с. 13—14.

²³ Там же, с. 16—17.

²⁴ Там же, с. 11.

²⁵ Там же, с. 21—24.

²⁶ Там же, с. 14—15.

²⁷ Там же, с. 17.

²⁸ Письмо отправлено до негово величества султана от н. выс. Мустафа-Фазиль-паша. [Б. г., б. м.]. Хранится в Старопечатном отделе библиотеки им. Кирилла и Мефодия в Софии.

²⁹ *Paristen bir mektup*, с. 25—26.

³⁰ Его биографию см.: *Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt VIII*, с. 287—289.

³¹ Там же, с. 288.

³² *Le General Khereddine. Reformes necessaires aux états musulmans.*

³³ *Hayrettin Paşa. Mukaddime-i akvam el-masalik fi marifetu ahval ül-memalik. Derisaadet*, 1296. К сожалению, мы не располагаем этим изданием.

³⁴ *Mardin Ş. The Genesis...*, с. 386.

³⁵ *Le Generale Khéreddin. Reformes...*, с. 11.

³⁶ Там же, с. 14.

³⁷ Там же, с. 15.

³⁸ Там же, с. 25.

³⁹ Там же, с. 34.

⁴⁰ Там же, с. 18.

⁴¹ Там же, с. 16.

⁴² Там же, с. 49.

⁴³ *Midhat Pacha. La Turquie. Son passé, son avenir.*

⁴⁴ См.: *Фадеева И. Е. Мидхат-паша*, с. 103.

⁴⁵ См. об этом: *Петросян Ю. А. Из истории пропаганды доктрины османизма на Балканах*, с. 126—130; он же. *К изучению идеологии младотурецкого движения*, с. 221—227.

⁴⁶ *Midhat Paşa hazretlerinin Memalik-i osmaniyeinin mazî ve hal*

ve istikbali unvaniyle gazetelerde neşr buyurdıkları makaledir. Мы пользовались изданием 1324 (1906) г.

⁴⁷ Там же, с. 10—11.

⁴⁸ Там же, с. 29, 31.

⁴⁹ Там же, с. 31—32.

⁵⁰ Там же, с. 14—15.

⁵¹ Там же, с. 5.

⁵² Там же, с. 7—8.

⁵³ Там же, с. 13—14.

⁵⁴ Мы пользовались каирским изданием «Сна» и «Писем из Магосы». См.: Намык Кемаль. Rûya ve Magosa mektubu.

⁵⁵ Ali Ekrem. Namık Kemal, с. 34.

⁵⁶ Намык Кемаль. Rûya ve Magosa mektubu, с. 20—22.

⁵⁷ Там же, с. 30—46.

⁵⁸ Там же, с. 47.

⁵⁹ Стамбулов В. Намык Кемаль, с. 167—182.

⁶⁰ См.: Петросян Ю. А. К вопросу о характере Кулелийского инцидента 1859 г. и его месте в истории Турции.

⁶¹ Намык Кемаль. Rûya ve Magosa mektubu, с. 64—66.

⁶² Там же, с. 76.

⁶³ Там же, с. 59—62.

⁶⁴ См. о нем: Mardin Ş. İön türklerin siyasi fikirleri, с. 162—185.

⁶⁵ Rûya ve Magosa mektubu, с. 5—9, 53—56.

⁶⁶ Renan Müdafaaanamesi. Külliyyat-i Kemal, Birinci tertip. İstanbul, 1326.

⁶⁷ Там же, с. 2.

⁶⁸ Там же, с. 14.

⁶⁹ Там же, с. 31—36.

⁷⁰ Там же, с. 17.

⁷¹ Там же, с. 55.

⁷² Mardin Ş. The Genesis..., с. 324—325.

⁷³ Ziya-paşanın arzuhali.

⁷⁴ Edib-i muhterem merhum Ziya-paşanın rûyası.

⁷⁵ Ziya pašanın arzuhali, с. 24.

⁷⁶ Там же, с. 25—26.

⁷⁷ Там же, с. 26—27.

⁷⁸ Там же, с. 47—48.

⁷⁹ Там же, с. 48—49.

⁸⁰ Там же, с. 53—54.

⁸¹ Там же, с. 59—60.

⁸² Там же.

⁸³ Там же, с. 61—63.

⁸⁴ Там же, с. 63—64.

⁸⁵ Там же, с. 30—38, 45—46.

⁸⁶ Там же, с. 44—45, 67.

⁸⁷ Ziya pašanın rûyası, с. 8.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, с. 12—13.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же, с. 25—39.

⁹² Там же, с. 38—39.

⁹³ См. об этом: Шабанов Ф. Ш. Государственный строй..., с. 92—95.

⁹⁴ [Ziya Bey]. Le Droit de Succession en Turquie, с. 6. Издана на

- турецком языке в 1908 г.: [Ziya Paşa]. Veraset-i sultanat-i seniye.
- ⁹⁶ См. об этом: Желтяков А. Д. Печать..., с. 99—106.
- ⁹⁶ Цит. по: Mardin Ş. The Genesis..., с. 371.
- ⁹⁷ Ali Suavi. Le Khiva en mars 1873.
- ⁹⁸ Там же, с. 13—15.
- ⁹⁹ Там же, с. 89.
- ¹⁰⁰ Ali Suavi. A propos de l'Herzegovine.
- ¹⁰¹ Там же, с. 34.
- ¹⁰² Там же, с. 50.
- ¹⁰³ Там же, с. 39.
- ¹⁰⁴ Valmy L. D. La Turquie et l'Europe en 1867. P., 1867. На это обстоятельство первым обратил внимание Р. А. Сафрастьян (см.: Сафрастьян Р. А. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи 50—70 гг. XIX в.).
- ¹⁰⁵ Ali Suavi. A propos de l'Herzegovine, с. 1—16.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 17.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 29—35.
- ¹⁰⁸ Там же, с. 37—42.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 45—48.
- ¹¹⁰ Там же, с. 51—68.
- ¹¹¹ Там же, с. 92—94.
- ¹¹² См. об этом: Кононов А. Н. К истории формирования турецкого письменно-литературного языка, с. 269—275.
- ¹¹³ Цит. по: Ali Canip. Türk edebiyati antolojisi, с. 24.

Глава V

- ¹ См. об этом: Желтяков А. Д. Печать..., с. 239—291; Mardin Ş. Yön türklerin siyasi fikirleri.
- ² Цит. по: Желтяков А. Д. Печать..., с. 263.
- ³ Там же, с. 255.
- ⁴ См. об этом: Петросян Ю. А. Политическая сатира младотурок (по материалам малоизвестных сатирических газет).
- ⁵ «Beberuhi». 1898, № 4, с. 1—2.
- ⁶ «Dolab». 1898, № 4, с. 4.
- ⁷ См.: «Dolab». 1898, № 5, с. 4; № 6, с. 4; «Beberuhi». 1898, № 3, с. 2.
- ⁸ «Dolab». 1898, № 5, с. 2.
- ⁹ «Beberuhi». 1898, № 4, с. 6.
- ¹⁰ См. об этом подробнее: Петросян И. Е., Петросян Ю. А. Из истории турецкой «вольной» прессы, с. 99—101.
- ¹¹ English Supplement to «The Osmanlı». Geneva, 15.VII.1898, с. 5—7, 11—15, 27—29.
- ¹² См.: Петросян Ю. А. Армянский вопрос на страницах редкого эмигрантского издания младотурок, с. 173—178.
- ¹³ English Supplement to «The Osmanlı», с. 8.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, с. 27—29.
- ¹⁶ Usul-ü idare ve islahat, Muharriri bir diplomat.
- ¹⁷ Там же, с. 3—4, 9.
- ¹⁸ Там же, с. 19, 51.
- ¹⁹ Там же, с. 30—38.
- ²⁰ Там же, с. 46—47.
- ²¹ См. об этом: Желтяков А. Д. Печать..., с. 274, 276—282.
- ²² Ahmed Saib. Vaka-i sultan Abdülaziz.

- ²³ Ahmed Saib. Tarih-i sultan Murad Hamis.
- ²⁴ Ahmed Saib. Abdülhamidin evail sultanatı.
- ²⁵ Ahmed Saib. Vaka-i sultan Abdülaziz, c. 137—138.
- ²⁶ Ahmed Saib. Tarih-i sultan Murad Hamis, c. 3.
- ²⁷ Там же, с. 4.
- ²⁸ Там же, с. 5.
- ²⁹ Там же, с. 115.
- ³⁰ Там же, с. 2.
- ³¹ Ahmed Saib. Abdülhamidin evail sultanatı, c. 18—22, 28—33, 43—58.
- ³² Там же, с. 63.
- ³³ Там же, с. 101.
- ³⁴ Там же, с. 2.
- ³⁵ Там же, с. 116—130, 146—151.
- ³⁶ Ahmed Saib. Rehnüma-i inkılâp.
- ³⁷ Там же, с. 10—11.
- ³⁸ Там же, с. 19.
- ³⁹ Там же, с. 12.
- ⁴⁰ Там же, с. 13.
- ⁴¹ Там же, с. 44.
- ⁴² Там же, с. 60.
- ⁴³ Там же, с. 50—59.
- ⁴⁴ Там же, с. 51.
- ⁴⁵ Там же, с. 72—73.
- ⁴⁶ Там же, с. 31—41.
- ⁴⁷ Там же, с. 60.
- ⁴⁸ Там же, с. 68—71.
- ⁴⁹ Vazife ve mesuliyet. Muharriri Ahmed Riza. Эта брошюра, как писал в ее заключении автор, была первой в задуманной им серии «Обязанность и ответственность». В первой брошюре внимание сосредоточено на теме ответственности и обязанностей султанов и наследных принцев. В последующих выпусках предполагалось рассмотреть эти же аспекты применительно к категориям подданных — немусульманам, чиновникам и писателям.
- ⁵⁰ Там же, с. 5.
- ⁵¹ Там же, с. 5—6.
- ⁵² Там же, с. 13.
- ⁵³ Там же, с. 15—16.
- ⁵⁴ Там же, с. 20—21.
- ⁵⁵ Там же, с. 24—26.
- ⁵⁶ Ahmet Riza a. Vazife ve mesuliyet. II—Asker. Misir, 1323; III—Kadın. Misir, 1324. Не располагая этими изданиями, мы даем их характеристику по материалам упомянутой выше книги Ш. Мардина (Mardin Ş. The Genesis...).
- ⁵⁷ Ahmet Riza a. Vazife ve mesuliyet. II—Asker, c. 32, 38, 47—48. Излагается по: Mardin Ş. The Genesis..., c. 157—158.
- ⁵⁸ Ahmet Riza a. Vazife ve mesuliyet. III—Kadın, c. 7. Излагается по: Mardin Ş. The Genesis..., c. 159.
- ⁵⁹ Ahmet Riza a. Vatanın haline ve maarif-i umumiyenin islahına dair sultan Abdülhamid Han-i Sâni Hazretlerine takdim kılınan altı lâûıhdan birinci lâûıha. L., 1312. Вскоре (в 1897 г.) подобная же публикация появилась в Женеве.
- ⁶⁰ Ahmet Riza a. Lâûıha, c. 7 (излагается по: Mardin Ş. The Genesis..., c. 128).
- ⁶¹ Там же, с. 3, 5. Излагается по: Mardin Ş. The Genesis..., c. 130.

⁶² Не располагая, к сожалению, их изданиями, мы излагаем их по материалам той же книги Ш. Мардина.

⁶³ См. об этом: Желтяков А. Д. Печать..., с. 245—248, 257—259.

⁶⁴ Murat Mücahede-i Milliye. Istanbul, 1324, с. 20—21. Цит. по: Mardin Ş. The Genesis..., с. 85.

⁶⁵ Mourad Bey. La Force et la Faiblesse de la Turquie: Les coupables et les innocents, с. 58.

⁶⁶ Murat Mücahede-i Milliye, с. 100. Излагается по: Mardin Ş. The Genesis..., с. 86.

⁶⁷ Mourad Bey. La Force et la Faiblesse..., с. 10.

⁶⁸ Там же, с. 27, 48.

⁶⁹ Там же, с. 58.

⁷⁰ Там же, с. 59.

⁷¹ Murat Bey. Le Palais de Yıldız et la Sublime Porte, с. 43—46.

⁷² Там же, с. 47.

⁷³ Печатался в 1904 г. в Женеве, а затем в Каире. В наших книгохранилищах нет номеров этого издания за период до революции 1908 г., и сведениями о нем мы обязаны работе Ш. Мардина об идеологии младотурок. Журнал продолжал издаваться и после кемалистской революции.

⁷⁴ Mardin Ş. İön türklerin siyasi fikirleri, с. 184.

⁷⁵ Цит. по: Mardin Ş. Там же, с. 185.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Abdullah Cevdet. Kafkasya'daki müsülmanlara beyanname. Genevre, 1905. Экземпляр этой брошюры случайно сохранился в ЦГАОР АзербССР (см. об этом: Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок, с. 89—90).

⁷⁸ Цит. по: Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок, с. 89.

⁷⁹ Цит. по: там же, с. 89—90.

⁸⁰ Mardin Ş. The Genesis..., с. 162.

⁸¹ Abdullah Cevdet. Kahriyat. Tabi-i sani, с. 1.

⁸² Там же, с. 8.

⁸³ Abdullah Cevdet. Hadd-i tedib.

⁸⁴ В 1899 г. несколько членов женевской группы младотурок, в том числе и Абдуллах Джевдет, согласились прекратить оппозиционную деятельность в обмен на освобождение группы политзаключенных в Турции, после чего Джевдет поступил на службу в посольство в Вене.

⁸⁵ Mardin Ş. The Genesis..., с. 166.

⁸⁶ Abdullah Cevdet. Hadd-i tedib, с. 20.

⁸⁷ Там же, с. 64.

⁸⁸ Там же, с. 21.

⁸⁹ Там же, с. 26.

⁹⁰ Там же, с. 33—34.

⁹¹ Там же, с. 36—37.

⁹² Там же, с. 33—36.

⁹³ Там же, с. 43, 45.

⁹⁴ Там же, с. 49.

⁹⁵ Там же, с. 50.

⁹⁶ Там же, с. 55.

⁹⁷ İctihadın fihrist-i neşriyat. Tabâ-i salise.

⁹⁸ М. К. Türkiye'de meclis-i mebusan. Mısır, 1907. В этой книге, в частности, был опубликован полный текст опубликованной осенью

1876 г. статьи из газеты «Вақыт» («Время»), называвшейся «Конституционное управление», в которой доказывалось, что конституционный строй не противоречит шариаату, что в парламент должны войти представители всех вероисповеданий, и т. п. (с. 99—110). Указанное издание имело немалое политическое значение, показывая в действии первый турецкий парламент в момент, когда вопрос о парламентарном режиме и его восстановлении стал одним из наиболее злободневных среди тех, кто присоединился к борцам против деспотизма Абдул Хамида.

⁹⁹ Doctor Lütfi. Millet ve hükümet.

¹⁰⁰ Там же, с. 21—35.

¹⁰¹ Там же, с. 29, 33.

¹⁰² Там же, с. 36—60.

¹⁰³ Там же, с. 55.

¹⁰⁴ Там же, с. 4—5.

¹⁰⁵ Там же, с. 5.

¹⁰⁶ Там же, с. 7.

¹⁰⁷ Там же, с. 9—14.

¹⁰⁸ Mardin Ş. The Genesis..., с. 234.

¹⁰⁹ Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt VIII, с. 299.

¹¹⁰ Derviş Hima. [Bir iki söz].

¹¹¹ Там же, с. 8—9.

¹¹² Derviş Hima. Abdülhamid ve faciye-i şehadet Şeyh Hamdi, с. 2, 12—13.

¹¹³ «Dolab». 1898, № 4, с. 2.

¹¹⁴ «Beberuhi». 1898, № 5, с. 6.

¹¹⁵ «Beberuhi». 1898, № 2, с. 2.

¹¹⁶ «Beberuhi». 1898, № 5, с. 1.

¹¹⁷ Umid-i ikaz, с. 1.

¹¹⁸ Bahriyelilere mektup, с. 1—3.

¹¹⁹ Vatan tehlikede, с. 7, 20.

¹²⁰ Taşra vatandaşlarımıza hediye-yi hürriyet.

¹²¹ Там же, с. 33—37.

¹²² Selanıklı Faik. Tarihçe-i hürriyet ve padişahın efkârı.

¹²³ См. о нем: Kuran A. B. Inkılap tarimimiz ve İttihad ve Terakî, с. 91—92, 96—98, 104—105.

¹²⁴ Mardin Ş. İbn türklerin siyasi fikirleri, с. 96.

¹²⁵ К сожалению, в известной нам литературе нет сведений о содержании этой хутбы.

¹²⁶ Tunalı Hilmi. Evvel ve âhir. Genevre, [б. г.]; излагается по: Вауур У. Н. Türk inkılâbî tarihi, с. 323—324.

¹²⁷ Tunalı Hilmi. İlk ve son gayret. [Б. м., б. г.]; излагается по тому же источнику.

¹²⁸ Цит. по: Mardin Ş. The Genesis..., с. 97.

¹²⁹ См. перечень опубликованных работ Туналы Хильми в книге Ш. Мардина (Mardin Ş. The Genesis..., с. 238—239).

¹³⁰ Tunalı Hilmi. On birinci hutbeye ilave. Kongre. Эта работа Туналы Хильми оставалась неизвестной историкам младотурецкого движения. Похоже, что использованный в нашей работе экземпляр, полученный нами в 1961 г. в Меджидие (Румыния) от вдовы Ибрагима Темо, одного из создателей первой тайной организации младотурок, представляет собой крайнюю библиографическую редкость.

¹³¹ Там же, с. 4.

¹³² Там же, с. 5.

¹³³ Там же, с. 9—11.

- 134 [Ali Fahri]. Congrès de la Jeune Turquie.
- 135 Там же, с. 4.
- 136 Там же, с. 3, 5, 7—8.
- 137 Şerefeddin Magmumi. Hakikat-i hal.
- 138 Там же, с. 28—29.
- 139 İsmail Hakki. Cidal yahut makis-i hakikat.
- 140 Там же, с. 32.
- 141 См. об этом: Петросян Ю. А. Младотурецкое движение, с. 206—211.
- 142 Beyanname-i umumi. Брошюра издана, по мнению Джавида Тютенгиля, в Каире. Полный текст ее был опубликован в № 81 газеты «Османлы» — см.: Tütengil C. Prens Sabahaddin..., с. 189.
- 143 Bayur Y. H. Türk inkilâbı tarihi, с. 39—40.
- 144 Жизни и деятельности этого человека, роль которого в младотурецком движении не освещена еще в нашей литературе сколько-нибудь полно, посвящены специальные работы турецких историков Джихида Танела и Джавида Тютенгиля, опубликованные в журнале «Sosyoloji dergisi», издаваемом литературным факультетом Стамбульского университета.
- 145 Beyanname-i umumi, с. 3—5, 9.
- 146 Там же, с. 14, 5.
- 147 Sabaheddin M. Teşebbüs-ü şahsi ve tevsî-i mezuniyet hakkında bir izah.
- 148 Sabaheddin. Teşebbüs-ü şahsi ve adem-i merkezîyet hakkında ikinci bir izah.
- 149 Sabaheddin. İttihad ve Terakkî cemiyetine açık mektublar. Meslekimize hakkında üçüncü ve son bir izah.
- 150 Там же, с. 3.
- 151 Там же, с. 70—71.
- 152 Sabaheddin. Teşebbüs-ü şahsi ve tevsî-i mezuniyet..., с. 15.
- 153 Там же, с. 17.
- 154 Sabaheddin. İttihad ve Terakkî..., с. 83, 99.
- 155 Tütengil M. C. Prens Sabahaddin..., с. 193.
- 156 См. об этом подробнее: там же, с. 197—201.
- 157 См. об этом: Желтяков А. Д. Печать..., с. 209—228.
- 158 Там же, с. 230; Салимзянова Ф. А. Журнал «Сервет-и Фюнун» и творчество Тевфика Фикрета в 1896—1901 гг., с. 35—47.
- 159 Салимзянова Ф. А. Журнал «Сервет-и Фюнун»..., с. 36.
- 160 Там же, с. 44—46. См. также: Кямилев Х. Общественные мотивы в турецкой поэзии (конец XIX — середина XX века), с. 22—27.
- 161 См. об этом: Кямилев Х. Общественные мотивы..., с. 17, 20; он же. У истоков современной турецкой литературы (турецкие писатели-просветители второй половины XIX в.), с. 90.
- 162 Алькаева Л. О. Творчество Халида Зин Ушаклыгиля, с. 52—79.
- 163 Там же, с. 71.
- 164 Ahmed Midhat. Üss-ü inkilâp.
- 165 Там же. Kısım 2, с. 213—216.
- 166 Там же. Kısım 1, с. 2—7.
- 167 Там же. Kısım 2, с. 217—218.
- 168 Там же, с. 160—162.
- 169 Желтяков А. Д. Печать..., с. 307.

- 170 Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. II, с. 380.
 171 Там же.
 172 Ahmed Midhat. Islam ve ulûm.
 173 Джон Вильям Дрейпер (1811—1882) — известный американский химик и медик.
 174 Dгарег J. W. History of the Conflict between Religion and Science. [Б. м.], 1875.
 175 Ahmed Midhat. Islam ve ulûm. Birinci cüz, с. 11—12.
 176 Ebüzziya Tevfik. Cümel-i müntahabe-i Kemal.
 177 Там же, с. 5, 17, 30, 32, 44—45, 61—62.

Заключение

- ¹ Желтяков А. Д. Печать..., с. 292.
² Маштакова Е. И. Типологические модификации в турецкой литературе переходного периода (от средневековья к новому времени), с. 22.

Список использованных источников и литературы

*Классики марксизма-ленинизма**

1. Маркс К. Дебаты шестого рейнского парламента.— Т. 1.
- 1а. Маркс К. Оправдание мозельского корреспондента.— Т. 1.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Т. 3.— Т. 1.
- 2а. Энгельс Ф. Что будет с Европейской Турцией? — Т. 9.
3. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма.— Т. 22.
4. Маркс — Энгельсу, 25 мая 1876 г.— Т. 34.
5. Энгельс — Вильгельму Бракке, 25 июня 1877 г.— Т. 34.
- 5а. Ленин В. И. Что делать? — Т. 6.
6. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература.— Т. 12.
7. Ленин В. И. Как не следует писать резолюций.— Т. 15.
8. Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века.— Т. 17.
9. Ленин В. И. Пробуждение Азии.— Т. 23.
10. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма.— Т. 27.

Источники на турецком языке

11. Abdullah Cevdet. Kahriyat. Tabi-i sani. Mısır, 1906.
12. Abdullah Cevdet. Hadd-i tedib. P., 1903.
13. Ahmed Midhat. Uss-ü inkilâp. Kısım 1—2. İstanbul, 1294—1295.
14. Ahmed Midhat. Islam ve ulûm. Derisaadet. 1313—1318.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса указаны по 2-му изд. Сочинений, произведения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

15. Ahmed Saib. Vaka-i sultan Abdülaziz. Mısır-el-Kahire, 1320.
16. Ahmed Saib. Tarih-i sultan Murad Hamis. Mısır-el-Kahire, [6. r.]
17. Ahmed Saib. Abdülhamidin evail sultanatı. Mısır, 1326.
18. Ahmed Saib. Rehnüma-i inkılâp. Mısır, 1318.
19. Ali Canip. Türk edebiyatı antolojisi. İstanbul, 1934.
20. Bahriyelilere mektup. [B. r., 6. m.], (arab. şriфт).
21. «Beberuhi». [Genevre], 1898.
22. Belgelerle tanzimat. Osmanlı sadrazamlarından Ali ve Fuad paşaların siyasi vasiyetnameleri, Bogaziçi universitesi yayinlari. [B. m.], 1978.
23. Beyanname-i umumi. [B. m., 6. r.], (arab. şriфт).
24. Bin yüz otuz iki senesinde Fransaya giden elçi Mehmed Efendinin takriridir. P., 1288.
25. Derviş Hima. Abdulhamid ve faciye-i şehadet Şeyh Hamdi. Roma, 1315.
26. Derviş Hima. [Bir iki söz]. Genevre, 1902.
27. Doctor Lutfi. Millet ve hükümet. P., 1906.
28. «Dolab». [B. m.], 1898.
29. Duru K. N. Ittihad ve Terakki Hatıralarım. İstanbul, 1957.
30. Ebüzziya Tevfik. Cümel-i müntahabe-i Kemal. İstanbul, 1299.
31. Edib-i muhterem merhum Ziya-paşanın rüyasi. Derisaadet, 1326.
32. Giritli Ahmed Resmi Efendi. Hülâsâtül-İtibar. Derisaadet, 1286.
33. İctihadin fihrist-i neşriyat, Tabâ-i salise. Mısır, 1908.
34. İsmail Hakkı. Cidal yabut makis hakikat. Kahire, 1908.
35. [Mehmed Esad-efendi]. Uss-ü zafer. [İstanbul, 1243].
36. Midhat Paşa. Hazretlerinin memalik-i osmaniyeinin mazi ve hal ve istikbali. Derisaadet, 1324.
37. M. K. Türkyede meclis-i mebusan. Mısır, 1908.
38. Namık Kemal. Rüya ve Magosa mektubi. Mısır, 1908.
39. Namık Kemal. Vatan yahut Silistre. İstanbul, 1943.
40. Paristen bir mektup. Derisaadet, 1326.
41. Renan Müdafaaanamesi. Külliyyat-i Kemal, Birinci tertip. İstanbul 1326.
42. Sabaheddin M. Tesebbüs-ü şahsi ve tevsii mezuniyet hakkında bir izah. Derisaadet, [1324].
43. Sabaheddin M. Teşebbüs-ü şahsi ve adem-i merkezîyet hakkında ikinci bir izah. İstanbul, 1324.
44. Sabaheddin. İttihad ve Terakki cemiyetine açık mektublar. Meslekimize hakkında üçüncü ve son bir izah. [İstanbul], 1327.
45. [Sadık Rifat-paşa]. Müntahabat-i asar. Cilt I—II. [B. m., 6. r.], (arab. şriфт). İstanbul, 1324.
46. Selanikli Faik. Tarihçe-i hürriyet ve padişahın efkârı. İstanbul, 1324.
47. Şerefeddin Mağmumi. Hakikat-i hal. P., 1315.
48. Tahsin Paşa. Abdülhamit ve Yıldız hatıraları. İstanbul, 1931.
49. Taşra vatandaşlarımıza hediye-yi hürriyet. 1324.
50. Temo I. İttihad ve Terakki cemiyetinin teşekkülü ve hedematı vataniye ve inkilab millîye dair hatıratım. Mecidiye (Romanya), 1939.
51. Tunali Hilmi. On birinci hutbeye ilave. Kongre. Misir-el-Kahire, 1319.

52. Usul-ü idare ve islahat. Muharriri bir diplomat. [Б. м.], 1319.
53. Umid-i ikaz. [Б. м., 6. г.], (араб. шрифт).
54. Vatan tehlikede. [П., 1313].
55. Vazife ve mesuliyet. Muharriri Ahmed Riza. Mısır, [1903].
56. Ziya-paşanın arzuhali. İstanbul, 1327.
57. [Ziya Paşa]. Veraset-i sultanat-i seniye. İstanbul, 1326.

Турецкие источники на европейских языках

58. [Ali Fahri]. Congrès de la Jeune Turquie. Genève, 1900.
59. Ali Suavi. Le Khiva en mars 1873. P., 1873.
60. Ali Suavi. A propos de l'Herzegovine. P., 1875.
61. [Assad Effendi]. Precis historique de la destruction du corps des janissaires par le Sultan Mahmoud en 1826. Traduit du turc par A. P. Caassin de Perceval. P., 1838.
62. Diatribe de l'ingenieur Seid Moustapha sur l'état actuel de l'art militaire, de génie, et des sciences à Constantinople. Dans la nouvelle typographie de Scutari fondée par le Sultan Selim III. [İstanbul], 1803.
63. English Supplement to «The Osmanli». Geneva, 1898.
64. Le Général Khereddine. Réformes nécessaires aux états musulmans. P., 1868.
65. [Mahmoud Rayf Effendi]. Tableau des nouveaux réglemens de l'Empire Ottoman etc. Constantinople, 1798.
66. Mahmud Reif Effendi. Darstellung der neusten Verordnungen im türkischen Reiche, aus dem Französischen übersetzt. B., 1802.
67. Midhat Pacha. La Turquie, son passe, son avenir. P., 1878.
68. Mourad Bey. La Force et la Faiblesse de la Turquie: Les coupables et les innocents. Genève, 1897.
69. Murat Bey. Le Palais de Yildiz et la Sublime Porte. P., 1895.
70. Relation de l'ambassade de Mohammed effendi (texte turk). A l'usage des élèves de l'Ecole royal et speciale des langues orientales vivantes. P., 1841.
71. [Tschelebi Effendi]. Explication de l'institution du Nizam-y-Cedid... — Wilkinson W. Tableau historique, géographique et politique de la Moldavie et de la Valachie. P., 1821.
72. [Zia Bey]. Le Droit de Succession en Turquie. Deux lettres de Zia Bey un de ses amis à Constantinople. P., 1868.

Литература

73. Абдуллаев И. Человек удивительной судьбы.— «Советский Дагестан». 1968, № 1.
74. Алиев Г. З. Турция в период правления младотурок. М., 1972.
75. Алимов А. А. Борьба за конституцию 1876 г. в Турции.— «Историк-марксист». 1929, т. 14.
76. Алимов А. А. Революция 1908 г. в Турции.— «Пробуждение Азии». М., 1935.
77. Алькаева Л. О. Творчество Халида Зия Ушаклыгиля. М., 1956.

78. Витол А. В. Из истории турецко-французских связей.— «Народы Азии и Африки». 1976, № 4.
79. Витол А. В. Османская империя в первой трети XVIII века: зарождение идей обновления государства. Автореф. канд. дисс. Л., 1982.
80. Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1979.
81. Гарбузова В. С. Поэты Турции XIX века. Л., 1970.
82. Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983.
83. Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов, 2-е, дополненное издание. Ер., 1982.
84. Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. II—III. М., 1961, 1962.
85. Деборин А. М. Социально-политические учения нового времени. Т. 1, М., 1958.
86. Димитров С. А. Ликвидация ленно-сипахийской системы в Турции.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963.
87. Долинина А. А. Очерки истории арабской литературы нового времени. М., 1968.
88. Дулина Н. А. Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980.
89. Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 1971.
90. Желтяков А. Д., Петросян Ю. А. История просвещения в Турции (конец XVIII—начало XX в.). М., 1965.
91. Желтяков А. Д. К вопросу о вестернизации Турции в новое время.— Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. II. Л., 1968.
92. Желтяков А. Д. Печать в общественно-политической и культурной жизни Турции (1729—1908 гг.). М., 1972.
93. Инджикян О. Г. Буржуазия Османской империи. Ер., 1977.
94. Каменев Ю. А. Некоторые источники трактата Ибрахима Мутеферрика.— Востоковедение. Т. 4. Л., 1977.
95. Киракосян Дж. С. Буржуазная дипломатия и Армения (70-е годы XIX века). Ер., 1981.
- 95а. Кононов А. Н. К истории формирования турецкого письменно-литературного языка.— Тюркологический сборник 1976. М., 1978.
96. Кямилев Х. У истоков современной турецкой литературы (турецкие писатели-просветители второй половины XIX в.). М., 1967.
97. Кямилев Х. Общественные мотивы в турецкой поэзии (конец XIX—середина XX в.). М., 1969.
98. Левин З. И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте (новое время). М., 1972.
99. Малюковский М. В. Начальный этап мусульманской реформации в Египте.— «Краткие сообщения ИВ АН СССР». Вып. XVII. М., 1959.
100. Маштакова Е. И. О турецких сефаретнаме (из истории литературы XVIII в.).— «Problemy literatur orientalnych». Warszawa, 1974.
101. Маштакова Е. И. Сефаретнаме как жанровая форма турецкой литературы XVIII в.— Тюркологический сборник 1973. М., 1975.
102. Маштакова Е. И. Новые явления в турецкой культуре

XVIII в. (к постановке вопроса).— Проблемы истории Турции. М., 1978.

103. Маштакова Е. И. Типологические модификации в турецкой литературе переходного периода (от средневековья к новому времени). Автореф. докт. дисс. М., 1983.
104. Миллер А. Ф., Мустафа-паша Байрактар. Османская империя в начале XIX века. М.—Л., 1947.
105. Миллер А. Ф. Краткая история Турции. М., 1948.
106. Миллер А. Ф. Буржуазная революция 1908 г. в Турции.— «Советское востоковедение». 1955, № 6.
107. Миллер А. Ф. 50-летие младотурецкой революции. М., 1958.
108. Новичев А. Д. История Турции. Т. II. Новое время. Ч. I (1792—1839). Л., 1968.
109. Новичев А. Д. История Турции. Т. III. Новое время. Ч. II (1839—1853). Л., 1973.
110. Новичев А. Д. История Турции. Т. IV. Новое время. Ч. III (1853—1875). Л., 1978.
111. Новичев А. Д. Подготовка реформ Селима III.— Тюркологический сборник. М., 1966.
112. Новичев А. Д. Борьба между реформаторами и консерваторами в период Танзимата (1839—1853).— Тюркологический сборник 1973. М., 1975.
113. Новичев А. Д. Али-паша — лидер движения за реформы в Турции (Танзимата) в 50—70-х годах XIX в.— «Вестник Ленинградского Университета». 1977, № 8.
114. Петросян Ю. А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М., 1958.
115. Петросян Ю. А. К вопросу о характере Кулелийского инцидента 1856 г. и его месте в истории Турции.— «Народы Азии и Африки», 1961, № 6.
116. Петросян Ю. А. Турецкие рукописные фонды библиотек и архивов Румынии и их изучение.— «Народы Азии и Африки». 1962, № 4.
117. Петросян Ю. А. Из истории пропагандистской деятельности младотурок в эмиграции.— «Народы Азии и Африки». 1963, № 4.
118. Петросян Ю. А. К изучению идеологии младотурецкого движения.— Тюркологический сборник. М., 1966.
119. Петросян Ю. А. Политическая сатира младотурок (по материалам малоизвестных сатирических газет).— «Народы Азии и Африки». 1969, № 6.
120. Петросян Ю. А. Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1971.
121. Петросян Ю. А. Из истории пропаганды доктрины османизма на Балканах.— Тюркологический сборник 1973. М., 1975.
122. Петросян Ю. А. Идеи «европеизации» в общественно-политической жизни Османской империи эпохи нового времени.— Тюркологический сборник 1976. М., 1978.
123. Петросян Ю. А. Армянский вопрос на страницах редкого эмигрантского издания младотурок.— «Историко-филологический журнал». Ер., 1982, № 2.
124. Петросян И. Е., Петросян Ю. А. Из истории турецкой «вольной» прессы.— «Народы Азии и Африки». 1982, № 2.
125. Прохоров Е. П. Публицистика в жизни общества. М., 1968.

126. Рагозина Е. А. Из дневника русской в Турции перед войной 1877—1878 гг. СПб., 1910.
127. Рафиков А. Х. Очерки истории книгопечатания в Турции. Л., 1973.
128. Розен Д. Г. История Турции от победы реформ в 1826 г. до Парижского трактата в 1856 г. Ч. I—II. Пер. с нем. СПб., 1872.
129. Салимзянова Ф. А. Журнал «Сервет-и фюнун» и творчество Тевфика Фикрета в 1896—1901 гг.— «Краткие сообщения Института народов Азии». Вып. 60. Турция. М., 1962.
130. Саркисян Е. К. Политика османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX в. Ер., 1972.
131. Сафрастьян Р. А. Доктрина османизма в политической жизни Османской империи 50—70-х гг. XIX в. Автореф. канд. дисс. Ер., 1983.
132. Смирнов В. Очерки истории турецкой литературы. СПб., 1891.
133. Смирнов В. Д. Очерк истории турецкой литературы.— Всеобщая история литературы. Т. 4. СПб., 1892.
134. Сок достопримечательного. Пер. с тур.— Собрание сочинений О. И. Сенковского (барона Брамбеуса). Т. VI. СПб., 1859.
135. Стамбулов В. Намык Кемаль. М., 1935.
136. Твертинова А. С. Социальные идеи в турецких дидактических политико-экономических трактатах XVI—XVII вв.— Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. II. М., 1963.
137. Тодорова М. Н. Европизация Османской империи.— «Народы Азии и Африки». 1977, № 2.
138. Тодорова М. Н. Состав правящей элиты Османской империи в период реформ (1826—1878).— Тюркологический сборник 1976. М., 1978.
139. Тодорова М. Н. Англия, Россия и танзимат (вторая четверть XIX в.). М., 1983.
140. Убичини А., де Куртейль П. Современное состояние Оттоманской империи. СПб., 1877.
141. Фадеева (Петросян) И. Е. Мидхат-паша, жизнь и деятельность. М., 1977.
142. Фадеева И. Л. Основные черты программы османских реформаторов 50—60-х годов XIX в. Али-паши и Фуад-паши.— «Народы Азии и Африки». 1978, № 4.
143. Шабанов Ф. Ш. Государственный строй и правовая система Турции в период танзимата. Баку, 1967.
144. Шпилькова В. И. Младотурецкая революция 1908—1909 гг. М., 1977.
145. Adivar. A. A. Osmanlı türklerinde ilim. İstanbul, 1970.
146. Ali Ekrem. Namık Kemal. İstanbul, 1930.
147. Avcıoğlu D. Türkiye'nin düzeni. Kitap 1. İstanbul, 1978.
148. Bayur Y. H. Türk inkilâbi tarihi. Cift I, kısım 1. Ankara, 1963.
149. Bilgegil M. K. Ziya paşa üzerinde bir araştırma. Erzurum, 1970.
150. Dizdaroğlu H. Şinasi, Hayati, sanatı, eserleri. İstanbul, 1954.
151. Findikoğlu Z. F. Auguste Comte ve Ahmed Riza. İstanbul, 1962.

152. Gövsa A. Türk meşhurları ansiklopedisi. İstanbul, 1946.
153. Kaplan M., Namık Kemal. Hayati ve eserleri. İstanbul, 1948.
154. Karal E. Z. Tanzimattan evvel garplılaştırma hareketi (1718—1839).—Tanzimat, I. İstanbul, 1940.
155. Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt V, Nizam-i cedit ve tanzimat devirleri (1789—1856). Ankara, 1961.
156. Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt VI, Islâhat fermanı devri, 1856—1861. Ankara, 1954.
157. Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt VII. Islâhat fermanı devri, 1861—1876. Ankara, 1956.
158. Karal E. Z. Osmanlı tarihi. Cilt VIII. Birinci meşrutiyet ve istibdat devirleri (1876—1907). Ankara, 1962.
159. Kısakürek N. F. Namık Kemal. Şahsi, eseri ve tesirleri. İstanbul, 1966.
160. Koray E. Türkiye tarih yayınlar bibliografyası, 1729—1955. Basım 2. İstanbul, 1959.
161. Kuntay M. C. Namık Kemal. Devrinin insanları ve olayları arasında. Cilt I—II (kısım I). İstanbul, 1949.
162. Kuran A. B. İnkilâp tarihimiz ve ön türklükler. İstanbul, 1945.
163. Kuran A. B. İnkilâp tarihimiz ve İttihad ve Terakkî. İstanbul, 1948.
164. Kuran A. B. Osmanlı imparatorluğunda inkilâp hareketleri ve milli mücadele. İstanbul, 1956.
165. Mardin Ş. Ön türklüklerin siyasi fikirleri, 1895—1908. Ankara, 1964.
166. Müzhet S. Türk gazeteciliği (1831—1931). İstanbul, 1931.
167. Sungu I. Tanzimat ve yeni osmanlılar — Tanzimat. I. İstanbul, 1940.
168. Tanyol C. Prens Sabahattin.—«Sosyoloji dergisi». İstanbul, 1949, № 4—5.
169. Tökin F. H. Türk tarihinde siyasi partiler ve siyasi düşüncenin gelişmesi, 1839—1965. İstanbul, 1965.
170. Tunaya T. Z. Türkiyede siyasi partiler. İstanbul, 1952.
171. Tunaya T. Z. Türkiyenin siyasi hayatında batılılaşma hareketleri. İstanbul, 1960.
172. Tütengil M. C. Prens Sabahaddin (1877—1948) — «Sosyoloji dergisi». İstanbul, 1949, № 4—5.
173. Unat F. R. Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri. Ankara, 1968.
174. Uzunçarşılı I. H. Osmanlı tarihi. Cilt IV. Kısım I. Karlofça anlaşmasından XVIII yüzyilin sonlarına kadar. Ankara, 1956.
175. Akyüz K. Les jennes turcs et le reformes dites du Tanzimat.—Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Т. II., М., 1963.
176. Ali Haydar Midhat. Midhat-pacha, sa vie, son oeuvre. P., 1908.
177. Berkes N. The Development of Secularism in Turkey. Montreal, 1964.
178. Chambers R. L. The Civil Bureaucracy (Turkey).—Political Modernization in Japan and Turkey. Princeton, 1964.
179. Davison R. H. Reform in the Ottoman Empire, 1856—1876. Princeton, 1963.
180. Devereux R. The First Ottoman Constitutional Period. Baltimore, 1963.
181. Engelhardt E. La Turquie et la Tanzimat. Vol. I—II. P., 1884.

182. Fesch P. Constantinople aux derniers jours d'Abdul-Hamid. P., 1907.
183. Findley C. V. Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire. The Sublime Porte, 1789—1922. Princeton, 1980.
184. Léouzon L. Midhat-Pacha. P., 1877.
185. Lewis B. The Emergence of Modern Turkey. London — New York — Toronto, 1965.
186. Mardin Ş. The Genesis of Young Ottoman Thought. Princeton, 1962.
187. Millingen F. La Turquie sous le règne d'Abdul-Aziz (1862—1867). P., 1868.
188. Petrosyan J. E. On the Motive Forces of the Reformist and Constitutional Movement in the Ottoman Empire (Some Social Transformation Processes).— *Economie et sociétés dans l'Empire Ottoman (fin du XVIIIe — début du XXe siècle)*. P., 1983.
189. Ramsaur E. E. The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908. Princeton, 1957.
190. Shaw S. I. Between Old and New: The Ottoman Empire under Sultan Selim III, 1789—1807. Cambridge, 1971.
191. Stambul und das moderne Türkentum, von einem Osmanen. Bd. I—II. Lpz., 1877—1878.
192. «Босна». Сараево, 1877.
193. Димитров С. За политика на турските либерални кръгове в навечераето на априлското въстание.— *Априлското въстание (1876—1966)*. София, 1966.
194. Татарлъ Ибрахим. Художествени методи и литературни направления в новата турска литература в нейния начален стадий на формиране (просвещенският реализъм).— «Годишник на Софийския университет». Т. LXI, 2, 1967.

Содержание

Введение	3
Глава I. Движение за реформы в Османской империи и его идеология	9
Глава II. У истоков турецкой публицистики	23
Глава III. Становление жанра. Реформы конца XVIII — первой половины XIX в. и публицистика	33
Глава IV. Конституционное движение и публицистика	49
Глава V. Турецкая публицистика в годы режима «зулюма»	78
Заключение	119
Примечания	123
Список использованных источников и литературы	136

Юрий Ашотович ПЕТРОСЯН

**ТУРЕЦКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА ЭПОХИ РЕФОРМ
В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
(конец XVIII — начало XX в.)**

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редактор *Ю. О. Магидсон*. Младший редактор *Н. Н. Комарова*. Художник *Б. Г. Дударев*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *В. П. Стуковнина*. Корректор *К. Н. Драгунова*

ИБ № 15104

Сдано в набор 28.08.84. Подписано к печати 07.01.85. А-02318. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 7,56. Усл. кр.-отг. 7,67. Уч.-изд. л. 8,48. Тираж 1300 экз. Изд. № 5729. Зак. № 583. Цена 1 р. 30 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Первое в отечественной историографии исследование истории возникновения и развития жанра политической публицистики в Османской империи на фоне развития турецких реформаторских движений эпохи нового времени. История турецкой публицистики написана на основе анализа оригинальных турецких первоисточников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.